

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 5 (174) май 2025

В НОМЕРЕ:

Шишмарева Т. П.

Оспаривание семейно-правовых сделок
(действий) несостоятельного должника

Брежнев О. В.

Право граждан на организацию
и проведение публичных мероприятий
в решениях Конституционного Суда
Российской Федерации

Чеха В. В.

Сетевая форма реализации
образовательных программ: основные понятия

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 20 № 5 (174) МАЙ 2025

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашипилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кухановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)	5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки. 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки. 5.1.4. Уголовно-правовые науки. 5.1.5. Международно-правовые науки.
РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.
ISSN	1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru
САЙТ	https://aprp.msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 11178 Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет 28.05.2025 Объем 20,57 усл. печ. л., формат 60×84/8 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная
Переводчики	Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова
Редакторы	М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина
Корректор	С. И. Ершова
Компьютерная верстка	Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 20 № 5 (174) MAY 2025

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of
Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

28.05.2025
Volume: 20.57 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

S. I. Ershova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Содержание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Староверова Е. В.** О процентах по договору займа в русском праве XII–XVII вв. 11
- Шаталов Е. А.** Влияние монголо-татарского ига, Золотой Орды
на развитие русского средневекового права:
мистификация историко-юридического знания
как одна из актуальных проблем отечественной науки 23

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Вартанян С. Г.** Относительные субъективные права:
проблемные аспекты идентификации в структуре правовых связей 39

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Брежнев О. В.** Право граждан на организацию и проведение публичных
мероприятий в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 53

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Савина А. В.** Легализация майнинга и криптобиржи в России:
риски и пределы правового регулирования 64
- Великий Д. Г.** Обеспечение прозрачности
использования бюджетных инвестиций 72

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Парыгина Н. Н.** Категории злоупотребления правом
и противоречивого поведения в контексте диффамационных споров 81
- Сидоров А. В.** Разграничение субсидиарной ответственности
контролирующих должника лиц с применением
иных мер гражданско-правовой ответственности 91
- Кондратьев В. А.** Понятие и виды взаимосвязанных сделок,
оспариваемых по правилам законодательства о банкротстве 99

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Зайков Д. Е.** Проблемы правового регулирования и практики применения
судебных штрафов в гражданском судопроизводстве 108

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Шишмарева Т. П.** Оспаривание семейно-правовых
сделок (действий) несостоятельного должника 116
- Четвергов Д. С.** Правовые проблемы посреднической
деятельности на рынке цифровых финансовых активов 124

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Зашляпин Л. А.** Процессуальный порядок принятия решения
в уголовном судопроизводстве (от общего к частному) 136

АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

- Цветкова Е. С.** Участие нотариуса в обороте долей обществ
с ограниченной ответственностью в аспекте принципов
каузальности и абстракции: проблемы теории и практики 145

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Фонотова О. В.** Феномен транснационализации
в международном коммерческом праве 156

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

- Чеха В. В.** Сетевая форма реализации
образовательных программ: основные понятия 168

Contents

PAGES OF HISTORY

Staroverova E. V. Interest Rates in Loan Agreements under Russian Law from the 12th to 17th Centuries	11
Shatalov E. A. The Influence of the «Mongol-Tatar Yoke» and the «Golden Horde» on the Development of Russian Medieval Law: The Mystification of Historical and Legal Knowledge as a Pertinent Issue in Domestic Scholarship	23

THEORY OF LAW

Vartanyan S. G. Relational Subjective Rights: Problematic Aspects of Identification within the Structure of Legal Relations	39
---	----

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNANCE

Brezhnev O. V. The Right of Citizens to Organize and Hold Public Events in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation	53
--	----

FINANCIAL LAW

Savina A. V. Legalization of Mining and Cryptocurrency Exchanges Work in Russia: Risks and Limits of Legal Regulation	64
Velikiy D. G. Ensuring Transparency in Budgetary Investments	72

CIVIL LAW AND FAMILY LAW

Parygina N. N. Categories of Abuse of the Right and Inconsistent Behavior in the Context of Defamation Disputes	81
Sidorov A. V. Delimitation of Subsidiary Liability of the Debtor's Controlling Persons by means of Application of Civil Penalties	91
Kondratiev V. A. The Concept and Types of Related Transactions Contested under the Rules of Bankruptcy Legislation	99

CIVIL AND ADMINISTRATIVE COURT PROCEDURE

Zaykov D. E. Problems of Legal Regulation and Practice of Application of Court Fines in Civil Proceedings	108
---	-----

BUSINESS AND CORPORATE LAW

Shishmareva T. P. Challenging Family Law Transactions (Actions) of an Insolvent Debtor	116
Chetvergov D. S. Legal Issues of Intermediary Activities in the Digital Assets Market	124

CRIMINAL PROCEDURE

Zashlyapin L. A. Procedural Order for Decision Making in Criminal Proceedings (General to Specific)	136
---	-----

ADVOCACY AND NOTARY

Tsvetkova E. S. Participation of a Notary in the Transactions with Limited Liability Companies Shares in the Aspect of the Principles of Causality and Abstraction: Problems of Theory and Practice	145
--	-----

INTERNATIONAL LAW

Fonotova O. V. The Phenomenon of Transnationalization in International Commercial Law	156
---	-----

LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

Chekha V. V. Network Form of Implementation of Educational Programs: Basic Concepts	168
---	-----

О процентах по договору займа в русском праве XII–XVII вв.

Аннотация. Заем — один из наиболее значимых договоров в истории отечественной юридической практики. Основы его правового регулирования заложены еще Русской Правдой. Она ставила порядок взимания процентов по займу в зависимость от срока договора и его предмета, не обходя стороной и вопрос о возможности взимания процентов в случае просрочки должника. Ставка 20 % годовых, предусмотренная Русской Правдой для долгосрочных денежных займов, в праве Московской Руси оставалась стандартной вплоть до середины XVII в. Впрочем, существовали способы обхода правила об обычном размере взимаемого процента, которые выявляются на примере займов, обеспеченных залогом недвижимости. Вместе с тем Московское государство стремилось ограничить злоупотребления со стороны ростовщиков. Со второй половины XVI в. оно последовательно проводило политику, препятствующую получению за счет процентов по договору займа чрезмерно высокого дохода. Ограничения распространялись и на проценты, начисляемые в случае просрочки исполнения заемного обязательства. В итоге в 1649 г., спустя почти 100 лет после того, как взимание процентов было осуждено Стоглавом, Соборное уложение лишило требования об их взыскании судебной защиты.

Ключевые слова: заем; денежный заем; хлебный заем; проценты по договору займа; процентная ставка; неустойка; гражданское право; Древняя Русь; Московская Русь; Русская Правда; Псковская судная грамота; Соборное уложение 1649 г.

Для цитирования: Староверова Е. В. О процентах по договору займа в русском праве XII–XVII вв. // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 11–22. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.011-022.

Interest Rates in Loan Agreements under Russian Law from the 12th to 17th Centuries

Ekaterina V. Staroverova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal Disciplines, Higher School of State Audit, Moscow State University (MSU), Moscow, Russian Federation
4staroverova@mail.ru

Abstract. A loan agreement is one of the most significant contracts in the history of domestic legal practice. The foundations of its legal regulation were laid by the *Russkaya Pravda*. It determined the procedure for charging interest on a loan agreement depending on the term of the contract and its subject matter, while also addressing

© Староверова Е. В., 2025

* Староверова Екатерина Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119991
4staroverova@mail.ru

the issue of interest accrual in instances of the default of the debtor. The 20% annual rate stipulated under the *Russkaya Pravda* for long-term cash loans in the law of *Moscovite Rus* remained standard until the middle of the 17th century. However, there were ways to circumvent the regulation regarding the standard interest rate, which can be illustrated by the examples of loans secured by real estate. At the same time, the Moscow state sought to curb the abuses perpetrated by moneylenders. Since the second half of the 16th century, it consistently implemented policies aimed at preventing excessively high returns from interests charged on loan agreements. These restrictions also extended to interests accrued in cases of late fulfillment of loan obligations. As a result, in 1649, nearly a century after the condemnation of interest collection by the *Stoglav Council*, the *Sobornoye Ulozhenie* deprived the claims for their recovery of judicial protection.

Keywords: loan; monetary loan; grain loan; interest on the loan agreement; interest rate; penalty; civil law; Ancient Rus; Muscovite Rus; Russkaya Pravda; Pskov Judicial Charter; Sobornoye Ulozhenie of 1649.

Cite as: Staroverova EV. Interest Rates in Loan Agreements under Russian Law from the 12th to 17th Centuries. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):11-22. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.011-022.

Договор займа — один из древнейших гражданско-правовых институтов, тенденции развития которого всегда вызвали интерес у специалистов в области истории как зарубежного, так и отечественного права. Регулирование отношений займа на Руси отличалось целым рядом особенностей, многие из которых остаются недостаточно изученными. Некоторые из них связаны с взиманием процентов по договору. Эти особенности проявляются уже в законодательстве Древней Руси и затем постепенно эволюционируют вплоть до издания в 1649 г. Соборного уложения, запретившего взыскивать проценты по договору займа в судебном порядке и, по сути, декларировавшего его безвозмездность¹.

Первые упоминания о займе под проценты встречаются в Пространной редакции Русской Правды². Согласно ст. 50 этого правового памятника предметом займа могли быть вещи, определяемые родовыми признаками, такие как деньги, мед или «жито» (зерно)³. Проценты по договору

займа именовались по-разному в зависимости от того, какое имущество передавалось должнику: по денежному займу — «резом», по медовому — «наставом», по хлебному — «присопом». Позднее терминология менялась. В Псковской судной грамоте денежные проценты назывались «гостинцем» (ст. 73 и 74)⁴. В частных актах Московской Руси вместо «присопа» стало использоваться слово «насоп» (или «насып»), а проценты по денежному займу именовались «ростом». Тот же термин, «рост», мог выступать в качестве общего названия процентов по займу, независимо от его разновидности. Основная сумма долга, в противовес процентам, в древнейшем праве обозначалась как «исто» (ст. 53 Пространной редакции Русской Правды), а в актах Московской Руси — как «истая плата» или «истина».

Размер процентов по договору займа в Древней Руси регулировался по-разному, в зависимости от предмета займа и его срока. В Московской Руси эти различия постепенно сглаживаются.

¹ Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 3 / отв. ред. А. Г. Маньков. С. 321.

² Далее нумерация статей Пространной редакции Русской Правды приводится по изданию: Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1 / отв. ред. В. Л. Янин. С. 64–73.

³ Несомненно, этот список не является закрытым. В частности, материалы более позднего времени свидетельствуют о том, что предметом займа на Руси часто являлись соль и вино. См., например: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / сост. И. З. Либерзон. Л., 1988 (далее — АСМ-1). № 26, 93, 154, 158, 224. С. 28, 61, 97, 99, 138; Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках / сост. Н. П. Лихачев. СПб., 1895. Вып. 2 (далее — СА). № XXVII. С. 90.

⁴ Здесь и далее нумерация статей Псковской судной грамоты приводится по изданию: Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 331–341.

По справедливому замечанию К. А. Неволина, в древнерусском праве «количество роста при займе меда и жита зависит от добровольного соглашения между заимодавцем и заемщиком»⁵, т.е. законодательно не ограничивается и определяется исключительно договором. Подтверждение этому тезису можно найти в ст. 50 Пространной редакции Русской Правды: «...како ся будеть рядил, тако же ему имати»⁶.

Логика Русской Правды прослеживается и в частных актах последующих столетий. Можно утверждать, что процентные ставки по хлебным займам отличались значительным разнообразием вплоть до середины XVI в. Так, в духовной Г. Д. Русинова 1521–1522 гг. упоминались «хлебные кабалы», проценты по которым должны были взиматься по расчету «на три четвертая»⁷ (т.е. 33,3 %). В заемной же кабале, заключенной крестьянами поморской Шунгской волости в 1549 г., было сказано: «А рост нам давати на четыре пятое зерно»⁸ (т.е. 25 %).

Среди актов второй половины XVI в. уже преобладали займы ржи и овса без начисления процентов («без насопа»), но зачастую с оговоркой: «А поляжет хлеб по сроцы, и нам ему давати рост на тот хлеб, как ходит в людех, на пять шестая»⁹. То есть на случай просрочки должника устанавливалась надбавка в размере 20 % годовых. По-видимому, данная надбавка, имевшая характер неустойки, уплачивалась в денежном эквиваленте, тем более что большинство хлебных кабал теперь предусматривало возможность альтернативного исполнения обязательства в денежной форме, например: «А не

поставлю яз на тот срок овса, и мне дати за всякую четверть по полуполтине. А полягут денги по сроце, и мне рост давати на пять шестая»¹⁰.

Итак, во второй половине XVI — первой половине XVII вв. беспроцентные хлебные займы с оговоркой о неустойке на случай просрочки исполнения обязательства становятся обычным явлением, по крайней мере в монастырской практике¹¹. Это, несомненно, связано с принятием Стоглава 1551 г., повелевшего святейшим и монастырям давать своим крестьянам в долг деньги и хлеб без начисления процентов, «чтобы за ними христиане были, и села бы их были не пусты» (гл. 76)¹². Следует отметить, что, начиная именно со Стоглава, в московском праве намечается тенденция к унификации правил взимания процентов по договору займа, независимо от его предмета, и дальнейшие изменения в законодательстве по этому вопросу распространяются уже на все виды заемных кабал, включая хлебные.

В Древней Руси проценты по денежным займам регулировались более детально, чем по хлебным и медовым, подвергаясь существенным законодательным ограничениям. При этом толкование Русской Правды, отражающей эти ограничения, до сих пор вызывает затруднения. Например, существует ошибочное мнение, что согласно Пространной редакции Русской Правды «величина процентов по займу находилась в зависимости от срока договора: больший срок предполагал более высокую ставку процента»¹³. Это утверждение противоречит не только мнению большинства ученых¹⁴, но и просто эконо-

⁵ Неволин К. А. История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. 3. С. 124.

⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 67.

⁷ Акты русского государства 1505–1526 гг. / сост. С. Б. Веселовский. М., 1975 (далее — АРГ). № 196. С. 198.

⁸ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838 (далее — АЮ). № 239. С. 262.

⁹ АЮ. № 251. С. 267.

¹⁰ Дадыкина М. М. Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI — XVII в. Исследование. Тексты. М. ; СПб., 2011. № 17. С. 123.

¹¹ См., например: Дадыкина М. М. Указ. соч. № 20–23, 25–30, 32–37, 42, 45–47, 49–53, 84. С. 125–127, 129–136, 139, 141–146, 167.

¹² Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2 / отв. ред. А. Д. Горский. С. 354.

¹³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 100–101.

¹⁴ См., например: Правда Русская, или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха: с приложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне и

мической логике. Величина процентов по займу действительно зависела от срока договора, но с его увеличением допустимая ставка процента уменьшалась, а не возрастала.

Размер процентов при краткосрочном денежном займе не был законодательно ограничен: «А месячный рез, оже за мало, то имати ему...» (ст. 51 Пространной редакции)¹⁵. В некоторых списках Русской Правды норма сформулирована более ясно: «оже за мало днии»¹⁶. Это означает, что при займе сроком на несколько дней (по-видимому, не более месяца) величина процентов зависела исключительно от соглашения сторон и могла быть сколь угодно большой.

Правило о взимании месячного процента, сформулированное в ст. 51 Пространной редакции Русской Правды, содержит интересную оговорку, относительно которой мнения ученых расходятся: «...заидуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны в треть, а месячнии рез погренути»¹⁷. К. А. Неволин трактовал это положение следующим образом: «Если же заем продолжится на целый год, то заимодавец может требовать только третнего роста, с уничтожением месячно-

го»¹⁸. Подобное прочтение до сих пор встречается в научной литературе¹⁹, однако оно противоречит ст. 53 Пространной редакции, которая отличает третний процент от годового, взимаемого «от лета». Ошибка К. А. Неволына связана с неверным толкованием древнерусского слова «год», что было впервые отмечено М. В. Довнар-Запольским еще в начале XX в.²⁰ Слово «год» в древнерусском языке означает в первую очередь «время» или «срок»²¹, а «наше понятие “года” в Русской Правде выражается термином “лето”»²². Поэтому фразу «заидуть ли ся куны до того же года» С. В. Юшков, соглашаясь с М. В. Довнар-Запольским, предлагает трактовать так: «Если не выплатит должник кредитору денег в указанный срок»²³. Данное мнение следует считать верным. При таком прочтении становится понятным происхождение оговорки, которая позже встречается во многих заемных кабалах Московской Руси: «А полягут денги по сроце...» («Если деньги не будут выплачены в срок...»). Таким образом, можно предположить, что согласно ст. 51 Пространной редакции Русской Правды третний процент начислялся при среднесрочных займах (от месяца до года²⁴), а также в тех случаях, когда должник

с объяснением слов и названий, из употребления вышедших. СПб., 1792. С. 50; Неволин К. А. Указ. соч. С. 124–125; Загоровский А. И. Исторический очерк займа по русскому праву до конца XIII столетия. Киев, 1875. С. 42; Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1876. Вып. 1. С. 52; Правда Русская: учеб. пособие / отв. ред. Б. Д. Греков. М.; Л., 1940. С. 66.

¹⁵ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 67.

¹⁶ Правда Русская: учеб. пособие. С. 64.

¹⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 67.

¹⁸ Неволин К. А. Указ. соч. С. 124.

Такой же точки зрения придерживались и некоторые другие дореволюционные исследователи. См., например: Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб., 1818. Т. 2. С. 60; Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 52.

¹⁹ См., например: Канаев А. В. Регулирование кредитной ставки в России (XVI–XVIII вв.): на пути к указанному проценту // Исторический опыт земских соборов и систематизации законодательства в России: к 370-летию принятия Соборного уложения и 470-летию созыва первого Земского собора: сборник научных трудов / отв. ред. Н. В. Дунаева. СПб., 2019. С. 67.

²⁰ Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства. Киев, 1911. С. 202–203.

²¹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. С. 537.

²² Памятники русского права. Вып. 1 / под ред. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 161.

²³ Памятники русского права. Вып. 1. С. 161.

²⁴ И. Н. Болтин полагал, что третний процент начислялся при сроке займа «не далее трети года», т.е. не более четырех месяцев, однако выражение «куны в треть» указывает скорее на размер начисляемого

не исполнил обязательство по краткосрочному займу в срок, указанный в договоре.

Размер третнего процента доподлинно не известен, однако, скорее всего, верна точка зрения В. О. Ключевского, полагавшего, что его расчет производится по формуле «на две третей» (по аналогии с более поздней московской формулой «на пять шестой»), а следовательно, выражение «куны в треть» обозначает 50 % от суммы долга²⁵. Вычисленная таким образом величина процентной ставки безупречно вписывается в логику ограничений, установленных Владимиром Мономахом. В 1113 г. для взимания «кун в треть» было введено правило «до третьего реза»: «...аже кто возьмет два реза, то то ему взяти исто; паки ли возьмет три резы, то иста ему не взяти» (ст. 53 Пространной редакции Русской Правды)²⁶. Если «куны в треть» — это действительно 50 % от суммы долга, то данное правило закрепляет предельный размер дохода кредитора: общая сумма денежных средств, полученных в качестве процентов по договору займа, не должна превышать основную сумму долга, т.е. 100 %. Поэтому кредитор может получить «куны в треть» только дважды. Попытка

извлечь еще бóльшую выгоду («паки ли возьмет три резы», т.е. 150 %) рассматривается как злоупотребление правом и приводит к невозможности взыскать с должника основную сумму долга. Остается некоторая неясность, с какой периодичностью совершались платежи «кун в треть» — видимо, это зависело от срока договора, — но сам принцип их взимания, благодаря толкованию В. О. Ключевского, вполне понятен.

Для долгосрочных займов (на год и более) Русская Правда устанавливает иное правило: «Аже кто емлет по 10 кун от лета на гривну, то того не отметати» (ст. 53 Пространной редакции)²⁷. Исследователями было однозначно доказано, что гривна кун Пространной редакции Русской Правды была равна 50 кунам²⁸. Это означает, что максимальная процентная ставка по долгосрочным займам составляла 20 % годовых.

В обычном праве Московской Руси конца XV–XVI в. ставка 20 % годовых («а рост мне ему дати по розчету, как идет в людех, на пять шестой»²⁹) стала стандартной для всех денежных займов, независимо от их срока. Он мог составлять несколько недель или месяцев³⁰, однако чаще всего займы совершались ровно на один год³¹, что

процента, чем на срок займа (Правда Русская, или Законы великих князей... С. 50). Такой же позиции придерживались А. И. Загоровский и Н. В. Калачов (Загоровский А. И. Указ. соч. С. 42; Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. СПб., 1880. С. 138).

²⁵ Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 253.

²⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 67–68.

²⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 68.

²⁸ См., например: Бассальго Л. А. О соотношении гривны серебра и гривны кун в Великом Новгороде в XII–XV вв. // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2020. Т. 19 (29). С. 219.

²⁹ Рязанский вариант условия о процентах звучал несколько иначе: «А рост нам ему дати на те денги на рубль по две гривны». См., например: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века (далее — АСЗ). М., 2008. Т. 4. № 157. С. 122; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). М., 1964. Т. 3 / отв. ред. Л. В. Черепнин. № 349, 358. С. 374, 381.

³⁰ См., например: Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начала XVII в. / отв. ред. В. Д. Назаров. М., 1998. № 116. С. 254; АСЗ. М., 1998. Т. 1. № 205. С. 171; АЮ. № 244. С. 265; Акты, относящиеся до юридического быта древней России (далее — АЮБ). СПб., 1857. Т. 1. № 52 (IV). С. 181.

³¹ См., например: Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / сост. А. А. Федотов-Чеховский. Киев, 1863. Т. 2. № 116. С. 90; АСЗ. Т. 4. № 156, 158, 201, 205, 220, 440, 445. С. 121, 122, 150, 153, 164, 327, 329; АСМ-1. № 135. С. 86; АСЭИ. Т. 1 / отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1952. № 513, 514, 536, 579. С. 389, 412, 457; АСЭИ. Т. 3. № 348, 350, 370, 376, 379, 384. С. 374, 375, 390, 393, 395, 398; Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. / сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М.; СПб., 2007 (далее — АТКМ). № 152, 157. С. 158, 163; АЮ. № 235. С. 261; АЮБ. СПб., 1864. Т. 2. № 126 (V). С. 6; СА. № IX. С. 182; № XIV. С. 240; Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI века. М., 1992 (далее — ССМ). № 28. С. 53.

значительно упрощало расчеты по договору³². Иной размер процентов в этот период встречается лишь в виде исключения. Редким примером может служить Закладная кабала князя П. С. Фуникова игумену Саввина Сторожевского монастыря, составленная в 1542/1543 г. и предусматривающая выплату «по розчету в полы на рубль по гривне»³³, т.е. в размере 10 % годовых. При этом пониженная процентная ставка сочеталась с залоговым обременением вотчины князя в Звенигородском уезде³⁴. Это довольно любопытно, ведь обычно при наличии залогового обеспечения проценты по займу или вовсе не устанавливались, или начислялись по стандартной ставке 20 % годовых (иногда — лишь на часть долга³⁵).

Следует отметить, что из-за ограниченного объема денежных средств, находящихся в гражданском обороте, стороны договора займа зачастую прибегали к замене процентов другими вариантами вознаграждения кредитора. Так, в Московской Руси появились договоры, допускавшие пользование заложенным имуществом со стороны заимодавца («за рост владети», «за

рост косити», «за рост пахати» и т.п.) или замену процентов личным трудом должника («за рост служить»). Интересно, что в первой половине XVI в. были популярны служилые кабалы, предоставлявшие должнику досрочно расторгнуть договор под условием уплаты долга с процентами по стандартной ставке 20 % годовых: «А за рост мне у него работать, а не похочю у него работать до срока, и мне ему его денги дати все с ростом по розчету, как дают, на пять шестой»³⁶. Однако Судебником 1550 г. «кабалы за рост служить» (ст. 78) были отграничены от заемных кабал, предусматривающих уплату процентов в денежной форме, за счет запрета альтернативного исполнения обязательства: «А кто займет сколке денег в рост, и тем людем у них не служити ни у кого, жити им собе, а на денги рост давати им. А кто даст денег в заем, да того человека станет дръжати у себя, и збежит у него тот человек покрадчи, и что снесет, то у него пропало, и по кабале денег лишен» (ст. 82)³⁷. Как следствие, служилые кабалы, допускавшие досрочное расторжение договора по инициативе должника под условием уплаты

³² Договоры займа на срок более одного года, как правило, были беспроцентными, но предусматривали залог имущества (см., например: АСЗ. М., 2002. Т. 3. № 184, 371. С. 154, 301; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. / сост. И. З. Либерзон. Л., 1990 (далее — АСМ-2). № 467. С. 22; Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. СПб., 1894. Т. 14. № 11, 17. С. 14, 28, 29). Известен, однако, договор, заключенный на пять лет, по которому заложенное имущество предлагалось «выкупать» по цене, в два раза превышающей сумму займа (60 руб. вместо 30), что при возврате долга в срок дает надбавку в размере 20 % годовых (АЮ. № 242. С. 264).

³³ ССМ. № 12. С. 17.

³⁴ ССМ. № 12. С. 17.

³⁵ См., например: АРГ. № 219. С. 221; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. М., 1956. Ч. 2 / отв. ред. Л. В. Черепнин. № 194. С. 195; АЮБ. Т. 1. № 52. С. 202; Обзор грамот Коллегии экономии / сост. С. А. Шумаков. М., 1912. Вып. 3. № 131. С. 37.

³⁶ АСЗ. Т. 4. № 203. С. 152. См. также: там же. № 202, 204, 208, 209, 441, 448. С. 152–156, 327, 331; АСЭИ. Т. 3. № 371, 378, 380–383. С. 391, 395–397.

³⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 116.

При этом нельзя согласиться с точкой зрения, что статья 82 Судебника 1550 г. отграничивала «договор займа от договора личного найма» (Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 165), поскольку кабалы с условием «за рост служить» предусматривали обязательство по возврату денежных средств, характерное для займа, а не для личного найма. Они перестают рассматриваться как разновидность займа только с изданием в 1597 г. Уложения о холопстве, запретившего требовать возврата долга по таким кабалам. См.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века (далее — ЗАРГ). Тексты / под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986. С. 67.

долга с процентами, также вышли из употребления.

Итак, ставка по денежным займам 20 % годовых, зафиксированная еще в Русской Правде, оставалась общепотребимой на протяжении нескольких столетий и в истории Московской Руси, на первый взгляд, никогда не превышалась. Однако детальное рассмотрение закладных кабал XVI в. позволяет утверждать, что при займе, обеспеченном залогом, кредиторы, более заинтересованные в длительном пользовании заложенным имуществом или в переходе права собственности на него, чем в возврате долга, могли обходить стандартное условие о процентах за счет запрета «выкупа» предмета залога под угрозой уплаты более значительной неустойки. Например, в 1548 г. Павел Полевщицын и его брат Петр заняли у соловецкого старца Ильи 10 руб. под залог половины варницы в Солокурье. Заем был совершен на год, но возврат долга был запрещен под угрозой уплаты неустойки в размере 40 руб.: «А почнем мы, Павел и Петр, братеники, ту полварницы выкупати, и нам дати Илье старцу сорок рублей московская застава»³⁸. Получается, что возврат денег в срок должен был сопровождаться выплатой надбавки в 300 % от основной суммы долга, хотя формально договор совершался на условиях «без росту». Такой же характер носит закладная кабала, заключенная в 1560 г. Алексеем Дымным, который обязался при возврате займа, предоставленного на год под залог рыболовных угодий в Кеми, «дати денги вдвое»³⁹, т.е. с надбавкой в 100 % от основной суммы долга. По-видимому, заключение подобных договоров не считалось нарушением норм обычного права, хотя их условия могли быть крайне невыгодными для заемщика.

В Московской Руси до середины XVI в. вопрос о взимании процентов как по денежному, так и по другим видам займа на законодатель-

ном уровне не пересматривался. Исключение составляет статья 55 Судебника 1497 г., которая позволяла купцам, совершившим заем и не по своей вине утратившим товар, получить «полетную грамоту с великого князя печатюю» для выплаты долга с рассрочкой и без процентов⁴⁰. Очевидно, на практике это положение толковалось расширительно и относилось ко всем несостоятельным должникам в случае невинного банкротства. Так, известны несколько случаев обращения вдов служилых людей к великому князю с просьбой разрешить им погашать займы «в ыстую плату без росту» в связи с потерей кормильца⁴¹.

В 1551 г., с принятием Стоглава, в правовом регулировании процентов по договору займа наметился первый существенный поворот. Со ссылкой на Священное Писание «резоимство» было осуждено, а святителям и монастырям запрещалось взимать проценты со своих крестьян⁴². Как отмечает А. В. Канаев, «это постановление исполнялось во многих отношениях довольно точно, вследствие чего крестьяне в монастырских и епископских вотчинах были самые богатые из всех вотчинных сел»⁴³. Однако правило Стоглава распространялось далеко не на всех заемщиков и заимодавцев, а потому в общегосударственном масштабе имело лишь ограниченное значение. Займы продолжали предоставляться под проценты, хотя количество заемных кабал с условием их начисления уменьшилось.

В преддверии Ливонской войны проблема выплаты долгов потребовала особого законодательного урегулирования. 25 декабря 1557 г. был издан указ, предписывавший «правити долги денежные и хлебные по кабалам, и по памятем, и по духовным грамотам в пять лет истину, денги без росту, а хлеб без наспу, розчитая на пять жеребьев»⁴⁴, т.е. основная сумма долга по всем до-

³⁸ АСМ-1. № 138. С. 87.

³⁹ АСМ-1. № 249. С. 162.

⁴⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 61.

⁴¹ См., например: АСЗ. Т. 1. № 6. С. 11 ; АСЗ. Т. 4. № 188. С. 143.

⁴² Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 354.

⁴³ Канаев А. В. Указ. соч. С. 70.

⁴⁴ ЗАРГ. Тексты. № 26. С. 47.

говорам, заключенным до издания указа, подлежала уплате с рассрочкой на пять лет, а проценты не взимались вовсе. Новые займы, которые могли быть совершены в этот пятилетний срок, также должны были предоставляться на льготных условиях — под 10 % годовых: «...истина вся сполна да вполье на денги рост, а на хлеб вполье на соп, как идет — на пять шестой...»⁴⁵. В развитие этой политики 11 января 1558 г. льготы были распространены и на займы, обеспеченные залогом вотчин в форме «за рост пахати»⁴⁶. Заемщикам разрешалось выплачивать основную сумму долга в течение пяти лет, причем после первого платежа вотчина подлежала передаче обратно во владение должника, т.е. пользование предметом залога «за рост» прекращалось по аналогии с отменой выплаты процентов в денежной форме⁴⁷. Впрочем, льготы, установленные данными указами, вводились только до 25 декабря 1562 г. и долгосрочного эффекта не имели.

Указ от 8 февраля 1588 г. вносил в регулирование договора займа более радикальные изменения. По кабалам, составленным до издания указа, было велено «денги правити да росту на пятнадцать лет, а дале того росту не присужати»⁴⁸ и «суд давати за пятнадцать лет, а дале того суда не давати»⁴⁹. Таким образом, срок исковой давности по обязательствам, возникавшим из договора займа, был ограничен 15 годами и проценты могли взиматься только за аналогичный период.

Законодательство первой половины XVII в. ознаменовалось еще более радикальными переменами. 8 марта 1626 г. был издан указ, подтвердивший 15-летний срок исковой давности по заемным обязательствам, но принципиально

иначе решивший вопрос о взимании процентов: «Как истина с ростом сравняетца в пять лет, и рост имать на те пять лет; а за тем сверх пяти лет росту не имать»⁵⁰. Так как «законодатель исходит из обычного для того времени роста — 20 % годовых»⁵¹, это означает, что указ препятствовал кредиторам получать доход, превышающий основную сумму долга. Здесь очевидна аналогия с ограничениями при взимании третнего процента, введенными Владимиром Мономахом.

Еще один вопрос, который был урегулирован в первой половине XVII в., — это порядок взимания процентов по займу в случае просрочки должника. Не исключено, что намного раньше данная проблема затрагивалась Псковской судной грамотой, хотя до сих пор в научной литературе такая точка зрения, кажется, не высказывалась. Взиманию процентов в Псковской судной грамоте были посвящены две соседние статьи — 73 и 74. Одна из них, смысл которой достаточно очевиден, рассматривает проблему выплаты процентов по договору займа при возврате долга «до зарок», т.е. досрочно (ст. 74). В том случае, если досрочного возврата долга требует заимодавец, он утрачивает право на получение процентов; если же инициатива исходит от заемщика, проценты начисляются «по счету», т.е. «за прошедшее время до выплаты долга»⁵². Статья 73 посвящена взысканию процентов «по зароке», и доминирующее ее толкование вызывает сомнения. Ключевая часть звучит так: «...а приидет зарок, ино ему явит госпде о своем гостинце, ино и по зароке взяти ему свои гостинець; а толко не явит зарок госпде, ино ему не взяти по зароке»⁵³. По мнению многих ученых, ее смысл сводится к следующему: «Если кредитор заявляет свое требование перед судом, то

⁴⁵ ЗАРГ. Тексты. № 26. С. 47.

⁴⁶ ЗАРГ. Тексты. № 29. С. 49.

⁴⁷ ЗАРГ. Тексты. № 29. С. 49.

⁴⁸ ЗАРГ. Тексты. № 45. С. 63.

⁴⁹ ЗАРГ. Тексты. № 45. С. 63.

⁵⁰ ЗАРГ. Тексты. № 148. С. 126.

⁵¹ ЗАРГ. Комментарии / под ред. Н. Е. Носова, В. М. Панеяха. Л., 1987. С. 148.

⁵² Памятники русского права. Вып. 2 / под ред. С. В. Юшкова. М., 1953. С. 365.

⁵³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 330.

он получает проценты»⁵⁴. Но ведь это и так очевидно: в состязательном процессе суд может удовлетворить только те требования, что были заявлены. Поэтому, возможно, данный текст следует понимать иначе. Если обратить внимание на противопоставление слов «до залога» и «по залогу», то можно прийти к выводу, что статья 73 регулирует порядок взыскания процентов по договору в случае просрочки исполнения обязательства со стороны заемщика. Суть в том, что по требованию кредитора суд может принудить должника выплатить долг с процентами не только за период, обозначенный в договоре, но и за время просрочки, даже если оговорка о просрочке в тексте соглашения отсутствует.

Как уже было сказано, тот же вопрос был поставлен и в московском праве, однако решался он несколько иначе. В подавляющем большинстве заемных и зкладных кабал, предполагающих выплату процентов в денежной форме, содержалась оговорка: «А полягут денги по сроце, и мне ему рост давати по тому ж»⁵⁵. Редкое исключение составляли акты, предусматривающие, помимо уплаты процентов, залог недвижимости. В таком случае просрочка должника могла приводить к передаче предмета залога в пользование кредитора⁵⁶ или к переходу права собственности на него⁵⁷, хотя иногда последствия просрочки не указывались⁵⁸. В отличие от

псковского права при отсутствии прямого указания в договоре проценты за период просрочки не начислялись.

В 1628/1629 г. кабалы, содержащие оговорку о выплате процентов в случае просрочки должника, попали в сферу внимания законодателя. Причем речь шла не только о договорах, пролонгирующих начисление процентов («и мне ему рост давати по тому ж»), но и об актах, предполагающих их выплату только при невозврате долга в срок, т.е. о таких, где сам заем рассматривался как беспроцентный⁵⁹. Поскольку в обоих случаях проценты взимались по традиционной формуле «на пять шестой», на такие кабалы был распространен принцип, сформулированный в указе от 8 марта 1626 г.: «И рост указал имать на пять лет; а болши пяти лет имать не велено»⁶⁰.

Эволюция порядка взимания процентов по договору займа завершилась в 1640-е гг. Сначала Указом от 25 июля 1646 г. было запрещено взыскивать через суд проценты по «выданным кабалам»⁶¹, т.е. по переуступленным обязательствам⁶². И наконец Соборное уложение 1649 г. лишило исковой защиты требования по выплате процентов вообще, «потому что по правилом Святых Апостол и Святых Отец росту на заемныя денги имати не велено» (ст. 255 гл. X)⁶³. Теперь проценты в заемных кабалах упоминались толь-

⁵⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 372.

⁵⁵ См., например: Акты Российского государства. № 116. С. 254; Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. 2. № 116. С. 90; АСЗ. Т. 1. № 205. С. 171; Т. 4. № 156, 158, 201, 205, 220, 440, 445. С. 121, 122, 150, 153, 164, 327, 329; АСЭИ. Т. 1. № 536. С. 412; АСЭИ. Т. 3. № 348, 350, 370, 376, 379, 384. С. 374, 375, 390, 393, 395, 398; АТКМ. № 152, 157. С. 158, 163; АЮ. № 235. С. 261; АЮБ. Т. 1. № 52 (IV). С. 181; АЮБ. Т. 2. № 126 (V). С. 6; СА. № IX, XIV. С. 182, 240; ССМ. № 28. С. 53.

⁵⁶ АЮ. № 244. С. 265.

⁵⁷ АСМ-1. № 135. С. 86; АСЭИ. Т. 1. № 579. С. 457.

⁵⁸ АСЭИ. Т. 1. № 513, 514. С. 389.

⁵⁹ См., например: Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 2 / сост. Л. А. Тимошина. М.; СПб., 2007. № 19, 26. С. 63, 69; АРГ. № 241. С. 242; АСМ-2. № 755. С. 156; АТКМ. № 130. С. 137; АЮ. № 243 (I). С. 264; № 248. С. 266; № 250. С. 267; № 253, 255, 256. С. 268, 269; АЮБ. Т. 2. № 125 (I). С. 1; Русская историческая библиотека... Т. 14. № 121, 125 (9), 131. С. 243, 313, 340.

⁶⁰ ЗАРГ. Тексты. № 189. С. 151.

⁶¹ ЗАРГ. Тексты. № 315. С. 216.

⁶² ЗАРГ. Комментарии. № 315. С. 214.

⁶³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 146.

ко в качестве неустойки на случай просрочки должника⁶⁴, со временем уступив место условию о взыскании убытков⁶⁵. Подобным образом из закладных кабал исчезли выражения «за рост владети», «за рост косити», «за рост пахати», употреблявшиеся как минимум до 1645 г.⁶⁶ В служилых кабалах формула «за рост служити» всё еще продолжала использоваться⁶⁷, но ее можно считать не более чем анахронизмом, т.к. с момента принятия Уложения о холопстве в 1597 г. было запрещено требовать с должников возврата денег по таким кабалам, а срок службы по договору стал привязываться к сроку жизни кредитора⁶⁸, что в полной мере было подтверждено главой XX Соборного уложения.

Таким образом, государственная политика, направленная против ростовщичества, которая

выражалась в Древней Руси в ограничениях процентов по среднесрочным и долгосрочным денежным займам, в Московской Руси получила новое развитие. Сначала обычное право унифицировало размер процентной ставки по денежным займам, а затем законодатель сделал единообразным регулирование всех видов займа, независимо от его предмета. В течение столетия после принятия Стоглава государство последовательно проводило меры по облегчению положения должников, причем эти меры касались взимания как собственно процентов по договору займа, так и неустойки в случае просрочки должника. Включение в Соборное уложение статьи, лишившей судебной защиты требования о «росте», стало закономерным итогом этой политики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бассалыго Л. А.* О соотношении гривны серебра и гривны кун в Великом Новгороде в XII–XV вв. // Новгородский исторический сборник. Вып. 19 (29). — Великий Новгород, 2020. — С. 218–233.
2. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1. — Киев, 1876. — 236 с.
3. *Дадыкина М. М.* Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI — XVII в. Исследование. Тексты. — М.; СПб., 2011. — 384 с.
4. *Довнар-Запольский М. В.* История русского народного хозяйства. — Киев, 1911. — 386 с.
5. *Загоровский А. И.* Исторический очерк займа по русскому праву до конца XIII столетия. — Киев, 1875. — 78 с.
6. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты / под ред. Н. Е. Носова. — Л., 1986. — 266 с.
7. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Комментарии / под ред. Н. Е. Носова, В. М. Панеяха. — Л., 1987. — 264 с.

⁶⁴ См., например: Архив гостей Панкратьевых... № 26. С. 69; АЮБ. Т. 2. № 125 (I). С. 1; *Дадыкина М. М.* Указ. соч. № 115, 117–119, 122, 124, 127, 129, 133, 135, 136, 138–141, 160. С. 190, 192–194, 196, 197, 199, 201, 203, 205–210, 225.

⁶⁵ По-видимому, убытки заимодавца, возникавшие в связи с просрочкой заемщика, первоначально рассчитывались по старой формуле «на пять шестой», ассоциируясь в большей мере с неустойкой, чем с убытками в современном понимании. Однако по мере приближения к концу XVII в. смысловое смешение убытков с неустойкой из частных актов стало исчезать. См., например: *Дадыкина М. М.* Указ. соч. № 121, 123, 125, 126, 128, 130, 133, 134, 137, 142–170, 172, 173, 176–181, 183–186, 188–190, 192, 193, 200–209. С. 195, 196, 198, 200, 201, 203, 204, 206, 210–235, 237–250, 255–262.

⁶⁶ См.: Сборник грамот Коллегии экономии. Пг., 1922. Т. 1. № 618. С. 821.

⁶⁷ См., например: АЮБ. Т. 1. № 93 (II). С. 593; АЮБ. Т. 2. № 127 (VII–X). С. 28–31.

⁶⁸ ЗАРГ. Тексты. № 47. С. 65. Подробнее об этом см.: *Панеях В. М.* Холопство в XVI — начале XVII века. Л., 1975. С. 106–131.

8. Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. — СПб., 1880. — 308 с.
9. Канаев А. В. Регулирование кредитной ставки в России (XVI–XVIII вв.): на пути к указному проценту // Исторический опыт земских соборов и систематизации законодательства в России: к 370-летию принятия Соборного уложения и 470-летию созыва первого Земского собора : сборник научных трудов / отв. ред. Н. В. Дунаева. — СПб., 2019. — С. 55–83.
10. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 2. — СПб., 1818. — 580 с.
11. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 1. — М., 1987. — 432 с.
12. Неволин К. А. История российских гражданских законов. Т. 3. — СПб., 1851. — 556 с.
13. Памятники русского права. Вып. 1 / под ред. С. В. Юшкова. — М., 1952. — 304 с.
14. Памятники русского права. Вып. 2 / под ред. С. В. Юшкова. — М., 1953. — 444 с.
15. Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII века. — Л., 1975. — 266 с.
16. Правда Русская, или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха: с приложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших. — СПб., 1792. — 138 с.
17. Правда Русская : учеб. пособие / отв. ред. Б. Д. Греков. — М. ; Л., 1940. — 112 с.
18. Российское законодательство X–XX веков. Т. 1 / отв. ред. В. Л. Янин. — М., 1984. — 520 с.
19. Российское законодательство X–XX веков. Т. 2 / отв. ред. А. Д. Горский. — М., 1985. — 432 с.
20. Российское законодательство X–XX веков. Т. 3 / отв. ред. А. Г. Маньков. — М., 1985. — 510 с.
21. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. — СПб., 1893. — 1470 с.

Материал поступил в редакцию 18 июля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bassalygo L. A. O sootnoshenii grivny serebra i grivny kun v Velikom Novgorode v XII–XV vv. // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik. Vyp. 19 (29). — Velikiy Novgorod, 2020. — S. 218–233.
2. Vladimirskiy-Budanov M. F. Khrestomatiya po istorii russkogo prava. Vyp. 1. — Kiev, 1876. — 236 s.
3. Dadykina M. M. Kabaly Spaso-Prilutskogo monastyrya vtoroy poloviny XVI — XVII v. Issledovanie. Teksty. — M.; SPb., 2011. — 384 s.
4. Dovnar-Zapolskiy M. V. Istoriya russkogo narodnogo khozyaystva. — Kiev, 1911. — 386 s.
5. Zagorovskiy A. I. Istoricheskiy ocherk zayma po russkomu pravu do kontsa XIII stoletiya. — Kiev, 1875. — 78 s.
6. Zakonodatelnye akty Russkogo gosudarstva vtoroy poloviny XVI — pervoy poloviny XVII veka. Teksty / pod red. N. E. Nosova. — L., 1986. — 266 s.
7. Zakonodatelnye akty Russkogo gosudarstva vtoroy poloviny XVI — pervoy poloviny XVII veka. Kommentarii / pod red. N. E. Nosova, V. M. Paneyakha. — L., 1987. — 264 s.
8. Kalachov N. V. Predvaritelnye yuridicheskie svedeniya dlya polnogo obyasneniya Russkoy Pravdy. — SPb., 1880. — 308 s.
9. Kanaev A. V. Regulirovanie kreditnoy stavki v Rossii (XVI–XVIII vv.): na puti k ukaznomu protsentu // Istoricheskiy opyt zemskikh soborov i sistematizatsii zakonodatelstva v Rossii: k 370-letiyu prinyatiya Sobornogo ulozheniya i 470-letiyu sozyva pervogo Zemskogo sobora: sbornik nauchnykh trudov / отв. ред. N. V. Dunaeva. — SPb., 2019. — S. 55–83.
10. Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. T. 2. — SPb., 1818. — 580 s.
11. Klyuchevskiy V. O. Sochineniya: v 9 t. T. 1. — M., 1987. — 432 s.
12. Nevolin K. A. Istoriya rossiyskikh grazhdanskikh zakonov. T. 3. — SPb., 1851. — 556 s.
13. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 1 / pod red. S. V. Yushkova. — M., 1952. — 304 s.

14. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 2 / pod red. S. V. Yushkova. — M., 1953. — 444 s.
15. Paneyakh V. M. Kholopstvo v XVI — nachale XVII veka. — L., 1975. — 266 s.
16. Pravda Russkaya, ili Zakony velikikh knyazey Yaroslava Vladimirovicha i Vladimira Vsevolodovicha Monomakha: c prilozheniem drevnego onykh narechiya i sloga na upotrebitelnye nyne i s obyasnieniem slov i nazvaniy, iz upotrebleniya vyshedshikh. — SPb., 1792. — 138 s.
17. Pravda Russkaya: ucheb. posobie / otv. red. B. D. Grekov. — M.; L., 1940. — 112 s.
18. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov. T. 1 / otv. red. V. L. Yanin. — M., 1984. — 520 s.
19. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov. T. 2 / otv. red. A. D. Gorskiy. — M., 1985. — 432 s.
20. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov. T. 3 / otv. red. A. G. Mankov. — M., 1985. — 510 s.
21. Sreznevskiy I. I. Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam. T. 1. — SPb., 1893. — 1470 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.023-038

Е. А. Шаталов*

Влияние монголо-татарского ига, Золотой Орды на развитие русского средневекового права: мистификация историко-юридического знания как одна из актуальных проблем отечественной науки

Аннотация. В статье рассматривается проблема мистификации историко-юридического знания, получившая начало в первой половине XIX в., ознаменовавшаяся в России популяризацией и продвижением западнических, европоцентристских взглядов и идей в обществе. Именно в это время целенаправленно, абсолютно необоснованно в рамках науки истории русского права были введены такие понятия, как «монгольское», «монголо-татарское иго», подчеркивающие «рабское» положение русского средневекового общества, а также «Золотая Орда», к которым до сих пор в науке существует серьезная привязанность. В то же время отечественные летописные своды, юридические памятники официально фиксируют иное, исторически достоверное наименование политической организации иноземных завоевателей — «татарская Орда», которое наиболее адекватно отражает ее этническую, политико-правовую природу и статус. Автор акцентирует внимание и еще на одной форме современной мистификации научного знания — искусственном культивировании значительным числом исследователей мысли о сильном влиянии монголо-татарского ига на правогенез Руси и на иные общественные отношения, чем намеренно подчеркивается несамостоятельность, зависимость русского народа от ордынцев. В частности, речь идет о сохранении правового суверенитета, самобытности юридических обычаев и традиций русского народа, который даже в трудных условиях татарского нашествия отстоял свою правовую идентичность. Более того, сделаны выводы о том, что именно русский юридический опыт оказал значительное влияние на развитие как обычного, так и позитивного права в татарской Орде, где проявляется рецепция терминов, средств и приемов юридической техники, институтов, в том числе слова «кун», назначений удельных князей и т.д.

Ключевые слова: татарская Орда; Русская Правда; Судебник 1550 г.; теоретико-методологическая основа и фундаментальные проблемы отечественной историко-юридической науки; формирование русского средневекового права; правосознание русского народа; мистификация науки; история государства и права; ордынское обычное право.

Для цитирования: Шаталов Е. А. Влияние монголо-татарского ига, Золотой Орды на развитие русского средневекового права: мистификация историко-юридического знания как одна из актуальных проблем отечественной науки // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 23–38. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.023-038.

© Шаталов Е. А., 2025

* Шаталов Евгений Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права СИУ РАНХиГС
Нижегородская ул., д. 6, г. Новосибирск, Российская Федерация, 630102
penalize@rambler.ru

The Influence of the «Mongol-Tatar Yoke» and the «Golden Horde» on the Development of Russian Medieval Law: The Mystification of Historical and Legal Knowledge as a Pertinent Issue in Domestic Scholarship

Evgeniy A. Shatalov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory and History
of the State and Law, Siberian Institute, RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation
penalize@rambler.ru

Abstract. The paper addresses the issue of mystification of historical and legal knowledge that originated in the first half of the 19th century, a period marked in Russia by the popularization and promotion of Western-centric, Eurocentric views and ideas. It was during this time that such concepts as the «Mongolian», the «Mongol-Tatar Yoke» were introduced, entirely unsubstantiated but framed within the scientific discipline of the history of Russian law, emphasizing the «subjugated» status of medieval Russian society. Additionally, the term «Golden Horde» became entrenched in scholarly discourse, a designation to which remains a significant attachment in contemporary academic circles. In contrast, native chronicles and legal monuments officially document a different, historically accurate name for the political organization of foreign conquerors — Tatar Horde — that reflects its ethnic, political-legal nature and status more precisely. The author focuses on another form of modern mystification of scientific knowledge concentrated on artificial cultivation by a significant number of researchers of the idea of «strong influence» of the «Mongol-Tatar Yoke» on the right-wing genesis of Russia, including other social relations different from deliberately emphasized «non-independence», «dependence» of the Russian people upon the Horde. In particular, we are talking about the preservation of legal sovereignty, the originality of legal customs and traditions of the Russian people, who, even in the difficult conditions of the Tatar invasion, retained and defended their legal identity. Moreover, it was concluded that it was the Russian legal experience that had a significant impact on the development of both customary and positive law in the Tatar Horde, where the process of reception of terms, means and methods of legal technique, institutions, including a «kun», the appointment of apanage princes, etc., was taking place.

Keywords: Tatar Horde; Russkaya Pravda; Judicial Code of 1550; theoretical and methodological foundations and fundamental issues of domestic historical and legal studies; formation of medieval Russian law; legal consciousness of the Russian people; mystification of science; history of state and law; customary law of the Horde.

Cite as: Shatalov EA. The Influence of the «Mongol-Tatar Yoke» and the «Golden Horde» on the Development of Russian Medieval Law: The Mystification of Historical and Legal Knowledge as a Pertinent Issue in Domestic Scholarship. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):23-38. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.023-038.

Под мистификацией в науке принято понимать намеренное введение кого-либо в заблуждение¹. К сожалению, наука довольно часто становится предметом фальсификаций, искажений, спекуляций. Особенно это характерно для исторической и родственной, существующей с ней в одном информационном поле историко-юридической науки, где при отсутствии и дефиците определенных сведений пробелы в

знании восполняются посредством вымыслов. Естественно, это происходит не бесцельно, а, как правило, для решения различных задач: от личных корыстных до глобальных политических, идеологических и др., где искаженному историческому знанию отводится роль средства манипулирования общественным сознанием².

Наиболее явной мистификацией историко-юридической науки является попытка укоренить

¹ Новейший психологический словарь / В. Б. Шапарь, В. Е. Россоха, О. В. Шапарь ; под общ. ред. В. Б. Шапаря. Ростов н/Д, 2009. С. 283.

² Попов В. В. Некоторые вопросы фальсификации истории // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1. С. 148–155.

идею о факте существования в истории, а также влияния монголо-татарского ига или Золотой Орды на государственность Руси и ее базовый элемент — право. Под влиянием в общем значении принято понимать «действие, производимое на кого-что-н., воздействие»³. Соответственно, результатом влияния в юридическом аспекте должны были стать фиксация и отражение в законах, обычаях, судебной практике, правосознании русского народа ордынских правовых норм, институтов и их порядков.

Прежде всего, первоначально идея о существовании монголо-татар, в других случаях — монголов, и их ига в целом получила распространение в исторической науке и далее закономерно была подхвачена и культивировалась уже в рамках дореволюционной науки истории русского права и по инерции в советской науке истории государства и права. Озвученные идеи имеют многочисленных сторонников и достаточно активно и широко, как можно заметить, транслируются в историко-юридической литературе научного и учебного содержания. Так, известный русский историк-юрист И. Е. Андреевский писал о влиянии, господстве монголов на Руси начиная с XIII столетия и до второй половины XV столетия. Далее ученый начинает подменять понятия, именую монголов татарами и наоборот, не удосуживаясь прояснить, кого именно он подразумевает под ними, а соответственно, и методологическую необходимость такого лавирования. При этом автор, замахиваясь на широкий масштаб проблемы, все господство монгольских ханов сводит к вмешательству в политическую, финансовую деятельность русских князей, тогда как вопрос влияния захватчиков на право Руси историк-юрист, как ни странно, все-таки обходит стороной⁴.

Для ответа на вопрос о влиянии Орды на правовые процессы внутри Руси или об отсутствии такового логично начать с характеристики

их принципиальных социокультурных особенностей, обращая внимание на политико-географическую, религиозно-культурную принадлежность завоевателей и иные характеристики, имеющие отношение к их праву, что, в свою очередь, представляется непростой задачей, особенно в условиях, когда в науке уже на протяжении 200 лет наблюдаются величайшая путаница и неопределенность, порождающая многочисленные проблемы в познании истории государства и права Средних веков.

Обратим внимание на само слово «монгол», которое как этноним было введено в научный оборот только в XVIII в.⁵ Также понятие «Золотая Орда» неизвестного происхождения было позже необоснованно внедрено в широкое употребление⁶. На сегодняшний день факт существования этого этноса в XIII в., когда происходили основные события, связанные с завоеванием русских земель, не является официально подтвержденным. Отсутствует полноценная и достоверная информация об этом. Однако, как ни странно при таких обстоятельствах, факт влияния правового опыта монголов на русский юридический быт в науке прижился и в большинстве случаев не оспаривается.

Мы же считаем, что историко-юридическое знание в обязательном порядке должно иметь в своей основе неопровержимые доказательства его достоверности и причастности к историческим событиям, только на них должно основываться познание предмета науки. Объективности ради обратимся именно к первоисточникам с целью определения факта нашествия иноземных захватчиков и их влияния на русское средневековое право.

Исторические памятники эпохи Средних веков действительно запечатлели тяжелые времена, когда Русь определенный период находилась под контролем иноземных агрессоров. Факты их нашествия подтверждают ре-

³ Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Ушакова. М., 1996. Т. 1. С. 312.

⁴ Андреевский И. Е. О правах иностранцев в России до вступления Ивана III Васильевича на престол Великого княжества Московского. СПб., 1854. С. 11–13.

⁵ Большая энциклопедия. СПб., 1903. Т. 13. С. 349.

⁶ Набиев Р. Ф. Исторические источники о государственно-правовом статусе империи Джучидов («Золотой Орды») второй половины XIII — начала XV в. // Общество и право. 2011. № 3. С. 37–45.

зультаты археологических изысканий⁷. Но важно отметить, что в Лаврентьевской летописи одни захватчики именуются не иначе как татарами, «таурменами», а другие — печенегами⁸. В Духовной грамоте великого князя Ивана Даниловича Калиты 1328 г. упоминаются исключительно орда, татары и нет ни слова о зависимости Руси от монгольских племен⁹. М. В. Ломоносов, борющийся за чистоту русской истории, также писал только о татарской Орде¹⁰. Русский историк В. Н. Татищев в своих трудах никогда не употреблял слово «монголы», а описывал исключительно нашествие татар на Русь¹¹. О завоевателях из «Большой Тартарии», находившейся вблизи Индии, — татарах также в своей книге, опубликованной в Московском университете, говорил А. Я. Хилков¹².

Абсолютно иной версии происхождения тюркских орд придерживается русский историк Н. М. Карамзин: их основу составляли не монголы, а именно другой этнос — моголы, единоплеменные с восточными турками, управляемые татарами, которые начали завоевательную политику со второй половины XII в.¹³ Аналогичная точка зрения излагается в трудах профессора Виленского университета А. С. Нарушевича. Он писал о том, что степные орды были представлены

народом, который называл себя «могольцами», а татарами или, точнее, «тохарами» стали их именовать уже европейцы, конкретнее — греки¹⁴. Однако здесь имеется небольшая неточность. В Европе их как раз ошибочно поименовали «монголами», используя это слово именно как этноним, выдумали его с проекцией на русскую историю¹⁵. Указанные суждения по понятным причинам стали широко тиражироваться, в том числе представителями западничества для всевозможных манипуляций социальным сознанием и навязывания идей европоцентризма в российском обществе. Н. С. Борисов довольно точно описал означенную проблему, поясняя, что «монгольская тема» всегда привлекала и привлекает вольнодумцев, западноевропейских «знатоков» России и просто досужих любителей «порыться» в отечественной истории¹⁶. В их числе был и П. А. Наумов — человек, далекий от науки, но в начале XIX в. активно распространявший идею о монгольском иге¹⁷. Тогда как правящая верхушка из числа Чингизидов официально именовалась в Орде татарами¹⁸ и происходила из старинного тюркского рода «могол» (мугул), который не имеет отношения к монголам¹⁹.

Что касается самой татарской Орды, то это собирательное понятие, подразумевающее

⁷ См.: Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма. М., 1994. С. 48–80.

⁸ Памятники общественной мысли Древней Руси : в 3 т. М., 2010. Т. 2 : Период ордынского владычества. С. 28.

⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Киев ; СПб., 1887. С. 1–6.

¹⁰ Ломоносов М. В. Записки по русской истории. М., 2007. С. 142–150.

¹¹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Книга третья. М., 1774. С. 466.

¹² Хилков А. Я. Ядро российской истории. М., 1770. С. 109, 141.

¹³ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. 3. С. 227.

¹⁴ Нарушевич А. Таврикия, или Известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших дней. Киев, 1788. С. 89–90.

¹⁵ Нолев Е. В. «Монголо-татарское иго»: идеологический и методологический аспекты исторического дискурса // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 8. С. 93.

¹⁶ Борисов Н. С. Русская культура и монголо-татарское иго : автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1977. С. 3.

¹⁷ См.: Наумов П. А. Об отношениях российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год. СПб., 1823.

¹⁸ См.: Абулгази-Баядур-Хан. Родословная история о татарах : в 2 т. М., 1768.

¹⁹ Набиев Ш. И., Умарова Г. Ш., Усмонов И. И. Об истории происхождения слова «татар» и татарского народа // Science Time. 2017. № 6. С. 28.

военный союз многочисленных степных народов, насчитывавший около 12 орд²⁰, объединившихся под властью Чингизидов. В юридическом отношении Орда представляла собой политическую организацию, где господствовало обычное, неписаное право и официальными языками делопроизводства в разное время выступали уйгурский и в большей степени тюркский, на котором и велось основное делопроизводство, что подтверждается актовыми материалами²¹. Если завоеватели оказали влияние на писаное право Руси, то в нем должны быть отражены тюркские правовые термины и некоторые нормы и институты, ранее ему не свойственные. Наиболее распространенная юридическая лексика ордынцев изложена в монографии А. П. Григорьева, посвященной источниковедческому анализу ханских ярлыков²². Среди упоминаемых терминов все имеют сугубо тюркское происхождение и абсолютно не свойственны русскому средневековому юридическому письму и законодательной технике, пожалуй, за исключением слова «тамга», которое не так часто, но всё же периодически употребляется в актах, регулировавших в основном финансово-правовые вопросы, связанные со сбором дани.

Объективности ради обратимся к памятникам русского права. Наиболее правильным будет рассмотреть юридические акты, разработанные и принятые в период нашествия татар и после освобождения Руси от зависимости, которые сегодня становятся предметом дискуссий. Так, С. В. Иньков утверждает, что русское законодательство все-таки подвергалось влия-

нию монголов и это прослеживается на примере Судебника Ивана III. По словам исследователя, данный акт воспринял традиции восточного права, восточные методы в виде жестоких казней и телесных наказаний, которых Русская Правда киевского времени не знала²³. Подобные предположения высказывались и дореволюционными исследователями: «наказание кнутом на торговых местах, клеймение воров за кражу достались от поработителей»²⁴.

К сожалению, авторы не обратили внимание на положения древнейших юридических актов, довольно распространенных на Руси, таких как Эклога, «Закон судный людем», который традиционно в соответствии с византийской правовой доктриной закреплял суровые меры наказаний за различные правонарушения²⁵. В том числе в них упоминаются членовредительные телесные наказания и смертная казнь и др., основания применения которых были урегулированы в русских судебниках. Что касается публичного битья кнутом, клеймения преступников, то данные меры назначались в качестве наказания на Руси еще задолго до ордынцев, что достаточно аргументированно изложил Н. Евреинов²⁶. Аналогичную позицию в своей монографии отстаивал русский юрист, эксперт в области истории уголовных наказаний А. Г. Тимофеев²⁷.

Отдельно следует сказать и о Русской Правде. Если верить данным историко-юридической науки, она продолжительное время действовала в границах большинства русских земель, даже в период, когда эти территории находились под властью Орды. Данный факт уже демонстри-

²⁰ Калачов Н. В. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1854. Кн. II. Половина вторая. С. 3.

²¹ Абзалов Л. Ф. Официальный письменный язык и канцелярская культура Улуса Джучи : автореф. дис. ... канд. истор. наук. Казань. 2009. С. 18.

²² Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам : Источниковедческий анализ золото-ордынских документов. СПб., 2004. С. 269–270.

²³ Иньков С. В. Политико-правовые основы формирования единого русского государства в XIII–XV вв. (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010. С. 13, 17.

²⁴ Терещенко А. В. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. I. С. 18.

²⁵ Максимович К. А. Древнейший памятник славянского права «Закон судный людем»: композиция, переводческая техника, проблема авторства // Византийский временник. 2002. Т. 61. № 86. С. 24–37.

²⁶ Евреинов Н. История телесных наказаний в России. Белгород, 1994. С. 19–21.

²⁷ Тимофеев А. Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904. С. 64.

рует важную особенность: татары не устанавливали жесткого контроля и оставляли некоторую свободу в регламентации общественных отношений в русских землях. Это существенное обстоятельство, указывающее на то, что Орда не навязывала свои законы, не вмешивалась в механизм правового регулирования на Руси, уважая и сохраняя ее правовой суверенитет. Этот вывод подтверждается и свидетельствами католических миссионеров, посетивших разные татарские орды. Они писали, что татары «в своих владениях не смотрят на людские обычаи, лишь бы повиновались им во всем», и далее: «они не принуждают никого к отступлению от своей веры или закона»²⁸.

При анализе дошедших до нашего времени редакций Русской Правды становится очевидным, что они в общем не испытали влияния тюркской культуры, сохранив самобытность. Русская Правда, как и при Ярославе Мудром, продолжала основываться главным образом на ведическо-санскритской правовой традиции, не имея в своей основе ни следа тюркского права. Не стоит забывать, что славяне-русы — по своей природе индоевропейские народы, которые были носителями ведической культуры, основанной на культе предков, у истоков которого лежало глубокое понимание связи настоящих и прошлых поколений, преемственности традиций и порядков, от которых они никогда не отступали, даже под угрозой смерти. Поэтому русское общество было всегда достаточно консервативным и не считало приемлемым подвергаться влиянию чуждой культуры. Устойчивость языковых традиций отчетливо проявляется в положительном праве. Важнейшие юридические термины: «обида» — вред, на санскрите *vida*; «татьба» — воровство, *tāyavaḥ*; «вира» — *vaira*, что означает ссору, спор, и др. — не только созвучны санскритским словам, но и полностью

повторяют их значение от одной к другой редакции Русской Правды²⁹. Стратификация общества по кастовому принципу, наследственный процесс, установление строгих мер наказания за убийство огнищанина — жреца, который имел большое значение в отправлении религиозного культа огня, за хищение животных, особенно коней, лошадей, имевших солярную природу, во многом созвучны с традициями древнеиндийских источников права, основанных на ведических культурно-религиозных принципах и нормах.

Анализ Судебника 1550 г. дает основание сказать о том, что он также не содержит норм, терминов, элементов юридической техники тюркского происхождения и традиционно больше основан на византийских правовых традициях. Из русских историков права данное мнение всецело разделял в том числе и профессор В. И. Сергеевич³⁰. Следует обратить внимание и еще на одну особенность: в упомянутых памятниках права штраф как мера уголовного наказания определяется исключительно в национальной валюте: рубль, алтын, серебряная гривна, которая служила долгое время основой денежной системы множества русских земель, в том числе Москвы, Твери, Рязани и т.д.³¹ Логично предположить, что если бы татары были заинтересованы в установлении своих уголовно-правовых запретов на территории русских земель, то меры наказания имущественного характера за их нарушение пропорционально степени общественной опасности явно должны были бы определяться в привычных для них денежных единицах.

Не утихают попытки во что бы то ни стало отыскать и в отечественном княжеском законодательстве следы ордынского права. В условиях дефицита полной и достоверной информации о нем такие старания сомнительны. Тем не ме-

²⁸ Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. СПб., 1825. С. 87, 89.

²⁹ См.: Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. Около 30 000 слов / под ред. В. И. Кальянова. М., 1987; Солнцев Н. В. Русско-санскритский словарь: в 3 т. Оренбург, 2019.

³⁰ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 380.

³¹ Русский быт XIII–XV веков. Чем занимались, где жили, что ели, как одевались, на чем ездили и какими деньгами расплачивались. М., 2020. С. 175.

нее смело делаются поспешные заключения о явном сходстве некоторых положений ордынских ярлыков с жалованными грамотами удельных князей³². Основанные главным образом на авторских предположениях выводы сводятся к тому, что вышеуказанные акты повторяют положения ханских ярлыков, поскольку в них отсутствуют санкция за нарушение княжеской воли, ссылка на волю своих предков, установление церковной юрисдикции, приводятся и другие, довольно спорные доводы.

Следовало бы отметить, что подобная практика была присуща русскому законодательству в силу особенностей средневековой юридической техники, культа предков и давних церковно-юридических традиций, существовавших задолго до нашествия Орды.

Кроме того, ставится акцент на наличии в самом наименовании и в положениях жалованных грамот следующих правовых терминов: «тархан» — особые финансовые преимущества, «ям» — ямская повинность, этимология которых якобы указывает на ордынский юридический след. В санскрите, одном из древнейших языков, носителями которого были славяне-русы, имеются похожие слова, например с корнем *tark* — *tarkayan*, что в обсуждаемом контексте означает «счет», *jam* — «идти, двигаться», что отражает сущность ямской повинности. Тюркский язык, а вслед за ним и право, развивавшиеся в том числе под влиянием Руси³³, явно заимствовали эти термины, которые для отечественной юридической практики являлись устоявшимися и традиционными. Еще одним примером рецепции Ордой норм древнерусского права является институт *кун* — матери-

ального возмещения пострадавшей стороне причиненного ущерба³⁴. Известно, что данный термин был закреплен еще в Русской Правде в значении имущественного взыскания, налагаемого на правонарушителя. Тем более что это понятие вновь отсылает к санскритскому языку, где существует созвучное и близкое по лексическому значению слово *kunati*, т.е. «помогать», «поддерживать». Р. Н. Тленшиева в ходе детального этимологического исследования и вовсе приходит к выводу о том, что вся терминология золотоордынского периода имеет латинское, латинско-русское или русское происхождение, в том числе «ярлык», «ясак», «ям» и т.д., и не включает ни одного монгольского или татарского термина³⁵.

В пословицах юридического свойства, которые как раз и отражали правосознание народа, не закрепилось каких-либо элементов тюркских правовых порядков или правил поведения, в народном творчестве запечатлены лишь жесткая политика Орды и формы сопротивления ей³⁶. То же самое можно лицезреть на примере распространенных народных былин и песенного творчества о твердости воли и желании противостоять врагу, который изображается не иначе как разоритель³⁷. Хотя если бы влияние обычного права Орды на общественные отношения было бы существенным и его нормы воспринимались русским народом, то фольклор это бы запечатлел в форме пословиц, поговорок, мифов, сказаний, песенного творчества, которое достаточно оперативно реагировало на важные события, изменения в привычном средневековом быте людей с учетом их креативного характера. По всей видимости, позиция профессора истории

³² См.: Почекаев Р. Ю. Золотая Орда и русские земли: юридические аспекты отношений (очерки по истории и антропологии права) : монография. Барнаул, 2022. С. 129–145.

³³ Ибрагимов Ж. И. Институты монгольского права периода Золотой Орды // Российско-азиатский правовой журнал. 2022. № 3. С. 47.

³⁴ Жумаганбетов Т. С. Золотоордынское право. Основные аспекты содержания // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2009. № 5. С. 122.

³⁵ Тленшиева Р. Н. По языковым следам Золотой Орды // Гуманитарная парадигма. 2021. № 1. С. 76.

³⁶ Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1841. Т. 1. С. 45, 107.

³⁷ Амелькин А. О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV — первой половины XVI в. (по материалам памятников агиографии и фольклора) : монография. Воронеж, 2008. С. 118–132.

русского права Д. Я. Самоквасова близка к истине: ордынцы оставили нетронутыми юридические обычаи русского народа³⁸.

М. Ф. Владимирский-Буданов, анализируя русское законодательство XIV в., также писал: «Итак, почти вся юридическая жизнь народа предоставлялась в продолжении двух столетий действию обычного права и частной воли князей». По мнению профессора, законодательство развивалось традиционно, самобытно, с учетом собственного юридического опыта и частичной рецепцией византийского и литовского права³⁹.

Но в науке существует и противоположное мнение. Так, известный историк русского права И. Д. Беляев пытался утверждать на страницах своей книги о невозможности невлияния монголов на законодательство Древней Руси, при этом не приведя ни одного убедительного примера. Далее по тексту автор входит в противоречие с самим собой и пишет, что татарские ханы вовсе не касались русских обычаев, религии страны. В то же время в другом положении его работы, где исследуются источники русского права во время нашествия и после освобождения Руси от Орды: Русская Правда, Судебник Ивана Васильевича, Стоглав, он уже заявляет о влиянии на них только византийского права, с сохранением элемента народных, аутентичных обычаев, не упоминая про степень воздействия кочевых народов на правовую генезис⁴⁰.

Впрочем, среди отечественных ученых были и те, кто ставил под большое сомнение в целом влияние Орды на Русь. Представители государственной школы — государственно-юридического направления в истории, к числу которой относились видные правоведы К. Д. Кавелин, А. Д. Градовский, Б. Н. Чичерин и др., не усма-

тривали масштабного воздействия ига на общественные отношения внутри русского государства, которое, по их словам, было минимальным⁴¹. Особенно здесь следует выделить мнение академика С. Ф. Платонова. Ученый отрицал всякое влияние татарской власти на законодательство, обычаи, которые, как и до ордынского нашествия, со времен киевской Руси сохранили традиционные положения в области наследования земельных наделов: о передаче владений от отца к сыну, престолонаследии, привлечении к юридической ответственности, свободе междукняжеских договорных отношений и др. Это высказывание не лишено смысла. Например, порядок купли-продажи недвижимого имущества, управление им также регламентировались русскими обычаями — «стариной».

В купчих, датированных XIV–XV вв., довольно часто встречаются ссылки на старые порядки в сфере приобретения и отчуждения права собственности, управления землями, селами: «по старине владел» время от времени упоминается в тексте частноправовых актов⁴². На основании обычаев удельными князьями рассматривались и вытекающие из земельных правоотношений споры: «обыскавъ по старине споръ»⁴³. В отечественных юридических документах той поры многократно упоминаются следующие призывы: жить «по старине», давнему обычаю, по давней «пошлине», «по старым грамотам», «по крестному целованию», руководствоваться и не отступать от положений духовных, договорных грамот⁴⁴.

Берестяные грамоты периода ордынского нашествия достаточно ярко демонстрируют сохранность и неизменность привычного юридического быта и жизни русского общества, а

³⁸ Самоквасов Д. Я. Главнейшие моменты в государственном развитии Древней Руси и происхождение Московского государства. Варшава, 1886. С. 60.

³⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1907. С. 218.

⁴⁰ Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 166, 167, 212, 229, 234, 268, 269.

⁴¹ Политов В. В. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси : автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2017. С. 13.

⁴² Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 110, 112, 114.

⁴³ Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Киев, 1860. Т. 1. С. 1.

⁴⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб., 1841. Т. 1. С. 26, 27, 79, 81.

также свидетельствуют о высоком уровне правовой просвещенности населения, тогда как степные народы Орды в большинстве своем были безграмотными⁴⁵. В них адресантами упоминаются традиционные для русского обычного права институты, термины, денежные единицы: свидетельство на суде — «ушничество», исполнение различных долговых обязательств, повинностей, в том числе оброка, и др.⁴⁶

Данные обстоятельства аргументированно прокомментировал С. Ф. Платонов. По его словам, это объясняется слабым авторитетом и влиянием татарской власти, которая не могла воздействовать на русскую правовую жизнь, поскольку находилась всегда далеко и являлась только для решения фискальных задач⁴⁷.

Да и не могли ордынцы оказать влияние, поскольку в правовом развитии уступали Руси, где уже существовало писаное право с едиными для всех слоев общества правилами поведения, культурой его применения и реализации. В свою очередь, Орда никогда не имела как такового всеобщего ордынского права, тем более в письменной форме. Она представляла собой лишь полиэтнический военный союз, состоявший из множества орд, где каждый народ имел свои разрозненные нормы.

Кроме того, право кочевых народов, со слов католических миссионеров, ставших свидетелями исполнения разных обрядов и ритуалов в ставке Батыя, — это устные обычаи, религиозные правила, предания, придворные церемонии⁴⁸, которые, по сути, были далеки от условий преимущественно городского образа жизни русского народа и, конечно же, его менталитета, мировоззрения.

Можно с уверенностью сказать, что степные этносы не фиксировали своих правил поведения, поскольку не руководствовались устойчивыми социальными нормами, легко их изменяя, нарушая и свои собственные порядки, и традиции тех земель, которые захватывали, за что их на Руси именовали «беззаконными»⁴⁹. В сознании современников «Татарские страны» ассоциировались не с законом, справедливым судом, а жестокой расправой, гибелью людей⁵⁰. Даже в отношениях между ордынцами, по словам барона Герберштейна, не существовало никакой справедливости. Описывая их правовые обычаи, автор обращал внимание на возможность безнаказанного совершения краж, грабежей, похищения людей, работорговли в отношении своих же соплеменников, и судебные органы Орды оправдывали такие деяния, подчеркивая в своих решениях: «Если ты нуждаешься в какой-либо вещи, то похищай ее у других»⁵¹.

Отношения в Орде регулировались посредством частных распоряжений верховного правителя по конкретному случаю, о чем имеется следующее упоминание: «Всё трепетало перед именем хана; что ни прикажет, все повиновались раболепно. Только говорили: “Царь велит, царь приказывает, да будет его воля!”»⁵².

Из писанных источников сохранились немногочисленные написанные на татарском языке ярлыки — фактически грамоты, подтверждавшие право князей на управление территорией. По мнению некоторых исследователей, влияние монголо-татарского ига на правовую жизнь Руси как раз и проявляется через издание этих документов⁵³. Сама правовая природа ярлыков,

⁴⁵ Шургучиев О. С. Источники о судопроизводстве в Золотой Орде // *Oriental Studies*. 2016. № 9. С. 131.

⁴⁶ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954. С. 28–33.

⁴⁷ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории профессора Платонова. Вып. I. СПб., 1899. Т. 1. С. 83–85.

⁴⁸ Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. СПб., 1825. С. 89.

⁴⁹ Памятники общественной мысли Древней Руси. С. 45.

⁵⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. С. 22.

⁵¹ Герберштейн С. фон. Записки о Московии (*rerum moscovitarum commentarii*) / соч. барона Герберштейна. СПб., 1866. С. 138.

⁵² Терещенко А. В. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. I. С. 18.

⁵³ Гусейнов Р. Г. Влияние монголо-татарского ига на развитие российского государства и права // *Вопросы российской юстиции*. 2019. № 3. С. 19.

как, в общем-то, и их достоверность, сегодня оценивается неоднозначно⁵⁴. Г. В. Вернадский писал, что ярлык не более чем мандат⁵⁵. Известный российский ученый Л. Н. Гумилев, отстаивавший идею о сохранении русскими княжествами независимости и самостоятельности от Орды, в этом ключе утверждал, что ярлык — это лишь пакт о дружбе и ненападении⁵⁶. Мы также считаем, что важность ярлыков как средства регулирования правоотношений на территории Руси переоценена исследователями, достаточно масштабно апеллирующими к ним как к единственному материальному источнику. Здесь, конечно, следует возразить, поскольку, во-первых, ярлыки содержали в себе лишь уполномочивающие нормы, которые закрепляли исключительно право лиц на административное управление, не регламентируя сам процесс⁵⁷. В действительности ярлыки представляли собой индивидуальные правовые акты, которые не регулировали правоотношений в обществе в широком смысле. Во-вторых, ярлыки — это не источники права Руси, а именно форма права ордынцев, издаваемая от имени хана, обязательная для его подданных⁵⁸. В-третьих, положения ярлыков не фиксировались в официальных законодательных актах Руси и не содержали каких-либо ссылок на них. В-четвертых, не так много было издано ордынских ярлыков, чтобы полностью охватить и регламентировать значительный спектр общественных отношений на уровне государства.

Следует отметить и тот факт, что русские князья зачастую не имели или имели достаточно слабое представление об обычном ордынском

праве. Об этом свидетельствуют трагические истории применения к ним смертной казни за несоблюдение норм и порядков внутри Орды. Например, в ставке Батыя в 1246 г. был казнен Михаил Черниговский за неисполнение некоторых обычных придворных церемоний⁵⁹. Также был подвергнут смертной казни черниговский князь Андрей Мстиславович за нарушение норм обычного права татар, а именно за незаконную торговлю животными⁶⁰.

На Руси в целом не принимали опыт держащих в зависимости ордынцев, поскольку он был чуждым даже с религиозной точки зрения. Их на Руси презрительно называли «безбожными», а их обычаи — «погаными», т.е. языческими⁶¹. А ведь право в период Средневековья в основном базировалось на канонической догме, традиционных культурных устоях и должно было им полностью соответствовать⁶². Если обратиться к историческим документам, то можно увидеть сугубо негативное отношение русского народа к захватчикам, с которыми себя никак, никогда не ассоциировали, а которым, наоборот, противопоставляли. Да и в целом исповедование инородческих языческих культов на Руси, согласно церковным уставам, порицалось и расценивалось не иначе как антирелигиозное правонарушение. При этом русское право отражало и регулировало только те процессы, которые протекали внутри общества и были значимы для него, тогда как ордынские захватчики никогда не воспринимались как его неотъемлемая часть. Это можно видеть на примере послания великого князя Московского Василия

⁵⁴ Сочнев Ю. В. К оценке достоверности сведений предисловия к ярлыку хана Узбека о конфессиональной политике ордынских властителей // Золотоордынская цивилизация. 2013. № 6. С. 49–60.

⁵⁵ Вернадский Г. Монголы и Русь. М., 2011. С. 372.

⁵⁶ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 525.

⁵⁷ Калачов Н. В. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850. Кн. 1. С. 105–109.

⁵⁸ Георгиевский Э. В. Общая уголовно-правовая характеристика Ярлыков татарских ханов русским митрополитам // Право и политика. 2017. № 2. С. 67–77.

⁵⁹ Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. Киев, 1881. С. 195.

⁶⁰ Воротынец Л. В. «Татарский брак» вдовы и младшего брата Андрея Мстиславовича Черниговского // Золотоордынское обозрение. 2020. № 8. С. 773–774.

⁶¹ Памятники общественной мысли Древней Руси. С. 33.

⁶² Савченко Д. А. Начало русской политической централизации (конец XIII — первая половина XIV века): правовые аспекты // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 4. С. 38.

Васильевича к Константину Палеологу 1448 г., где подчеркиваются независимость и религиозная сущность Московского государства: «со всею нашею землею Русской, со всеми православными христианами»⁶³. Следует обратить внимание и на еще одну особенность: русское государство, вопреки устоявшемуся в науке мнению о Руси как составной части Орды⁶⁴, никогда не позиционировалось таковой. В княжеском законодательстве существовало принципиальное разграничение понятий: «...в Орде и на Руси»⁶⁵. Именно данным фактом объясняется полное отсутствие каких-либо упоминаний о них и об их социальных институтах в отечественных юридических памятниках.

Сомнение насчет возможного синтеза двух абсолютно разных в цивилизационном отношении правовых культур — с одной стороны ордынской, представлявшей собой симбиоз кочевых институтов управления и обычного права с исламской парадигмой, с другой стороны русской, основанной на православном понимании власти и права, — высказал в диссертации М. М. Шафиев. В ходе исследования автор не находит ордынских традиций в правовой культуре средневековой Москвы⁶⁶.

Более того, известны случаи, когда важные государственно-правовые вопросы о престолонаследии среди русских князей регулировались только на основе обычаев, без участия представителей Орды, без опоры на их правила. В связи

с этим М. Дьяконов довольно точно подметил важную особенность: «...нельзя сказать, что воля хана сделалась единою силою при замещении столов. Сохраняют свое значение и старые начала»⁶⁷. На сохранение традиции регулирования правоотношений в области наследования княжеств преимущественно древнерусскими юридическими нормами в условиях ордынского нашествия указывает М. С. Савоскул⁶⁸.

Поэтому зависимость носила исключительно финансовый характер — обязанность уплачивать дань, во всех остальных вопросах княжеская власть имела суверенитет⁶⁹. По словам Р. В. Зотова, во внутреннее устройство русских княжений ордынские цари не вмешивались⁷⁰. Поэтому русские князья свободно заключали договорные грамоты антиордынского содержания, в которых обязались друг перед другом оказывать военную помощь в противостоянии татарам, если вдруг не получится достигнуть с ними мира. Так, в одной из грамот великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем тверским Михаилом Александровичем 1375 г. достаточно открыто и официально ордынцы позиционируются как враги: «А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тебе с одного всемъ противу их»⁷¹. Ордынцы по тексту средневекового документа наравне с немцами, ляхами признавались недругами⁷².

Ярким примером политической свободы русских монархов от ордынской власти явля-

⁶³ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. С. 83–84.

⁶⁴ Блинов Н. В. Русь как улус Золотой Орды. Из истории государства // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2006. № 3. С. 8.

⁶⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. СПб., 1836. Т. 1. С. 25.

⁶⁶ Шафиев М. М. Становление и развитие системы публичного управления в Древнерусском и централизованном Московском государстве с IX по XVII в. (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. С. 9.

⁶⁷ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908. С. 149.

⁶⁸ Савоскул М. С. Русский этнос в эпоху монголо-татарского нашествия. М., 1997. С. 24.

⁶⁹ Обязанность русских земель выплачивать татарам дань упоминается в уставной договорной грамоте великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана от 28 июня 1404 г. (Памятники русского права. Выпуск третий / под ред. проф. Л. В. Черепнина. М., 1953. С. 422).

⁷⁰ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 220.

⁷¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. ; Л., 1950. С. 26, 41.

⁷² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 161.

ется положение договорной взаимной грамоты великого князя Василия Васильевича и удельных князей 1435 г., в которой они соглашались во избежание раздора между собой не повиноваться ордынской власти в случае назначения кого-либо из их числа на великое княжение⁷³.

Таким образом, на основании полученных в ходе исследования результатов необходимо заключить следующее.

Во-первых, предлагаем инициировать исключение из оборота в историко-юридической науке терминов «монголо-татарское иго», «Золотая Орда», вместо них ввести выражение «татарская Орда»: вышеупомянутые два термина являются вымыслом и никакого отношения к прошлому не имеют, а одновременное их использование порождает теоретическую путаницу и несогласованность.

Вышеуказанные понятия никогда не использовались в качестве официальных в государственно-правовой практике Средневековья. В юридических актах Руси, а именно в многочисленных княжеских договорных грамотах, завоеватели официально именуются Ордой, татарами. Термин «татарская Орда» является единственным официальным названием политической организации тюркских народов, содержащимся в отечественных юридических памятниках. Более того, иго подразумевает рабство, т.е. полное подчинение⁷⁴. Русское же общество не находилось в положении рабов, сохраняя за собой право на политическое самоопределение и правовую автономию от татарской Орды.

Во-вторых, отечественное право сохранило самобытность и не подверглось влиянию татар-

ской Орды. В нем явно прослеживаются три основы: а) византийская; б) традиционно русская; в) ведическая.

В-третьих, именно татарская Орда заимствовала юридический опыт Руси. Факт использования положений русского права в ордынских актах признает в своей книге востоковед-тюрколог А. П. Григорьев. Даже сборник ханских ярлыков, по его мнению, «создавался на русской почве»⁷⁵. И это достаточно закономерное распространение опыта от более развитых цивилизаций к менее развитым. По политико-правовому развитию Орда значительно уступала Руси, где существовало писаное право, устоявшиеся традиции, правовые обычаи, регламентировавшие различные общественные отношения: наследственные, семейные, уголовные, торговые, в то время как в Орде отношения регулировались волей хана, что порой зависело от его расположения духа, настроения, время от времени преданиями, дворцовыми ритуалами, судебными прецедентами, которые допускали нарушение всех социальных норм, узаконивая при этом право сильного.

В-четвертых, ордынское «ярлычное право» — право замещения княжеских должностей в русских землях по усмотрению хана — стало также предметом рецепции юридического опыта Руси. Дело в том, что подобная практика получила широкое применение еще до прихода ордынцев на эти территории, в период феодальной раздробленности, когда порядок и принципы престолонаследия, назначения претендентов определялись русскими князьями в духовных грамотах на основе их волеизъявления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абзалов Л. Ф. Официальный письменный язык и канцелярская культура Улуса Джучи : автореф. дис. ... канд. истор. наук. — Казань, 2009.
2. Абулгази-Баядур-Хан. Родословная история о татарах : в 2 т. — М., 1768.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т. 1. — СПб., 1836.
4. Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Т. 1. — Киев, 1860.

⁷³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. С. 20.

⁷⁴ Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. С. 16.

⁷⁵ Григорьев А. П. Указ. соч. С. 7.

5. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. — СПб., 1838.
6. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 1. — СПб., 1841.
7. Амелькин А. О. Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV — первой половины XVI в. (по материалам памятников агиографии и фольклора) : монография. — Воронеж, 2008.
8. Андреевский И. Е. О правах иностранцев в России до вступления Ивана III Васильевича на престол Великого княжества Московского. — СПб., 1854.
9. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). — М., 1954.
10. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. — М., 1879.
11. Блинов Н. В. Русь как улус Золотой Орды. Из истории государства // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». — 2006. — № 3.
12. Борисов Н. С. Русская культура и монголо-татарское иго : автореф. дис. ... канд. истор. наук. — М., 1977.
13. Вернадский Г. Монголы и Русь. — М., 2011.
14. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — Киев, 1907.
15. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. — Киев ; СПб., 1887.
16. Воротынцев Л. В. «Татарский брак» вдовы и младшего брата Андрея Мстиславовича Черниговского // Золотоордынское обозрение. — 2020. — № 8.
17. Гальперин Ч. Татарское иго: образ монголов в средневековой России. — Воронеж, 2012.
18. Георгиевский Э. В. Общая уголовно-правовая характеристика Ярлыков татарских ханов русским митрополитам // Право и политика. — 2017. — № 2.
19. Герберштейн С. фон. Записки о Московии (rerum moscoviticarum commentarii) / соч. барона Герберштейна. — СПб., 1866.
20. Голубовский П. В. История Северской земли до половины XIV столетия. — Киев, 1881.
21. Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма. — М., 1994.
22. Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам : Источниковедческий анализ золотоордынских документов. — СПб., 2004.
23. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1989.
24. Гусейнов Р. Г. Влияние монголо-татарского ига на развитие российского государства и права // Вопросы российской юстиции. — 2019. — № 3.
25. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М. ; Л., 1950.
26. Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. — СПб., 1908.
27. Евреинов Н. История телесных наказаний в России. — Белгород, 1994.
28. Жумаганбетов Т. С. Золотоордынское право. Основные аспекты содержания // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». — 2009. — № 5.
29. Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. — СПб., 1892.
30. Ибрагимов Ж. И. Институты монгольского права периода Золотой Орды // Российско-азиатский правовой журнал. — 2022. — № 3.
31. Иньков С. В. Политико-правовые основы формирования единого русского государства в XIII–XV вв. (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2010.
32. Калачов Н. В. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. I. — М., 1850.
33. Калачов Н. В. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. II. Половина вторая. — М., 1854.
34. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 3. — СПб., 1818.
35. Ломоносов М. В. Записки по русской истории. — М., 2007.
36. Максимович К. А. Древнейший памятник славянского права «Закон судный людем»: композиция, переводческая техника, проблема авторства // Византийский временник. — 2002. — Т. 61. — № 86.
37. Набиев Р. Ф. Исторические источники о государственно-правовом статусе империи Джучидов («Золотой Орды») второй половины XIII — начала XV в. // Общество и право. — 2011. — № 3.

38. *Набиев Ш. И., Умарова Г. Ш., Усмонов И. И.* Об истории происхождения слова «татар» и татарского народа // *Science Time*. — 2017. — № 6.
39. *Нарушевич А.* Таврикия, или Известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителях до наших дней. — Киев, 1788.
40. *Наумов П. А.* Об отношениях российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год. — СПб., 1823.
41. *Нолев Е. В.* «Монголо-татарское иго»: идеологический и методологический аспекты исторического дискурса // *Вестник Бурятского государственного университета*. — 2013. — № 8.
42. *Памятники русского права. Выпуск третий / под ред. проф. Л. В. Черепнина.* — М., 1953.
43. *Памятники общественной мысли Древней Руси : в 3 т. Т. 2 : Период ордынского владычества.* — М., 2010.
44. *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории профессора Платонова. — Вып. I. Т. 1. — СПб., 1899.
45. *Политов В. В.* Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси : автореф. дис. ... канд. истор. наук. — М., 2017.
46. *Попов В. В.* Некоторые вопросы фальсификации истории // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. — 2013. — № 1.
47. *Почекаев Р. Ю.* Золотая Орда и русские земли: юридические аспекты отношений (очерки по истории и антропологии права) : монография. — Барнаул, 2022.
48. *Русский быт XIII–XV веков. Чем занимались, где жили, что ели, как одевались, на чем ездили и какими деньгами расплачивались.* — М., 2020.
49. *Савоскул М. С.* Русский этнос в эпоху монголо-татарского нашествия. — М., 1997.
50. *Савченко Д. А.* Начало русской политической централизации (конец XIII — первая половина XIV века): правовые аспекты // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. — 2019. — № 4.
51. *Самоковасов Д. Я.* Главнейшие моменты в государственном развитии Древней Руси и происхождение Московского государства. — Варшава, 1886.
52. *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. Т. 1. — СПб., 1841.
53. *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. — СПб., 1910.
54. *Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях.* — СПб., 1825.
55. *Сочнев Ю. В.* К оценке достоверности сведений предисловия к ярлыку хана Узбека о конфессиональной политике ордынских властителей // *Золотоордынская цивилизация*. — 2013. — № 6.
56. *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Книга третья. — М., 1774.
57. *Терещенко А. В.* Быт русского народа. Ч. I. — СПб., 1848.
58. *Тимофеев А. Г.* История телесных наказаний в русском праве. — СПб., 1904.
59. *Тленшиева Р. Н.* По языковым следам Золотой Орды // *Гуманитарная парадигма*. — 2021. — № 1.
60. *Хилков А. Я.* Ядро российской истории. — М., 1770.
61. *Шафиев М. М.* Становление и развитие системы публичного управления в Древнерусском и централизованном Московском государстве с IX по XVII в. (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2008.
62. *Шургучиев О. С.* Источники о судопроизводстве в Золотой Орде // *Oriental Studies*. — 2016. — № 9.

Материал поступил в редакцию 5 июня 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abzalov L. F. Ofitsialnyy pismennyy yazyk i kantselyarskaya kultura Ulusa Dzhuchi: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. — Kazan, 2009.
2. Abulgazi-Bayadur-Khan. Rodoslovnaya istoriya o tatarakh: v 2 t. — M., 1768.
3. Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii. T. 1. — SPb., 1836.
4. Akty, otnosyashchiesya do grazhdanskoy raspravy Drevney Rossii. T. 1. — Kiev, 1860.
5. Akty yuridicheskie, ili Sobranie form starinnogo deloproizvodstva. — SPb., 1838.
6. Akty istoricheskie, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoyu komissiei. T. 1. — SPb., 1841.
7. Amelkin A. O. Tatarskiy vopros v obshchestvennom soznanii Rossii kontsa XV — pervoy poloviny XVI v. (po materialam pamyatnikov agiografii i folklora): monografiya. — Voronezh, 2008.
8. Andreevskiy I. E. O pravakh inostrantsev v Rossii do vstupleniya Ivana III Vasilevicha na prestol Velikogo knyazhestva Moskovskogo. — SPb., 1854.
9. Artsikhovskiy A. V. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1952 g.). — M., 1954.
10. Belyaev I. D. Lektsii po istorii russkogo zakonodatelstva. — M., 1879.
11. Blinov N. V. Rus kak ulus Zolotoy Ordy. Iz istorii gosudarstva // Vestnik RUDN. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2006. — № 3.
12. Borisov N. S. Russkaya kultura i mongolo-tatarskoe igo: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. — M., 1977.
13. Vernadskiy G. Mongoly i Rus. — M., 2011.
14. Vladimirskiy-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. — Kiev, 1907.
15. Vladimirskiy-Budanov M. F. Khrestomatiya po istorii russkogo prava. — Kiev; SPb., 1887.
16. Vorotyntsev L. V. «Tatarskiy brak» vdovy i mladshego brata Andreya Mstislavovicha Chernigovskogo // Zolotoordynskoe obozrenie. — 2020. — № 8.
17. Galperin Ch. Tatarskoe igo: obraz mongolov v srednevekovoy Rossii. — Voronezh, 2012.
18. Georgievskiy E. V. Obshchaya ugovorno-pravovaya kharakteristika Yarlykov tatarskikh khanov russkim mitropolitam // Pravo i politika. — 2017. — № 2.
19. Gerbershteyn S. fon. Zapiski o Moskovii (rerum moscoviticarum commentarii) / soch. barona Gerbershteyna. — SPb., 1866.
20. Golubovskiy P. V. Istoriya Severskoy zemli do poloviny XIV stoletiya. — Kiev, 1881.
21. Gorskaya N. A. Istoricheskaya demografiya Rossii epokhi feodalizma. — M., 1994.
22. Grigorev A. P. Sbornik khanskikh yarlykov russkim mitropolitam: Istochnikovedcheskiy analiz zolotoordynskikh dokumentov. — SPb., 2004.
23. Gumilev L. N. Drevnyaya Rus i Velikaya step. — M., 1989.
24. Guseynov R. G. Vliyanie mongolo-tatarskogo iga na razvitie rossiyskogo gosudarstva i prava // Voprosy rossiyskoy yustitsii. — 2019. — № 3.
25. Dukhovnye i dogovornyye gramoty velikikh i udelnykh knyazey XIV–XVI vv. — M.; L., 1950.
26. Dyakonov M. Ocherki obshchestvennogo i gosudarstvennogo stroya Drevney Rusi. — SPb., 1908.
27. Evreinov N. Istoriya telesnykh nakazaniy v Rossii. — Belgorod, 1994.
28. Zhumaganbetov T. S. Zolotoordynskoe pravo. Osnovnye aspekty sodержaniya // Vestnik RUDN. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2009. — № 5.
29. Zotov R. V. O chernigovskikh knyazyakh po Lyubetskому sinodiku i o Chernigovskom knyazhestve v tatarskoe vremya. — SPb., 1892.
30. Ibragimov Zh. I. Instituty mongolskogo prava perioda Zolotoy Ordy // Rossiysko-aziatskiy pravovoy zhurnal. — 2022. — № 3.
31. Inkov S. V. Politiko-pravovyye osnovy formirovaniya edinogo russkogo gosudarstva v XIII–XV vv. (istoriko-pravovoy aspekt): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — SPb., 2010.
32. Kalachov N. V. Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy, otnosyashchikhsya do Rossii. Kn. I. — M., 1850.

33. Kalachov N. V. Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy, odnosyashchikhsya do Rossii. Kn. II. Polovina vtoraya. — M., 1854.
34. Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva rossiyskogo. T. 3. — SPb., 1818.
35. Lomonosov M. V. Zapiski po russkoy istorii. — M., 2007.
36. Maksimovich K. A. Drevneyshiy pamyatnik slavyanskogo prava «Zakon sudnyy lyudem»: kompozitsiya, perevodcheskaya tekhnika, problema avtorstva // Vizantiyskiy vremennik. — 2002. — T. 61. — № 86.
37. Nabiev R. F. Istoricheskie istochniki o gosudarstvenno-pravovom statuse imperii Dzhuchidov («Zolotoy Ord») vtoroy poloviny XIII — nachala XV v. // Obshchestvo i pravo. — 2011. — № 3.
38. Nabiev Sh. I., Umarova G. Sh., Usmonov I. I. Ob istorii proiskhozhdeniya slova «tatar» i tatarskogo naroda // Science Time. — 2017. — № 6.
39. Narushevich A. Tavrikiya, ili Izvestiya drevneyshie i noveyshie o sostoyanii Kryma i ego zhitelyakh do nashikh dney. — Kiev, 1788.
40. Naumov P. A. Ob otnosheniyakh rossiyskikh knyazey k mongolskim i tatarskim khanam ot 1224 po 1480 god. — SPb., 1823.
41. Nolev E. V. «Mongolo-tatarskoe igo»: ideologicheskii i metodologicheskii aspekty istoricheskogo diskursa // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2013. — № 8.
42. Pamyatniki russkogo prava. Vypusk tretiy / pod red. prof. L. V. Cherepnina. — M., 1953.
43. Pamyatniki obshchestvennoy mysli Drevney Rusi: v 3 t. T. 2: Period ordynskogo vladychestva. — M., 2010.
44. Platonov S. F. Lektsii po russkoy istorii professora Platonova. — Vyp. I. T. 1. — SPb., 1899.
45. Politov V. V. Otechestvennaya istoriografiya vliyaniya mongolo-tatarskogo iga na sotsialno-politicheskie instituty knyazhestv Severo-Vostochnoy Rusi: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. — M., 2017.
46. Popov V. V. Nekotorye voprosy falsifikatsii istorii // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. — 2013. — № 1.
47. Pochekaev R. Yu. Zolotaya Orda i russkie zemli: yuridicheskie aspekty otnosheniy (oчерki po istorii i antropologii prava): monografiya. — Barnaul, 2022.
48. Russkiy byt XIII–XV vekov. Chem zanimalis, gde zhili, chto eli, kak odevalis, na chem ezдили i kakimi dengami rasplachivalis. — M., 2020.
49. Savoskul M. S. Russkiy etnos v epokhu mongolo-tatarskogo nashestviya. — M., 1997.
50. Savchenko D. A. Nachalo russkoy politicheskoy tsentralizatsii (konets XIII — pervaya polovina XIV veka): pravovye aspekty // Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs. — 2019. — № 4.
51. Samokvasov D. Ya. Glavneyshie momenty v gosudarstvennom razvitii Drevney Rusi i proiskhozhdenie Moskovskogo gosudarstva. — Varshava, 1886.
52. Sakharov I. P. Skazaniya russkogo naroda. T. 1. — SPb., 1841.
53. Sergeevich V. I. Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava. — SPb., 1910.
54. Sobranie puteshestviy k tataram i drugim vostochnym narodam v XIII, XIV i XV stoletiyakh. — SPb., 1825.
55. Sochnev Yu. V. K otsenke dostovernosti svedeniy predisloviya k yarlyku khana Uzbeka o konfessionalnoy politike ordynskikh vlastiteley // Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. — 2013. — № 6.
56. Tatishchev V. N. Istoriya Rossiyskaya s samykh drevneyshikh vremen, neusypnymi trudami cherez tridsat let sobrannaya i opisannaya pokoynym taynym sovetnikom i astrakhanskim gubernatorom, Vasiliem Nikitichem Tatishchevym. Kniga tretaya. — M., 1774.
57. Tereshchenko A. V. Byt russkogo naroda. Ch. I. — SPb., 1848.
58. Timofeev A. G. Istoriya telesnykh nakazaniy v russkom prave. — SPb., 1904.
59. Tlenshieva R. N. Po yazykovym sledam Zolotoy Ord // Gumanitarnaya paradigma. — 2021. — № 1.
60. Khilkov A. Ya. Yadro rossiyskoy istorii. — M., 1770.
61. Shafiev M. M. Stanovlenie i razvitie sistemy publichnogo upravleniya v Drevnerusskom i tsentralizovannom Moskovskom gosudarstve s IX po XVII v. (istoriko-pravovoy aspekt): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — SPb., 2008.
62. Shurguchiev O. S. Istochniki o sudoproizvodstve v Zolotoy Orde // Oriental Studies. — 2016. — № 9.

Относительные субъективные права: проблемные аспекты идентификации в структуре правовых связей

Аннотация. В статье анализируется понятие относительных субъективных прав как прав в отношении определенного лица, рассматриваются проблемные вопросы их определения, проводится сравнение с абсолютными правами. В результате анализа теории субъективного права, подходов к пониманию его сущности делается вывод о релятивной природе любого субъективного права, что является отражением принципа относительности в праве. Вместе с тем, когда взаимосвязь между юридически закрепленными возможностью и необходимостью носит прямой, корреспондирующий характер, соответствующее субъективное право описывается как относительное, следствием чего являются конкретная возможность применения мер ответственности к определенному лицу за несоблюдение относительного права и более высокий стандарт добросовестного поведения обязанного лица. В статье обосновано, что доктрина относительных прав, хорошо развитая в цивилистической науке, имеет общее теоретико-правовое значение, что позволяет говорить об их существовании не только в частном, но и в публичном праве. Относительность прав и обязанностей в публично-правовой сфере основана на концепции общественного договора, предполагающей коммуникацию государства и общества, должностного лица и гражданина с учетом взаимного консенсуса.

Ключевые слова: право; субъективное право; принцип относительности в праве; релятивизм; договор; относительное субъективное право; абсолютное субъективное право; публичное субъективное право; общественный договор; частное право; публичное право; взаимность.

Для цитирования: Вартанян С. Г. Относительные субъективные права: проблемные аспекты идентификации в структуре правовых связей // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 39–52. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.039-052.

© Вартанян С. Г., 2025

* Вартанян Самвел Гарикович, аспирант кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина
Интернациональная ул., д. 33, г. Тамбов, Российская Федерация, 392000
sam.vartanyan@gmail.com

Relational Subjective Rights: Problematic Aspects of Identification within the Structure of Legal Relations

Samvel G. Vartanyan, Postgraduate Student, Department of Theory and History of the State and Law, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation
sam.vartanyan@gmail.com

Abstract. The paper analyzes the concept of relational subjective rights as rights in relation to a certain person, examines the problematic issues of their definition, and compares them with absolute rights. Based on an analysis of the theory of subjective rights, approaches to understanding their essence, the author draws a conclusion about the relational nature of any subjective right that reflects the principle of relativity in law. However, when the relationship between a legally enforceable possibility and necessity is direct and corresponding, the subjective right is characterized as relational, the consequence of which is the specific possibility of applying measures of liability to a certain person for non-compliance with a relational right and a higher standard of good faith of the obliged person. The paper substantiates that the doctrine of relational rights, significantly developed in civil science, has a general theoretical and legal significance, which allows us to talk about their existence not only in private, but also in public law. The relativity of rights and obligations in the public legal sphere is based on the concept of a social contract, which implies communication between the state and society, an official and a citizen, taking into account mutual consensus.

Keywords: law; subjective right; principle of relativity in law; relativism; contract; relational subjective right; absolute subjective right; public subjective right; social contract; private law; public law; reciprocity.

Cite as: Vartanyan SG. Relational Subjective Rights: Problematic Aspects of Identification within the Structure of Legal Relations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):39-52. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.039-052.

Введение

Существование в обществе предполагает различные варианты взаимодействия субъекта права с иными лицами: с одной стороны, охраняемый законом интерес, являющийся неотъемлемой составной частью субъективного права, может быть удовлетворен собственными действиями управомоченного субъекта, без какого-либо видимого существенного взаимодействия с окружающим социумом, с другой — существуют ситуации, когда удовлетворение потребности в рамках юридического дозволения возможно лишь в результате совместных действий с иным субъектом либо полностью зависит от его поведения. Последняя модель юридического дозволения получила в правовой науке название относительного субъективного права, опреде-

ление которого является предметом настоящего исследования. При этом дихотомия «абсолютное — относительное» применительно к субъективным правам имеет омонимичное значение. С одной стороны, слово «относительный» может подразумевать применимость к определенному предмету либо субъекту, связанность с ними. С другой стороны, оно может предполагать безусловный характер чего-либо, сравнение с кем-либо или чем-либо (например, относительное вето может быть преодолено в отличие от абсолютного вето). В литературе мы можем также встретить трактовку относительных прав во втором значении — как тех прав, которые могут быть ограничены (например, свобода слова), против абсолютных прав, т.е. прав, которые не подлежат ограничению (например, право на судебную защиту своих прав и свобод)¹. Относи-

¹ См.: Подмарев А. А. Неограничиваемые (абсолютные) права и свободы человека и гражданина в Конституции РФ 1993 г. и международных актах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 69–75.

тельные субъективные права в данном понимании не являются предметом настоящей работы.

Понятие субъективного права

Субъективное право является важнейшей правовой категорией, обуславливающей дозволительный характер правового регулирования.

В истории юридической мысли можем наблюдать несколько подходов к пониманию сущности субъективного права, которые глобально с некоторой долей условности можно объединить в две теории: воли и интереса².

Представляется, что воля и интерес совокупно составляют форму и содержание субъективного права, что позволяет отличить данную категорию от публично-властных полномочий, которые строго определяются конкретными функциями и компетенцией соответствующего должностного лица или органа публичной власти, не имеющего возможности в полной мере действовать своей волей и в своем интересе.

Как теория воли, так и теория интереса объясняют относительный характер субъективного права. Любое субъективное право как важнейшее звено правовой системы предполагает возможность притязать на определенные социальные блага и пользоваться ими, что реализует индивидуальный интерес субъекта (его потребность) и исключает возможность других лиц пользоваться тем же самым социальным благом без разрешения управомоченного лица. Субъективное право очерчивает границы личного интереса в противовес интересу общественному, одновременно господство, власть, предполагает ограничение воли, свободы действий подвластных субъектов. Следовательно, в полной мере реализация субъективного права возможна лишь тогда, когда определяется

сфера осознанного ограничения свободы иного субъекта, что также подразумевает существование субъективного права не самого по себе, а направленного вовне и обуславливающего соответствующую юридическую необходимость поведения другого лица, также, в свою очередь, наделенного свободной волей и имеющего возможность осуществлять разумное поведение.

Категория субъективного права может быть раскрыта через три возможных подхода:

1. Субъективное право как эвентуальное право на иск (А. Тон, Г. Кельзен³). При данном подходе субъективное право также имеет относительный характер, т.к. корреспонденция права и обязанности является краеугольным камнем данной теории. Особенностью является направленность такой относительности: в иных теориях обязанность носит вторичный характер и призвана обеспечить реализацию в полной мере субъективного права, при данном же подходе обязанность первична по отношению к субъективному праву, соответственно, направленность носит обратный характер (от субъективной обязанности к субъективному праву), что еще в большей степени подчеркивает относительный характер субъективного права.

2. Субъективное право как возможность определять юридическую судьбу обязанного лица (Г. Харт, С. В. Третьяков)⁴. Данная теория также предполагает прямую и непосредственную связь с обязанным лицом и направленность субъективного права *относительно* конкретного субъекта.

3. Субъективное право как возможность господства над определенным объектом (будь то поведение другого человека либо собственное поведение в отношении предмета материального мира) в определенной мере, предполагающей исключение объективным правом определенных вариантов возможного поведения в

² См.: Виндшейд Б. Учебник пандектного права / сочинения проф. Гейдельберг. ун-та Виндшейда. СПб. : Гиероглифов и Никифоров, 1874. Т. 1 : Общая часть. С. 82 ; Шершеневич Г. Ф. Общая теория права : учеб. пособие (по изданию 1910–1912 гг.). М., 1995. Т. 2. С. 196.

³ См. подробнее: Третьяков С. В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 274–317.

⁴ См.: Третьяков С. В. Указ. соч. С. 345.

рамках субъективного права⁵. При таком подходе юридическая власть, ограничивающая возможное поведение других лиц и составляющая суть субъективного права, может выражаться в различных формах — правомочиях, которые в системной совокупности составляют структуру субъективного права.

Состав данных правомочий различен. В отечественной доктрине часто указывается на выделение в составе субъективного права следующих правомочий⁶: на собственные положительные действия, правомочие требования соответствующего поведения от обязанного лица, правомочие защиты.

Некоторые исследователи расширяют систематику и включают в состав субъективного права также иные правомочия, например возможность пользоваться социальным благом⁷.

Важно, что все правомочия носят исключительный характер: ни одно из правомочий точно такого же содержания не может принадлежать двум лицам одновременно без их согласия. Монопольный характер правомочий в наиболее полном виде отражен в теории коррелятов У. Хохфельда. Данный ученый выделял в методе правонаделения следующие составляющие:

1) право требования (claim-right), которому противостоит обязанность (duty), а коррелирует отсутствие права (no right);

2) привилегию (privilege), которой противостоит отсутствие права (no right), а коррелирует обязанность (duty);

3) власть (power), которой противостоит неспособность противодействовать распоряжению субъективным правом (disability) у другого субъекта и коррелирует ответственность за вторжение в юридическую судьбу субъективного права (liability);

4) иммунитет (immunity), которому противостоит ответственность за вторжение в юриди-

ческую судьбу субъективного права (liability), а коррелирует неспособность противодействовать распоряжению субъективным правом (disability)⁸.

Взаимосвязь корреляции означает, что оба коррелирующих свойства не могут быть у одного субъекта. Соответственно, например, если у лица есть право-требование, то у него не может отсутствовать право.

Монопольный характер субъективного права, исходя из изложенного, модулируется через связку «власть (power) на стороне управомоченного лица — отсутствие права (no right) на стороне обязанного лица», а также связку «иммунитет (immunity) на стороне управомоченного лица — неспособность (disability) на стороне обязанного лица». Соответствующая монопольность имеет внешний эффект и выражается в наличии юридической необходимости иного (иных) субъектов учитывать интересы субъекта права и в невозможности получить аналогичное право без согласия последнего.

Как представляется, теория коррелятов и противоположностей У. Хохфельда глубже раскрывает структуру субъективного права. Одним из главных достоинств данной теории является то, что она показывает взаимосвязь управомоченного субъекта и обязанного лица; соответственно, любое субъективное право направлено вовне по отношению к другим субъектам права, а не существует изолированно, что в полной мере отвечает принципу относительности в праве.

Относительность и взаимность в праве (релятивистский подход)

Право как социальный регулятор регламентирует взаимоотношения между субъектами

⁵ См., например: Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов : Изд-во Саратов. гос. академии права, 2004. С. 74 ; Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М. : Норма, 2008. С. 223–240.

⁶ См.: Алексеев С. С. Общая теория права : курс в 2 т. М. : Юрид. лит., 1982. Т. 2. С. 117.

⁷ Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. С. 84.

⁸ Hohfeld W. N. Fundamental legal conceptions as applied in judicial reasoning: and other legal essays. New Haven : Yale University Press, 1920. P. 5–12.

права, которые существуют не сами по себе, а во взаимодействии друг с другом: как справедливо отмечает Н. И. Матузов, право вне поведения личности лишено всякого смысла⁹, поэтому субъективные права имеют значение лишь постольку, поскольку происходит соприкосновение управомоченного лица с другими субъектами¹⁰. Исходя из этого, субъективное право не является абстрактной фиктивной конструкцией, а юридически оформляет социальный статус личности¹¹.

Принцип относительности в праве (исходя из релятивистского подхода, понимания относительности в смысле связанности с иным предметом) имеет очень большое значение. Правовая система призвана определить правила жизни в обществе, соотношение интересов людей, их взаимосвязь с учетом независимости юридического статуса субъектов от материальных возможностей и политической власти. Соответственно, любые правовые категории (в том числе субъективного права) носят относительный характер: в условиях проживания каждого человека по отдельности они являются бессмысленными.

Наиболее полное отражение изложенная мысль нашла в трудах представителей социологической школы права, согласно которой право формируется в поведении людей и в первую очередь находит воплощение в реальной жизни¹². В частности, Р. Паунд утверждал, что при формировании любого субъективного права происходит учет трех интересов: государства, общества и индивидуума¹³. Институциональная структура права включает в себя все данные интересы, результат нахождения компромисса между которыми проявляется в субъективном праве, а значит, любое субъективное право име-

ет относительный эффект. Н. М. Коркунов также акцентировал внимание на юридической связи, зависимости, из которой вырастает правопритязание (субъективное право, полномочие)¹⁴. Таким образом, социологическая школа права сделала огромный вклад в понимание субъективного права как правопритязания, имеющего относительный характер в условиях всеобщей взаимосвязанности субъектов права, в отличие от традиционного формально-догматического учения, рассматривавшего субъективное право лишь как производную от объективного права абстрактно существующую возможность поведения.

Субъективные права не только порождаются социальным взаимодействием, но и, наоборот, каждое субъективное право в силу относительного характера связывает между собой членов общества.

Принцип относительности определяет пределы субъективных прав: направленность права на регулирование социального взаимодействия влечет за собой то, что границы осуществления права определяются относительно прав и свобод (и выраженных в них интересов) других членов общества (ч. 3 ст. 17, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

С принципом относительности в праве тесно связан также принцип взаимности, который проявляется при осуществлении права, т.е. реализации, претворении в жизнь действий, составляющих содержание субъективного права. В частности, В. В. Трофимов справедливо отмечает, что все общественные действия являются ответом друг на друга, большинство действий, которые совершают субъекты, носят взаимный характер и направлены на осуществление социального взаимодействия¹⁵. «Значительная роль в обеспе-

⁹ Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1987. С. 5.

¹⁰ См.: Матузов Н. И. Правовая система и личность. С. 57.

¹¹ См.: Матузов Н. И. Правовая система и личность. С. 49–51.

¹² См.: Петухова А. В. Социологическая концепция права в России (историко-теоретический подход (XIX–XX в.)) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. С. 14.

¹³ Pound R. Social control through law. New Brunswick : Transaction Publishers, 1997. P. 65.

¹⁴ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Изд. 8-е (без измен.). СПб. : Н. К. Мартынов, 1909. С. 140.

¹⁵ Трофимов В. В. Принцип взаимности как основное начало договорного права: теоретическое конструирование // Lex russica. 2009. № 6. С. 1383.

чении процессов балансировки и выравнивания социальных взаимосвязей принадлежит такому важнейшему принципу социального общения, как взаимность, а также тесно связанному с ним принципу эквивалентности», — указывает данный автор¹⁶. Принцип взаимности носит универсальный характер и проявляется в гражданском (например, в синаллагматичности встречных обязательств), международном (принцип взаимного применения норм иностранного права), налоговом (в частности, при взимании сборов, которые возмездны в отличие от налогов), экологическом праве (например, при взимании платы за негативное воздействие на окружающую среду) и т.д. Принцип взаимности основан на идее дистрибутивной и коммутативной справедливости Аристотеля и предполагает учет интересов иного лица при осуществлении субъективного права¹⁷, что также указывает на релятивистскую природу последнего. Взаимная заинтересованность является характеристикой любого субъективного права: там, где она носит наиболее сильный, прямой, непосредственный характер, можно говорить о таком особом виде субъективных прав, как относительные права.

Релятивистский подход рассматривает общественные отношения через призму правоотношений, противопоставляя права и обязанности субъектов друг другу в их органической связи, являющейся существенной чертой развитого правопорядка¹⁸.

Релятивистский подход следует отличать от такого дефекта правосознания, как правовой релятивизм, т.е. отсутствие уважения к норме права, попытки истолковать ее в свою пользу, для корыстных целей, даже если такое толкование будет прямо противоречить буквальному значению нормы (*contra legem*). Такое отличие,

как было сказано выше, обусловлено двояким значением слова «относительность», а также основано на философском течении релятивизма, суть которого в том, что истина не является объективной категорией, она своя у каждой системы культурных ценностей, у любого народа, научной теории, а следовательно, у правовой системы¹⁹.

Существование субъективных прав приобретает значение через установление мер охраны и защиты субъективного права и возможность применения мер принудительного характера. Любая ситуация нарушения субъективного права связана с интервенцией иных субъектов в область господства управомоченного лица. Соответственно, охрана и защита субъективного права маркируют социальное свойство данного юридического явления, а значит, и направленность его вовне, относительность, зеркальное отражение в правовой сфере иного лица (иных лиц). Поэтому в отсутствие юридической обязанности на противоположной стороне субъективное право, которое имеет относительный характер, является ничем не обеспеченным, «голым» (*ius nudum*), бессмысленным. В римском праве данное свойство объяснялось через максимум «*ius et obligatio sunt correlate*»; в германской правовой системе считаются вспомогательными те нормы закона, в которых отсутствуют правопритязания, которые могут быть не только к частному лицу, но и к государству²⁰.

Если правовая обязанность отсутствует, то дозволительное поведение не обладает признаком монополии (исключительности), ему невозможно противопоставить необходимое поведение иных лиц, такие действия могут быть разрешены в силу дозволительного метода объективного права («разрешено всё, что не запре-

¹⁶ Трофимов В. В. Указ. соч. С. 1386.

¹⁷ См.: Трофимов В. В. Указ. соч. С. 1397.

¹⁸ Релятивистский подход в праве раскрывается не только в существовании относительных субъективных прав как отдельной категории, но и в других институтах (например, принцип относительности доказательств).

¹⁹ См.: Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2012. С. 8.

²⁰ Например, право на иск в процессуальном смысле, т.е. право предъявить исковые требования и требовать их рассмотрения государственным судом.

щено»), например право заводить домашних животных, право почистить зубы и т.п. Такие права иногда относят к естественным правам человека второго, третьего и даже четвертого поколений, которые получили развитие в XX в. после двух мировых войн. Однако отсутствие у таких прав свойства релятивности влечет справедливую критику их закрепления в источниках права (в том числе в международно-правовых документах): такие права не носят юридического характера в силу того, что они не имеют внешнего эффекта и не направлены на регулирование социальной жизни, однако их регламентация наводит на мысль о том, что в отсутствие их закрепления в документах действия, составляющие содержание таких прав, могут совершаться только с согласия органов власти²¹.

Относительность любого субъективного права повлекла за собой возможность формулирования концепции естественных прав человека, неотъемлемых от личности и ограждающих ее от произвола государства. Естественное право человека формирует его индивидуальность, а целью его охраны является прежде всего защита неповторимой самобытности индивидуума от публичного субъекта.

Принцип относительности позволяет также формировать содержание субъективных прав, исключая из них возможности, не подкрепленные корреспондирующей обязанностью. Например, право на труд (ч. 3 ст. 37 Конституции РФ) включает в себя право на защиту от безработицы. Однако последнее не является абстрактным либо абсолютным, ему не корреспондирует обязанность работодателя принимать на работу любого обратившегося к нему за трудоустройством потенциального работника, но такое право обращено к государству и предполагает обязанность предусмотреть различного рода социальные гарантии, а также меры помощи по трудоустройству.

Таким образом, все субъективные права в определенной степени релятивны, однако там, где связь между юридической возможностью управомоченного субъекта и юридической необходимостью обязанного лица носит непосредственный характер и является корреспондирующей, принцип относительности проявляется наиболее сильно и выражается в существовании относительных субъективных прав как их особого вида.

Критерий выделения относительных субъективных прав

В литературе можно выделить несколько вариантов определения относительных субъективных прав по сравнению с абсолютными правами²².

1. Противостояние управомоченному лицу конкретного обязанного лица (в отличие от абсолютных прав, где управомоченному субъекту противостоит неопределенное множество обязанных лиц), конкретная определенность субъектов правоотношения. Еще И. Кант, проводя различие между вещными и личными правами, указывал, что сущность последних состоит в ограничении произвола определенного лица, влиянии на причины и содержание его поведения с тем, чтобы оно осуществило необходимые действия в пользу управомоченного субъекта, тогда как вещное (абсолютное) право представляет собой идею «объединенного произвола всех», в котором суть права на вещи состоит в приобретении права «по отношению к каждому владельцу этого произвола (курсив мой. — С. В.)»²³.

2. Невозможность осуществления субъективного права управомоченного субъекта без активных действий обязанных лиц.

3. Возможность нарушения субъективного права строго определенным кругом лиц, а не любым субъектом, как при абсолютном праве.

²¹ См.: Алексеев С. С. Восхождение к праву: Поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2002. С. 519–520.

²² Обзор всей палитры мнений по данному вопросу см.: Сеницын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 34–41.

²³ Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Основы метафизики нравственности; Критика практического разума; Метафизика нравов. Изд. 3-е, стер. СПб.: Наука, 2007. С. 322.

В зависимости от критерия выделения относительных прав определяются составные части и критерии классификации. Чаще всего субъективные права классифицируются на абсолютные и относительные. Вместе с тем, если за основу берется первый критерий (количество обязанных лиц), то субъективные права подразделяются не только на абсолютные и относительные, но и на особые права (те, которым не противостоит никаких обязанностей)²⁴. Однако в таком случае данная классификация полностью повторяет трехчленное деление субъективных прав на права господства, притязания и секундарные (преобразовательные) права поздней пандектной доктрины²⁵.

Вместе с тем в юридической материи все изложенные критерии находят опровержения (например, ни одно из изложенных свойств не присутствует в залоге, квалифицируемом как абсолютное право). Кроме того, в литературе справедливо критикуется трактовка относительного права как субъективного, которому противостоит обязанность строго определенного лица, т.к. это предполагает отсутствие у всех третьих лиц запрета нарушать такое право, с чем невозможно согласиться²⁶.

В связи с этим в литературе можно встретить еще один критерий отделения относительных субъективных прав от абсолютных — адресат соответствующего права и характер связи с неопределенным кругом лиц. Например, В. К. Райхер и П. Эртманн разделяли внешнюю и внутреннюю сторону права²⁷. Внешний эффект абсолютных прав направлен против третьих лиц, круг которых не определен, напрямую и непосредственно. В относительных же правах есть второе лицо, по отношению к которому имеется внутреннее действие права, хотя при этом сохраняется внешнее действие

против третьих лиц, но носящее опосредованный, второстепенный характер. В. К. Райхер признавал за относительным правом наличие обоих из них, а за абсолютным правом — лишь внешнего эффекта. П. Эртманн доказывал, что как абсолютные, так и относительные права имеют оба свойства, но в относительном праве приоритетно внутреннее действие, в абсолютном — внешнее. Думается, что заслугой данных ученых является правильное определение вышеописанных вариантов выделения относительных прав не как сущностных характеристик, а как последствий квалификации субъективного права в качестве относительного, которые сами по себе могут возникать и у абсолютных прав, но не в качестве приоритетных.

Представляется, что характер связи следует определять по субъективному элементу. Субъект относительного права и лицо, обязанное по нему, должны быть персонально определяемы, т.к. они находятся во взаимной деятельности и взаимной направленности, а персональное взаимодействие невозможно с неопределенным количеством лиц. Деятельность обоих субъектов должна осуществляться в выраженной форме, доступной для четкого восприятия визави²⁸. Отсутствие знания о содержании относительного права и корреспондирующей обязанности свидетельствует о невозможности реализации данного права. В свою очередь, содержание относительного права вытекает из правоустанавливающего юридического факта, в отличие от абсолютного права, в котором такая зависимость не прослеживается. Внешнее проявление поведения, составляющего содержание соответствующего права, при неосознании того, что при этом происходит претворение в жизнь юридических возможностей, свидетельствует о том, что такое право у субъекта отсутствует²⁹, а

²⁴ См.: Певзнер А. Г. Понятие и виды гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1961. С. 194.

²⁵ См.: Третьяков С. В. Указ. соч. С. 224.

²⁶ Сеницын С. А. Указ. соч. С. 58–60.

²⁷ См.: Райхер В. К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 144–204 ; Эртманн П. О структуре субъективных частных прав // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 217–241.

²⁸ См.: Певзнер А. Г. Указ. соч. С. 209–210, 216.

²⁹ См.: Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М. : ИРИСЭН, 2008. С. 142–144.

значит, существование относительного права и квалификация его в качестве такового зависят от субъективного элемента.

Таким образом, основным критерием выделения относительных прав является субъективное знание о существовании и содержании такого права, о порядке определения встречного обязанного лица по отношению к последнему, а также восприятие управомоченным и обязанным лицом себя в качестве такового.

Исходя из данного определения относительных субъективных прав, возможны лишь два ответа на вопрос, стоящий в основании классификации о наличии либо об отсутствии субъективного элемента. Соответственно, выделение наряду с абсолютными и относительными правами еще каких-либо иных, особых прав излишне: секундарные права в большинстве случаев имеют относительный характер, т.к. управомоченный и связанный субъекты знают о существовании друг друга и о содержании секундарного права.

Относительные субъективные права в публичном праве

Несмотря на глубокое развитие теории субъективных относительных прав в частном праве, возникает вопрос о возможности существования относительных субъективных публичных прав.

Само по себе существование субъективного публичного права является предметом значительных дискуссий, т.к. многие притязания к государству либо органам местного самоуправления возникают непосредственно после признания их правопорядком, без обязательного наступления юридического факта³⁰.

Создателем теории публичных субъективных прав считается Г. Еллинек, подготовивший фундаментальный труд «Система субъективных публичных прав» («System der subjektiven öffentlichen Rechte»). Согласно его определению, субъективное право представляет собой благо или интерес, защищенные правовым признанием господства человеческой воли. Соответственно, в данной дефиниции он стремился объединить в общем понятии две наиболее знаменитые теории субъективного права — воли и интереса — для целей как частного, так и публичного права (в субъективном праве воля наличествует как формальный элемент и интерес — как материальный)³¹.

Вместе с тем А. И. Елистратов полагал, что субъективное публичное право, в отличие от частного, не содержит в себе господства воли управомоченного субъекта, потому что свобода действовать в своем интересе и по своему усмотрению ограничивается публично-правовым положением (статусом) соответствующего субъекта³². Действительно, одной из основных особенностей субъективного публичного права является отсутствие свойства отчуждаемости данного права по воле соответствующего обладателя права³³, что свидетельствует об отсутствии правомочия по определению юридической судьбы права (power в четырехчленной теории правомочий У. Хохфельда). Однако целый ряд частных прав также являются неотчуждаемыми³⁴, что не лишает их субъективного характера.

По аналогии с частными правами А. И. Елистратов различал личные, вещные и обязательственные публичные права. Причем к обязательственным публичным правам он относил как раз те права, управомоченные и обязанные

³⁰ См. подробнее: Гаврилов В. Н. Категория субъективного права в отечественном правоведении : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 33–35.

³¹ См.: Елистратов А. И. I. Понятие о публичном субъективном праве. II. «Теория субъективных публичных прав» А. А. Рождественского. М. : Печ. А. Снегиревой, 1913. С. 5–6.

³² Елистратов А. И. Основные начала административного права. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917. С. 72.

³³ См.: Гасанов К. К. Содержание принципа неотчуждаемости основных прав человека // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 134–137.

³⁴ Ст. 383 ГК РФ.

субъекты по которым идентифицированы с достаточной степенью определенности³⁵. Сходным образом Ф. Ф. Кокошкин среди личных прав выделял так называемые права власти, которым противостоит не определенное действие, а заранее неизвестный комплекс действий обязанного лица³⁶.

После революции в сфере административного права стал доминировать подход об абсолютном подчинении любого частного интереса государственному, что не допускало предъявления каких-либо требований к публичному субъекту³⁷.

Представляется, что следует признать существование публичного субъективного права: оно направлено на юридическое закрепление монопольной возможности собственного поведения либо поведения иных лиц (в том числе публичных субъектов) с иммунитетом от изъятия такой возможности, вне зависимости от наличия либо отсутствия юридического факта, непосредственно порождающего право³⁸. Дихотомия абсолютного и относительного субъективного права в полной мере может быть распространена и на сферу публичного права³⁹: относительные публичные субъективные права существуют там, где есть прямая корреляция в отношениях публичного субъекта и граждан, их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Теория публичных субъективных прав вообще и относительных в особенности получает объяснение в модели общественного договора. Теория общественного договора развивалась на протяжении многих столетий различными

мыслителями. Еще Платон писал о том, что основой правовой системы является взаимная договоренность между людьми⁴⁰. У Дж. Локка мы встречаем мысль о том, что публичный субъект как публичный организм формируется через волеизъявление большинства, подчиняющее меньшинство принятому решению⁴¹.

Важный вклад в концепцию общественного договора внес Ю. Хабермас, который развил коммуникативное понимание данной теории⁴². Основой социального единства данный исследователь считал коммуникацию, видение в других при общении равных себе. Такая консультационная практика формирует единое волеизъявление (договоренность), воплощаемое в народном суверенитете⁴³. Следовательно, общественный договор у данного философа выступает не только как способ обоснования существования публично-правовых институтов или даже как метод объяснения взаимодействия между государством и обществом, а как способ конституирования социума и формирования взаимосвязей внутри него. Существование относительных субъективных прав опосредует формируемые общественным договором относительные связи не только между публичными субъектами и частными лицами, но и публичных субъектов между собой и аналогично частных лиц между собой. Это предполагает наличие взаимосвязей между субъектами двоякого рода: как прямых, направленных на модификацию деятельности конкретного лица, так и отраженного характера, заключающих в себе претерпевание в юридической сфере неопределенного круга субъектов,

³⁵ Елистратов А. И. Основные начала административного права. С. 66–67.

³⁶ Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. 2-е изд. М. : Бр. Башмаковы, 1912. С. 136.

³⁷ Винницкий А. В. Учение о субъективных публичных правах: формирование, кризис и возрождение // Право и политика. 2018. № 12. С. 14–16.

³⁸ См.: Витрук Н. В. Указ. соч. С. 223–240 ; Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. С. 82.

³⁹ Аналогичное мнение см.: Сеницын С. А. Указ. соч. С. 552.

⁴⁰ Платон. Государство. М. : Русайнс, 2017. С. 49.

⁴¹ Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. С. 317–318.

⁴² Назарова Н. А. Эволюция концепции общественного договора как принципа взаимодействия государства и общества в XXI веке : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 45.

⁴³ Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. Изд. 2-е, стер. СПб. : Наука, 2008. С. 107–116, 187–188.

что коррелирует с субъективными публичными относительными⁴⁴ и абсолютными⁴⁵ правами соответственно. Относительные публичные права являются частью обязательств из общественного договора и направлены в первую очередь против определенного субъекта с осознанием лицом себя в качестве управомоченного (либо соответственно обязанного) и знанием содержания конкретного субъективного права, тогда как в отношении третьих лиц имеют косвенный, отраженный характер.

Особенностью субъективных публичных прав относительной природы является их частая производность от конституционных и общеправовых принципов, а также от абсолютных публичных прав. Например, из принципа равного доступа к государственной службе (ч. 4 ст. 32 Конституции РФ) после возникновения юридического состава (подача заявления, соблюдение формальных требований и т.д.) вытекает право требовать от государства соблюдения запрета дискриминации при приеме на государственную службу (ст. 19 Конституции РФ).

Но, несмотря на производность относительного публичного субъективного права от закрепленных в нормах принципов, такое право предполагает определение обязанного лица, к которому направлено соответствующее притязание управомоченного субъекта, и возможное применение к нему необходимых способов защиты⁴⁶. Это позволяет избежать декларативности публичных прав и способствует полноценной реализации концепции правового, социального государства, в котором гарантируется многообразие форм собственности, а права и свободы человека являются высшей ценностью (ст. 2, 7, 8, 17 и 18 Конституции РФ).

Заключение

Исходя из вышеизложенного (включая наряду с приведенными доктринальными взглядами на понимание субъективных прав, опытом обоснования существования публичных субъективных прав теорию общественного договора и т.п.), можно прийти к выводу о том, что относительные субъективные права являются не простой разновидностью субъективных прав, а правовой универсалией, скрепой общественных отношений, неким естественным воплощением отношений между конкретными лицами в праве.

В свою очередь, остальные виды субъективных прав (абсолютные субъективные права) следует рассматривать скорее как исключение, изобретение правовой системы, направленное на удовлетворение социальных потребностей, а не отражающее сущность общественных отношений.

Именно относительные субъективные права в структуре правовых связей выражают базовые естественные законы социального бытия, предполагающего по общему правилу, что всё со всем находится в корреляционной зависимости, а праву (интересу) одного лица должно соответствовать конкретное обязательное выполнение (реализация) со стороны другого лица, так же как и наоборот, что позволяет социальной системе в конечном итоге поступательно развиваться и функционировать.

⁴⁴ Например, право на получение жилья, пенсионного и социального обеспечения, субъективные процессуальные права.

⁴⁵ В частности, право на жизнь, свобода труда, личная свобода и неприкосновенность, свобода вероисповедания и другие «защитные» права.

⁴⁶ Например, праву на жилище корреспондирует обязанность государства или органов местного самоуправления предоставить жилое помещение, за неисполнение которой следует ответственность. См.: Кузнецов А. Н. Право граждан на жилище и конструкция «субъективные публичные права» // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 7. С. 116.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Восхождение к праву: Поиски и решения. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2002. — VI, 601 с.
2. *Алексеев С. С.* Общая теория права: Курс в 2 т. — М. : Юрид. лит. — Т. 2. — М. : Юрид. лит., 1982. — 359 с.
3. *Виндшейд Б.* Учебник пандектного права / сочинения проф. Гейдельберг. ун-та Виндшейда. — Т. 1 : Общая часть. — СПб. : Гьероглифов и Никифоров, 1874. — XIV, 358 с.
4. *Винницкий А. В.* Учение о субъективных публичных правах: формирование, кризис и возрождение // Право и политика. — 2018. — № 12. — С. 12–26.
5. *Витрук Н. В.* Общая теория правового положения личности. — М. : Норма, 2008. — 448 с.
6. *Гаврилов В. Н.* Категория субъективного права в отечественном правоведении : дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2006. — 157 с.
7. *Гасанов К. К.* Содержание принципа неотчуждаемости основных прав человека // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 3. — С. 134–137.
8. *Граф Р. В.* Место и роль права на возмещение государством вреда в системе конституционных прав и свобод // Вестник Поволжского института управления. — 2020. — Т. 20. — № 1. — С. 64–72.
9. *Елистратов А. И.* Основные начала административного права. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917. — 294 с.
10. *Елистратов А. И.* I. Понятие о публичном субъективном праве. II. «Теория субъективных публичных прав» А. А. Рождественского. — М. : Печ. А. Снегиревой, 1913. — 21 с.
11. *Кант И.* Основы метафизики нравственности; Критика практического разума; Метафизика нравов. — Изд. 3-е, стер. — СПб. : Наука, 2007. — 528 с.
12. *Кистяковский Б. А.* Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. — М. : М. и С. Сабашниковы, 1916. — IV, 704 с.
13. *Кокошкин Ф. Ф.* Лекции по общему государственному праву. — 2-е изд. — М. : Бр. Башмаковы, 1912. — 306 с.
14. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. — Изд. 8-е (без измен.). — СПб. : Н. К. Мартынов, 1909. — 354, X с.
15. *Кузнецов А. Н.* Право граждан на жилище и конструкция «субъективные публичные права» // Вестник Московского университета МВД России. — 2010. — № 7. — С. 114–119.
16. *Локк Дж.* Сочинения : в 3 т. Т. 3. — М. : Мысль, 1988.
17. *Матузов Н. И.* Актуальные проблемы теории права. — Саратов : Изд-во Саратов. гос. академии права, 2004. — 512 с.
18. *Матузов Н. И.* Правовая система и личность. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1987. — 293 с.
19. *Назарова Н. А.* Эволюция концепции общественного договора как принципа взаимодействия государства и общества в XXI веке : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — М., 2019. — 201 с.
20. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера. — М. : ИРИСЭН, 2008. — 422 с.
21. *Певзнер А. Г.* Понятие и виды гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1961. — 238 с.
22. *Петухова А. В.* Социологическая концепция права в России: историко-теоретический подход (XIX–XX в.) : дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2012. — 211 с.
23. *Платон.* Государство. — М. : Русайнс, 2017. — 323 с.
24. *Подмарев А. А.* Неограничиваемые (абсолютные) права и свободы человека и гражданина в Конституции РФ 1993 г. и международных актах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2019. — № 4 (84). — С. 69–75.
25. *Райхер В. К.* Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. — 2007. — № 2. — С. 144–204.

26. Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ / отв. ред. В. А. Лекторский. — М. : ИФ РАН, 2012. — 181 с.
27. Сеницын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. — М., 2017. — 604 с.
28. Третьяков С. В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. — М., 2022. — 495 с.
29. Трофимов В. В. Принцип взаимности как основное начало договорного права: теоретическое конструирование // Lex russica. — 2009. — № 6. — С. 1380–1399.
30. Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева ; под ред. Д. В. Скляднева. — Изд. 2-е, стер. — СПб. : Наука, 2008. — 415 с.
31. Шершеневич Г. Ф. Философия права. — Т. 1, вып. 3 : Часть теоретическая. — Вып. 3 : Общая теория права. — М. : Издание бр. Башмаковых, 1912.
32. Эртманн П. О структуре субъективных частных прав // Вестник гражданского права. — 2007. — № 3. — С. 217–241.
33. Hohfeld W. N. Fundamental legal conceptions as applied in judicial reasoning: and other legal essays. — New Haven : Yale University Press, 1920. — 114 p.
34. Pound R. Social control through law. — New Brunswick : Transaction Publishers, 1997. — XLIX, 138 p.

Материал поступил в редакцию 17 сентября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Voskhozhdenie k pravu: Poiski i resheniya. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma, 2002. — VI, 601 s.
2. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava: Kurs v 2 t. — M.: Yurid. lit. — T. 2. — M.: Yurid. lit., 1982. — 359 s.
3. Vindsheyd B. Uchebnik pandektnogo prava / sochineniya prof. Geydelberg. un-ta Vindsheyda. — T. 1: Obshchaya chast. — SPb.: Gieroglifov i Nikiforov, 1874. — XIV, 358 s.
4. Vinnitskiy A. V. Uchenie o subektivnykh publichnykh pravakh: formirovaniye, krizis i vrozozhdeniye // Pravo i politika. — 2018. — № 12. — S. 12–26.
5. Vitruk N. V. Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti. — M.: Norma, 2008. — 448 s.
6. Gavrilov V. N. Kategoriya subektivnogo prava v otechestvennom pravovedenii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Kazan, 2006. — 157 s.
7. Gasanov K. K. Soderzhanie printsipa neotchuzhdaemosti osnovnykh prav cheloveka // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2012. — № 3. — S. 134–137.
8. Graf R. V. Mesto i rol prava na vozmeshcheniye gosudarstvom vreda v sisteme konstitutsionnykh prav i svobod // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. — 2020. — T. 20. — № 1. — S. 64–72.
9. Elistratov A. I. Osnovnye nachala administrativnogo prava. — Izd. 2-e, ispr. i dop. — M.: Izdanie G. A. Lemana i S. I. Sakharova, 1917. — 294 s.
10. Elistratov A. I. I. Ponyatie o publichnom subektivnom prave. II. «Teoriya subektivnykh publichnykh prav» A. A. Rozhdestvenskogo. — M.: Pech. A. Snegirevoy, 1913. — 21 s.
11. Kant I. Osnovy metafiziki нравственности; Kritika prakticheskogo razuma; Metafizika нравов. — Izd. 3-e, ster. — SPb.: Nauka, 2007. — 528 s.
12. Kistyakovskiy B. A. Sotsialnye nauki i pravo: ocherki po metodologii sotsialnykh nauk i obshchey teorii prava. — M.: M. i S. Sabashnikov, 1916. — IV, 704 s.
13. Kokoshkin F. F. Lektsii po obshchemu gosudarstvennomu pravu. — 2-e izd. — M.: Br. Bashmakovy, 1912. — 306 s.

14. Korkunov N. M. Lektsii po obshchey teorii prava. — Izd. 8-e (bez izmen.). — SPb.: N. K. Martynov, 1909. — 354, X s.
15. Kuznetsov A. N. Pravo grazhdan na zhilishche i konstruktsiya «subektivnye publichnye prava» // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2010. — № 7. — S. 114–119.
16. Lokk Dzh. Sochineniya: v 3 t. T. 3. — M.: Mysl, 1988.
17. Matuzov N. I. Aktualnye problemy teorii prava. — Saratov: Izd-vo Sarat. gos. akademii prava, 2004. — 512 s.
18. Matuzov N. I. Pravovaya sistema i lichnost. — Saratov: Izdatelstvo Saratovskogo universiteta, 1987. — 293 s.
19. Nazarova N. A. Evolyutsiya kontseptsii obshchestvennogo dogovora kak printsipa vzaimodeystviya gosudarstva i obshchestva v XXI veke: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. — M., 2019. — 201 s.
20. Nozik R. Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya / per. s angl. B. Pinskera. — M.: IRISEN, 2008. — 422 s.
21. Pevzner A. G. Ponyatie i vidy grazhdanskikh prav: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1961. — 238 s.
22. Petukhova A. V. Sotsiologicheskaya kontseptsiya prava v Rossii: istoriko-teoreticheskii podkhod (XIX–XX v.): dis. ... kand. yurid. nauk. — N. Novgorod, 2012. — 211 s.
23. Platon. Gosudarstvo. — M.: Rusayns, 2017. — 323 s.
24. Podmarev A. A. Neogranichivaemye (absolyutnye) prava i svobody cheloveka i grazhdanina v Konstitutsii RF 1993 g. i mezhdunarodnykh aktakh // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. — 2019. — № 4 (84). — S. 69–75.
25. Raykher V. K. Absolyutnye i otnositelnye prava (k probleme deleniya khozyaystvennykh prav). V osobennosti primenitelno k sovetskomu pravu // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2007. — № 2. — S. 144–204.
26. Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskii analiz / otv. red. V. A. Lektorskiy. — M.: IF RAN, 2012. — 181 s.
27. Sinitsyn S. A. Obshchee uchenie ob absolyutnykh i otnositelnykh subektivnykh grazhdanskikh pravakh: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.03. — M., 2017. — 604 s.
28. Tretyakov S. V. Razvitie ucheniya o subektivnom chastnom prave v zarubezhnoy tsivilistike: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.03. — M., 2022. — 495 s.
29. Trofimov V. V. Printsip vzaimnosti kak osnovnoe nachalo dogovornogo prava: teoreticheskoe konstruirovaniye // Lex russica. — 2009. — № 6. — S. 1380–1399.
30. Khabermas Yu. Vovlechenie drugogo: ocherki politicheskoy teorii / per. s nem. Yu. S. Medvedeva; pod red. D. V. Sklyadneva. — Izd. 2-e, ster. — SPb.: Nauka, 2008. — 415 s.
31. Shershenevich G. F. Filosofiya prava. — T. 1, vyp. 3: Chast teoreticheskaya. — Vyp. 3: Obshchaya teoriya prava. — M.: Izdanie br. Bashmakovykh, 1912.
32. Ertmann P. O strukture subektivnykh chastnykh prav // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2007. — № 3. — S. 217–241.
33. Hohfeld W. N. Fundamental legal conceptions as applied in judicial reasoning: and other legal essays. — New Haven: Yale University Press, 1920. — 114 p.
34. Pound R. Social control through law. — New Brunswick: Transaction Publishers, 1997. — XLIX, 138 p.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.053-063

О. В. Брежнев*

Право граждан на организацию и проведение публичных мероприятий в решениях Конституционного Суда Российской Федерации

Аннотация. Конституционное право граждан на организацию и проведение публичных мероприятий: собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирования — является одним из средств взаимодействия общества и государства, прежде всего в политической сфере. В последние годы в федеральном законодательстве появилось много новелл, связанных с ограничением условий организации публичных мероприятий и усилением юридической ответственности за нарушение установленного порядка их проведения. Впоследствии многие из этих норм стали предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, были подвергнуты им конституционному истолкованию. В статье показано содержание правовых позиций Конституционного Суда РФ, касающихся юридической природы рассматриваемого права и допустимого порядка его реализации гражданами и общественными объединениями. Особое внимание уделено вопросам правового статуса организаторов и участников публичных мероприятий, полномочиям субъектов РФ в сфере регламентации осуществления данного права, специфике его судебной защиты. Раскрыта значимость сформулированных Конституционным Судом РФ правовых позиций, характер их воздействия на правотворческую и правоприменительную деятельность в исследуемой области.

Ключевые слова: конституционный контроль; орган; конституция; суд; права; ограничения; закон; решения; публичные мероприятия; правовые позиции.

Для цитирования: Брежнев О. В. Право граждан на организацию и проведение публичных мероприятий в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 53–63. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.053-063.

Благодарности. НИР в рамках государственного задания на 2025 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-20200033).

© Брежнев О. В., 2025

* Брежнев Олег Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства Юго-Западного государственного университета
Ленинские горы, д. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119991
obrezhnev@yandex.ru

The Right of Citizens to Organize and Hold Public Events in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation

Oleg V. Brezhnev, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Administrative Law, Law Institute, Moscow State University (MSU); Professor, Department of Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Court Procedures, South-West State University, Moscow, Russian Federation
obrezhnev@yandex.ru

Abstract. The constitutional right of citizens to organize and hold public events, such as meetings, rallies, demonstrations, marches, and picketing, serves as a vital mechanism for interaction between society and the State, particularly in the political sphere. In recent years, federal lawmakers have introduced numerous amendments aimed at imposing restrictions on the conditions for organizing public events and increasing legal accountability for violations of the established procedures regulating activities under consideration. Subsequently, many of these norms have been scrutinized by the Constitutional Court of the Russian Federation (the CC). The CC has subjected them to constitutional interpretation. The paper elucidates the content of the legal standings adopted by the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the legal nature of the right in question, as well as the permissible framework for its implementation by citizens and social associations. The paper highlights the legal status of organizers and participants of public events, the powers of the constituent entities of the Russian Federation in regulating the exercise of the right under consideration, and the peculiarities of judicial protection of this right. The paper explains the significance of the legal standings articulated by the Constitutional Court, particularly regarding their impact on legislative and law enforcement activities within the examined domain.

Keywords: constitutional review; authority; constitution; court; rights; limitations; law; rulings; public events; legal standings.

Cite as: Brezhnev OV. The Right of Citizens to Organize and Hold Public Events in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):53-63. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.053-063.

Acknowledgements. The Research was carried out within the framework of the state task for 2025 entitled «Transformation of Private and Public Law in the Context of Evolving Individuals, Society, and the State» (No. 0851-20200033).

Конституционное право на организацию и проведение публичных мероприятий: собраний, митингов, демонстраций, шествий, пикетирования — одно из важнейших в демократическом государстве политических прав граждан. Оно системным образом связано с иными правами, относящимися к данной группе: свободой мысли и слова, выражения мнений и убеждений, правами на участие в управлении делами государства, на объединение, на получение и распространение информации, и в известной степени обеспечивает их реализацию.

Данное право регламентировано статьей 31 Конституции РФ, а также частью 1 ст. 20 Все-

общей декларации прав человека, статьей 21 Международного пакта о гражданских и политических правах (в обоих этих международных актах оно именуется свободой мирных собраний). Порядок его осуществления урегулирован Федеральным законом от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»¹ (далее — Федеральный закон о публичных мероприятиях), иными нормативными правовыми актами РФ и субъектов РФ. Ответственность за нарушение установленного порядка организации либо проведения публичных мероприятий предусмотрена статьями 5.38, 20.2, 20.2.3, 20.18 КоАП РФ и статьей 212.1 УК РФ.

¹ СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

Различные аспекты содержания и порядка реализации конституционного права на организацию и проведение публичных мероприятий многократно рассматривались Конституционным Судом РФ в основном в связи с жалобами отдельных граждан. В решениях Суда сформулированы правовые позиции по имеющим общественную актуальность проблемам, затрагивающим существо этого права, допустимые его законодательные ограничения, ответственность за нарушение порядка его реализации и др.²

Прежде всего, отметим комплекс правовых позиций Конституционного Суда РФ (постановление от 14.02.2013 № 4-П³, определения от 02.04.2009 № 484-О-П, от 07.07.2016 № 1428-О, от 26.11.2018 № 3089-О и др.), касающихся *юридической природы рассматриваемого права и конституционно допустимого порядка его реализации гражданами и общественными объединениями*.

Конституционный Суд РФ отметил, что право на организацию и проведение публичных мероприятий обеспечивает одну из возможностей влияния общества на деятельность органов публичной власти, проводимую ими политику. Иными словами, оно является средством мирного диалога общества и власти по наиболее чувствительным проблемам, затрагивающим права и законные интересы большинства граждан, что соответствует провозглашенной в преамбуле Конституции РФ цели утверждения гражданского мира и согласия. Это, как указал Суд, не исключает роли публичных мероприятий как выражения общественного протеста: их целью может быть критика как отдельных решений и действий (бездействия) органов власти, так и проводимой государством политики в целом или ее отдельных направлений⁴.

Исходя из вышесказанного, отношение государства к инициативам о проведении публич-

ных мероприятий должно быть нейтральным, если они с очевидностью носят мирный характер. Задачей государственного реагирования на эти инициативы является исключительно создание условий, обеспечивающих организаторам мероприятия реализацию соответствующего права.

Таким образом, сама природа права на организацию и проведение публичных мероприятий предполагает органичное соединение индивидуальных и коллективных начал. Поэтому законодательно установленный порядок реализации этого права должен стремиться к обеспечению баланса публичных и частных интересов, что позволит сохранить его ценностное содержание — возможность отдельных лиц и их групп заявлять и отстаивать свое мнение, позицию, выдвигать инициативы по любым вопросам, волнующим общество. При этом государственному гарантированию и защите подлежит право лишь на мирные публичные мероприятия, т.е. те, участники которых собираются и заявляют свои требования к власти без оружия.

Конституционный Суд РФ указал, что право на организацию и проведение публичных мероприятий не является абсолютным и в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ может быть ограничено федеральным законом, но только пропорционально и соразмерно необходимости защиты конституционно значимых ценностей (основ конституционного строя РФ, прав и законных интересов других лиц, обеспечения безопасности государства и др.). При этом для ограничения могут использоваться различные правовые средства.

Характеризуя отношение государства к проведению публичных мероприятий, Конституционный Суд РФ отметил, с одной стороны, что *свобода мирных собраний предполагает прежде всего свободу от внешнего давления власти*

² О зарубежном опыте формулирования органами конституционного правосудия правовых позиций по этим вопросам см.: Урошлева А. С. О свободе собраний в пандемию: аргументы в решениях органов конституционного контроля на примерах Германии и США // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 4. С. 61–68.

³ СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 868.

⁴ См.: Ахеев В. Э. Конституционно-правовое регулирование права на публичные манифестации в РФ в контексте права на протест // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 63–68.

на организаторов такого мероприятия. Государственный контроль за данной сферой общественной активности не должен быть излишним. С другой стороны, если при проведении публичного мероприятия возникают нарушения (или реальные угрозы нарушения) общественного порядка и безопасности, государство не только вправе, но и обязано вмешаться и использовать все законные возможности для устранения таких нарушений и угроз.

Законодательное регулирование рассматриваемого права должно отражать его специфику. Последняя заключается, помимо прочего, и в том, что реализация права на организацию и проведение публичных мероприятий непосредственно затрагивает не только интересы их организаторов и участников, но и многих третьих лиц, зачастую не участвующих в подобном мероприятии и не разделяющих его цели. Поэтому установленный порядок проведения публичных мероприятий должен обеспечивать необходимый баланс прав всех, чьи интересы они затрагивают, ибо в силу ст. 2 Конституции РФ государство обязано в равной мере защищать права всех граждан, а не только какой-то их определенной группы.

Во многих обращениях в Конституционный Суд РФ заявители ставили вопрос о том, что предусмотренный Федеральным законом о публичных мероприятиях порядок их проведения, предполагающий заблаговременное направление организатором в орган исполнительной власти субъекта РФ или орган местного самоуправления уведомления о его проведении и необходимость его согласования с соответствующим органом, фактически носит *разрешительный характер*, что противоречит духу Конституции РФ⁵.

В этой связи следует обратить внимание на то, что формулировка статьи 31 Конституции РФ, регламентирующей рассматриваемое право,

отличается от той, которую содержала ранее действовавшая Конституция РФ в редакции от 21.04.1992 (ст. 49): последняя предусматривала, что граждане РФ вправе собираться мирно и без оружия, проводить митинги, уличные шествия, демонстрации и пикетирование *при условии предварительного уведомления властей*. В Конституции РФ 1993 г. подобное условие прямо не указано. Означает ли это, что порядок реализации права на организацию и проведение публичных мероприятий существенно изменился?

Конституционный Суд РФ в определении от 02.04.2009 № 484-О-П и других решениях сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой целью уведомления органа власти о проведении публичного мероприятия является доведение до него данных о месте и времени, форме проведения такого мероприятия, количестве его участников и персональном составе организаторов, что необходимо для обеспечения общественного порядка и безопасности в месте проведения мероприятия⁶.

Основания для отказа в согласовании поданного уведомления исчерпывающим образом перечислены в ч. 3 ст. 12 Федерального закона о публичных мероприятиях: если уведомление подано лицом, которое не вправе быть организатором публичного мероприятия, либо если предполагается проведение мероприятия в том месте, где это запрещено. Как указал Конституционный Суд РФ, данная норма не может толковаться расширительно.

По конституционно-правовому смыслу Федерального закона о публичных мероприятиях орган исполнительной власти субъекта РФ или орган местного самоуправления не вправе запретить или не разрешить конкретное публичное мероприятие. Но он может предложить организаторам изменить время и (или) место его проведения (п. 2 ч. 1 ст. 12 Федерального

⁵ См.: Бланкенагель А., Левин И. Остатки свободы собраний перед Конституционным Судом России. Комментарий к постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 года № 4-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5 (96). С. 106–112.

⁶ См.: Тарибо Е. В. Проблема реализации конституционного права собираться мирно, без оружия (комментарий к определению КС РФ от 2 апреля 2009 года № 484-О-П) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6 (12). С. 24–28.

закона о публичных мероприятиях). Причем данное предложение должно быть мотивированным, т.е. содержать веские доводы в пользу необходимости такого изменения (обеспечение работы транспорта, общественной безопасности и др.). Кроме того, органом власти организатору публичного мероприятия может быть внесено предложение об устранении несоответствия указанных в уведомлении целей, форм и иных условий его проведения требованиям Федерального закона о публичных мероприятиях.

Конституционный Суд РФ обратил особое внимание на то, что в силу многообразия жизненных обстоятельств федеральный законодатель вправе отказаться от исчерпывающего регламентирования причин внесения предложения об изменении времени и (или) места проведения публичного мероприятия. В то же время основаниями для подобного предложения не могут быть обстоятельства сугубо организационного характера, связанные с его удобством или неудобством с точки зрения деятельности органа власти.

Таким образом, согласование органом исполнительной власти субъекта РФ или органом местного самоуправления проведения публичного мероприятия предполагает в любом случае создание таким органом условий, которые позволили бы организатору мероприятия достигнуть своей цели. Соответствующая процедура ориентирована на поддержание взаимной коммуникативной связи общества и государства, достижение согласия между ними по конкретным вопросам, касающимся готовящегося публичного мероприятия. Необоснованный отказ или уклонение органа власти от согласования проведения публичного мероприятия могут быть оспорены в суде общей юрисдикции в порядке административного судопроизводства. С учетом сказанного, по логике Конституционного Суда РФ, отсутствуют конституционные основания для того, чтобы характеризовать действующий порядок проведения публичных мероприятий как разрешительный.

Определенные правовые позиции Конституционного Суда РФ *касаются конкретных*

элементов порядка согласования с органом власти проведения публичного мероприятия. В частности, предметом его рассмотрения неоднократно являлись нормы Федерального закона о публичных мероприятиях (п. 3 ч. 4 ст. 5, п. 5 ч. 3 ст. 7), *обязывающие организатора мероприятия указывать в уведомлении предполагаемое количество его участников и обеспечить соблюдение данного условия.* При неисполнении этого требования к организатору применялись меры административной ответственности (ст. 20.2 КоАП РФ).

Конституционный Суд РФ в постановлениях от 18.05.2012 № 12-П⁷ и от 14.02.2013 № 4-П отметил, что нахождение при проведении публичного мероприятия большого числа людей в одном месте само по себе создает определенные риски нарушения общественного порядка. Поэтому орган власти должен быть осведомлен о предполагаемом количестве участников. Это обуславливает объективную оценку им при рассмотрении уведомления организатора публичного мероприятия того, позволит ли предлагаемый выбор его места и времени избежать нарушений общественной безопасности. Поэтому само по себе возложение на организатора публичного мероприятия обязанности указать в уведомлении о его проведении предполагаемое число участников не противоречит Конституции РФ.

В то же время не является конституционно допустимым привлечение организатора публичного мероприятия к административной ответственности только по причине того, что в нем приняло участие большее число лиц, чем он предполагал, даже если при этом была превышена предельная норма заполняемости соответствующей территории.

Сходную позицию Конституционный Суд РФ сформулировал и применительно к *иной обязанности организатора публичного мероприятия — указать в уведомлении формы и методы обеспечения организатором общественного порядка, оказания медицинской помощи* (п. 6 ч. 3 ст. 7 Федерального закона о публичных мероприятиях). Не усматривая от-

⁷ СЗ РФ. 2012. № 22. Ст. 2921.

ступление от конституционных норм в самой указанной обязанности организатора, Суд отметил, что основной объем ответственности за обеспечение общественного порядка, оказание медицинской помощи на месте проведения публичного мероприятия возлагается на органы власти. Организатор вправе указать лишь те меры, которые он может реально осуществлять (информирование полиции, назначение уполномоченных представителей по данным вопросам и т.д.). Если орган власти считает предложенные меры недостаточными, он обязан направить организатору мероприятия свои предложения об их изменении.

Конституционный Суд РФ также рассматривал проблему *сроков подачи уведомлений о проведении публичных мероприятий* (постановление от 13.05.2014 № 14-П⁸). Согласно ч. 1 ст. 7 Федерального закона о публичных мероприятиях по общему правилу уведомление подается в срок не ранее 15 и не позднее 10 дней до дня проведения публичного мероприятия. Данное регулирование конституционно обусловлено. По мнению Суда, оно имеет целью гарантировать равные условия для всех потенциальных организаторов публичных мероприятий, исключив при этом возможность умышленных действий, направленных на воспрепятствование проведению мероприятия посредством заблаговременной подачи уведомления иными лицами о проведении мероприятия в том же месте и в то же время, а также создать необходимый временной промежуток для принятия органами власти мер по охране общественного порядка в соответствующем месте.

Впрочем, в течение долгого времени федеральное законодательство не учитывало то, что соответствующий период подачи уведомления может совпадать с длительным временным отрезком нерабочих дней (например, новогодними каникулами, как это имело место в деле заявителя в Конституционный Суд РФ), что, по

сути, в определенных ситуациях делало невозможным проведение мероприятия в указанный его инициаторами срок. Последнее обстоятельство имеет большое значение: организация мероприятия в какой-либо иной день иногда не способствует достижению его целей.

С учетом этого Конституционный Суд РФ признал часть 1 ст. 7 Федерального закона о публичных мероприятиях не соответствующей Конституции РФ, поскольку в ней отсутствовали юридические гарантии организации публичного мероприятия в указанный в уведомлении срок, если период его подачи совпадает с нерабочими днями. Правовая позиция Суда обусловила принятие Федерального закона от 02.05.2015 № 114-ФЗ⁹, которым в ч. 1 ст. 7 Федерального закона о публичных мероприятиях была внесена норма о том, что «если срок подачи уведомления о проведении публичного мероприятия полностью совпадает с нерабочими праздничными днями, уведомление может быть подано в последний рабочий день, предшествующий нерабочим праздничным дням».

Неоднократно предметом оценки Конституционного Суда РФ становились нормы Федерального закона о публичных мероприятиях, содержащие *различные запреты и правоограничения*¹⁰.

В постановлении от 14.02.2013 № 4-П Конституционный Суд РФ выявил конституционно-правовой смысл пункта 1.1 ч. 2 ст. 5 Федерального закона о публичных мероприятиях, согласно которому *не может быть организатором публичного мероприятия лицо, имеющее неснятую и непогашенную судимость за совершение определенных умышленных преступлений, а также два и более раза ранее привлекавшееся к административной ответственности за совершение административных правонарушений, посягающих на права граждан, общественный порядок, и некоторых иных*. Суд отметил, что, поскольку любое пуб-

⁸ СЗ РФ. 2014. № 21. Ст. 2764.

⁹ Федеральный закон от 02.05.2015 № 114-ФЗ «О внесении изменения в статью 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СЗ РФ. 2015. № 18. Ст. 2617.

¹⁰ См.: Шугрина Е. С. Новые правила организации и проведения публичных мероприятий: что скажет Конституционный Суд РФ? // Муниципальное право. 2012. № 3. С. 2–11.

личное мероприятие потенциально связано с рисками нарушения общественного порядка, к его организатору федеральным законом могут предъявляться ограничительные требования, предполагающие в том числе отсутствие у него судимости и административной «наказанности» за совершение некоторых правонарушений.

В данном случае речь идет не о повторном наказании, а об *особой мере административного принуждения обеспечительного характера*. Лицо, к которому применяется указанная мера, не лишается следующих прав: принимать участие в публичном мероприятии; выполнять функции уполномоченного представителя его организатора; обращаться к иным лицам и общественным объединениям с просьбами о проведении такого мероприятия. С учетом вышесказанного рассматриваемое ограничение было признано не противоречащим Конституции РФ¹¹.

В Конституционном Суде РФ оспаривалась конституционность комплекса норм Федерального закона о публичных мероприятиях (п. 11 ч. 4 ст. 5, п. 1 ч. 4 ст. 6, п. 2 и 3 ст. 16), которые содержат *запрет для участников публичного мероприятия скрывать свое лицо, в том числе использовать маски, средства маскировки, иные предметы, специально предназначенные для затруднения установления личности*, нарушение которого, помимо прочего, является основанием для прекращения мероприятия (определение от 07.07.2016 № 1428-О).

Конституционный Суд РФ указал, что данный запрет имеет профилактическое значение. Он препятствует появлению у участников публичного мероприятия чувства безнаказанности и тем самым снижает вероятность совершения ими правонарушений, обеспечивая возможность их идентификации. В то же время этот запрет не может распространяться на предметы и вещи, скрывающие лицо вследствие погодных условий или медицинских показаний. Равным образом он не препятствует нанесению на лица

участников публичного мероприятия рисунков, надписей, наклеиванию стикеров в качестве средства наглядной агитации.

В определении от 26.11.2018 № 3089-О Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию о том, что используемая участниками публичного мероприятия символика не может рассматриваться как запрещенная законодательством РФ исключительно по причине того, что она не соответствует целям этого мероприятия.

Значительное внимание Конституционный Суд РФ уделил особенностям проведения отдельных видов публичных мероприятий, в частности *пикетирования*. В постановлениях от 14.02.2013 № 4-П и от 17.05.2021 № 19-П¹² Суд отметил, что пикетирование представляет собой особую форму выражения общественного мнения путем размещения у пикетируемого объекта одного участника этого публичного мероприятия, как правило, использующего средства наглядной агитации. Пикетирование используется при необходимости безотлагательного (немедленного) реагирования на решения и действия органов публичной власти. Как таковое оно не создает препятствий для работы транспорта, не порождает угроз нарушения общественного порядка. Поэтому не противоречит Конституции РФ предусмотренный частью 1.1 ст. 7 Федерального закона о публичных мероприятиях порядок, не требующий подачи уведомления при одиночном пикетировании, за исключением случая использования быстро-возводимой сборно-разборной конструкции.

Таким образом, федеральный законодатель наделил граждан максимальными возможностями организации публичных мероприятий именно применительно к пикетированию. Это, в свою очередь, требует принятия и мер, исключающих потенциальное злоупотребление правом организации пикетов. С этой целью часть 1.1 ст. 7 Федерального закона о публичных мероприятиях предусматривает, помимо прочего, возможность признания в судебном порядке

¹¹ Критику данной правовой позиции Конституционного Суда РФ см.: Кондрашев А. А. Свобода собраний в России: системные дефекты законодательства и политико-правовая практика // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 5 (96). С. 35–36.

¹² СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3912.

совокупности пикетов, объединенных единым замыслом и общей организацией, коллективным публичным мероприятием, требующим уведомления властей. Однако, как установил Конституционный Суд РФ, эту норму не следует толковать расширительно: она касается только тех случаев, когда пикеты имеют единое организационное и управленческое начало, проходят одновременно, территориально тяготеют друг к другу, основаны на использовании общих требований и призывов, а также ассоциативно узнаваемых средств агитации. Проведение подобных пикетов может быть связано с рисками блокирования движения транспорта, дезорганизации работы коммунальных служб и др., чем обусловлено признание их одним мероприятием.

В то же время, как указал Конституционный Суд РФ, если акты пикетирования организуются одним лицом и осуществляются несколько дней посредством участия в них не более одного гражданина, то признать их единым мероприятием, требующим предварительного уведомления, нельзя: это чрезмерно ограничивало бы право на проведение таких публичных акций.

Конституционный Суд РФ неоднократно рассматривал вопросы конституционности *норм федерального законодательства, наделяющих субъекты РФ полномочиями по регламентации отдельных вопросов, связанных с проведением публичных мероприятий, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов РФ, принятых в порядке реализации положений Федерального закона о публичных мероприятиях*¹³ (постановления от 14.02.2013 № 4-П, от 01.11.2019 № 33-П¹⁴, от 04.06.2020 № 27-П¹⁵, определение от 22.04.2014 № 976-О и др.).

Часть 1.1 ст. 8 Федерального закона о публичных мероприятиях предусматривает полномочие органов исполнительной власти субъектов РФ определять специально отведенные места для проведения коллективных публичных акций. Проведение публичных мероприятий в

этих местах не требует предварительной подачи уведомления, если количество предполагаемых участников не превышает установленной законом субъекта РФ предельной численности лиц, участвующих в публичном мероприятии в этом месте (она не может быть менее 100 человек).

Оценивая данную норму, Конституционный Суд РФ указал, что пункт «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ относит к совместному ведению РФ и субъектов РФ защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности. Это предполагает возможность закрепления субъектами РФ дополнительных гарантий конституционных прав и свобод граждан, а также механизмов их реализации. Но при этом субъекты РФ не вправе своими решениями устанавливать ограничения и умалять содержание этих прав.

Наличие специально отведенных мест призвано обеспечить доступность и комфортность реализации права на публичные мероприятия, что не исключает их проведение и в иных местах. В то же время Федеральный закон о публичных мероприятиях не предусматривает никаких критериев, которые определяли бы минимальное количество специально отведенных мест в каждом муниципальном образовании, а также минимально допустимую их предельную наполняемость. Постановлением Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П соответствующие нормы в этой части признаны неконституционными как не отвечающие критерию правовой определенности и недопустимо расширяющие дискрецию органов исполнительной власти субъектов РФ. Одновременно Суд указал, что до принятия законодательных решений по этому вопросу специально отведенные места должны создаваться в каждом городском округе и муниципальном районе.

В соответствии с ч. 2.2 ст. 8 Федерального закона о публичных мероприятиях в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности, правопорядка, общественной

¹³ См.: Микитюк Ю. В. Реализация права на свободу мирных собраний в законодательстве субъектов Российской Федерации (компаративный анализ) // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 137–142.

¹⁴ СЗ РФ. 2019. № 45. Ст. 6407.

¹⁵ СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3851.

безопасности законом субъекта РФ дополнительно определяются места, в которых запрещается проведение публичных мероприятий.

Выявляя конституционно-правовой смысл данной нормы, Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что выбор органами власти субъекта РФ соответствующего места не может быть произвольным: оно должно обладать определенным набором объективно верифицируемых признаков, обуславливающих запрет проведения публичных мероприятий на этих территориях. Причем предпочтительно использование региональным законодателем «тонкого» правового инструментария, т.е. запрет на проведение мероприятий в данном месте должен быть ограничен конкретными обстоятельствами, затрагивающими конституционно защищаемые ценности (угроза общественному порядку, функционированию объектов жизнеобеспечения, социальной и транспортной инфраструктуры, связи и др.). И лишь в исключительных случаях может быть введен общий запрет на проведение публичных мероприятий в определенном месте. Однако для подобного решения должны быть веские доводы. Например, только тот факт, что речь идет о главной площади столицы (административного центра) субъекта РФ, на которой находятся здания его высших органов государственной власти (в постановлении от 01.11.2019 № 33-П Суд рассматривал запрет в Законе Республики Коми на проведение публичных мероприятий на Стефановской площади г. Сыктывкара), не является достаточным основанием для полного запрета проведения на ней каких-либо публичных мероприятий.

Принципиально важно, что законодатель субъекта РФ уполномочен лишь на определение конкретных мест, в которых запрещено проведение публичных мероприятий, но не на введение «абстрактных запретов, имеющих первичный, нормообразующий характер», что влекло бы дополнительные ограничения исследуемого права вопреки требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Рассматривая некоторые законы субъектов РФ (Республики Коми, Самарской области, г. Санкт-Петербурга), касающиеся проведения публичных мероприятий, Конституционный Суд РФ пришел к выводу о неконституционности их норм, которые расширяют федеральные запреты, устанавливая, например, недопустимость проведения публичных мероприятий в радиусе 50 м (или даже 150!) от входа в здания органов государственной власти, органов местного самоуправления, различных государственных учреждений. Тем самым создается непреодолимый барьер для организации подобных мероприятий вблизи органов власти, подведомственных им учреждений, что выходит за пределы законодательных полномочий субъектов РФ.

Отметим, что с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ Федеральный закон от 05.12.2022 № 498-ФЗ¹⁶ внес определенные коррективы в ч. 2.2 ст. 8 Федерального закона о публичных мероприятиях, уточнив критерии, которыми должен руководствоваться региональный законодатель, определяя перечень мест, в которых запрещается проведение публичных мероприятий.

Одновременно этим же актом на федеральном уровне закреплен безусловный запрет на проведение таких мероприятий в зданиях органов публичной власти, некоторых организаций (образовательных, медицинских, социальной защиты и др.), а также на территориях, непосредственно прилегающих к ним (ч. 2.1-1 ст. 8 Федерального закона о публичных мероприятиях). Данное законодательное решение формально не противоречит вышеуказанным правовым позициям Конституционного Суда РФ, т.к. они лишь препятствуют установлению этого запрета законами субъектов РФ. Но в то же время этот федеральный запрет в столь категоричной форме не соответствует вытекающему из конституционного толкования ценностному значению рассматриваемого права: во многих случаях он затрудняет достижение целей публичного мероприятия, особенно если оно связано с требованиями, предъявляемыми к власти.

¹⁶ Федеральный закон от 05.12.2022 № 498-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 50 (ч. III). Ст. 8792.

Конституционный Суд РФ сформулировал правовые позиции, касающиеся *судебной защиты права граждан на организацию и проведение публичных мероприятий*. Организатор мероприятия вправе в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 46 Конституции РФ, ст. 19 Федерального закона о публичных мероприятиях, гл. 22 КАС РФ обратиться с административным иском в суд общей юрисдикции, оспаривая решения, действия (бездействие) соответствующего органа власти, в который было направлено уведомление о мероприятии.

В постановлении от 18.06.2019 № 24-П¹⁷, определении от 02.04.2009 № 484-О-П Конституционный Суд РФ указал на то, что суды общей юрисдикции при рассмотрении данной категории дел обязаны, не ограничиваясь установлением лишь формальных условий применения соответствующих норм федерального законодательства, оценить законность и обоснованность замечаний (претензий), которые выдвинуты органом власти в адрес организатора публичного мероприятия, а также внесенных этим органом предложений. При этом судебная защита должна быть предоставлена в максимально короткие сроки до даты проведения планируемого публичного мероприятия, в противном случае она теряет бы всякий смысл. Отметим, что это требование учтено в КАС РФ (ч. 4 ст. 219, ч. 4 ст. 222, ч. 4 ст. 226, ч. 4 и 8 ст. 227).

Некоторые правовые позиции Конституционного Суда РФ касаются отдельных аспектов *административной и уголовной ответственности*

за нарушение порядка проведения публичных мероприятий (постановления от 14.02.2013 № 4-П и от 10.02.2017 № 2-П¹⁸, определение от 27.01.2020 № 7-О¹⁹). Основная проблема заключается в отсутствии сбалансированного подхода законодателя к решению данных вопросов: значительно ужесточая нормы об ответственности организаторов и участников публичных мероприятий (новые составы правонарушений, усиление наказаний, увеличение сроков давности привлечения и др.), он достаточно сдержанно подходит к ответственности должностных лиц за незаконное воспрепятствование организации либо проведению таких мероприятий.

В завершение отметим, что значимость рассмотренных правовых позиций Конституционного Суда РФ проявляется в ряде аспектов.

Во-первых, они устанавливают ориентиры для совершенствования законодательства о публичных мероприятиях, включая устранение неопределенности, противоречий, влекущих неоднозначное понимание норм.

Во-вторых, они формулируют критерии, позволяющие оценивать законность правоприменительной деятельности, связанной с реализацией данного права. К сожалению, эти критерии далеко не всегда учитываются правоохранительными и иными органами.

В-третьих, конституционное истолкование положений Федерального закона о публичных мероприятиях способствует повышению эффективности судебной и других форм защиты этого права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ахеев В. Э. Конституционно-правовое регулирование права на публичные манифестации в РФ в контексте права на протест // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 2. — С. 63–68.
2. Бланкенагель А., Левин И. Остатки свободы собраний перед Конституционным Судом России. Комментарий к постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 года № 4-П // Сравнительное конституционное обозрение. — 2013. — № 5 (96). — С. 106–112.
3. Кондрашев А. А. Свобода собраний в России: системные дефекты законодательства и политико-правовая практика // Сравнительное конституционное обозрение. — 2017. — № 5 (96). — С. 24–44.

¹⁷ СЗ РФ. 2019. № 25. Ст. 3316.

¹⁸ СЗ РФ. 2017. № 9. Ст. 1422.

¹⁹ СЗ РФ. 2020. № 5. Ст. 584.

4. Микитюк Ю. В. Реализация права на свободу мирных собраний в законодательстве субъектов Российской Федерации (компаративный анализ) // Общество и право. — 2018. — № 2 (64). — С. 137–142.
5. Тарибо Е. В. Проблема реализации конституционного права собираться мирно, без оружия (комментарий к определению КС РФ от 2 апреля 2009 года № 484-О-П) // Журнал конституционного правосудия. — 2009. — № 6 (12). — С. 24–28.
6. Урошлева А. С. О свободе собраний в пандемию: аргументы в решениях органов конституционного контроля на примерах Германии и США // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 4. — С. 61–68.
7. Шугрина Е. С. Новые правила организации и проведения публичных мероприятий: что скажет Конституционный Суд РФ? // Муниципальное право. — 2012. — № 3. — С. 2–11.

Материал поступил в редакцию 20 января 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akheev V. E. Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie prava na publichnye manifestatsii v RF v kontekste prava na protest // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2020. — № 2. — S. 63–68.
2. Blankenagel A., Levin I. Ostatki svobody sobraniy pered Konstitutsionnym Sudom Rossii. Kommentariy k postanovleniyu Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 14 fevralya 2013 goda № 4-P // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie. — 2013. — № 5 (96). — S. 106–112.
3. Kondrashev A. A. Svoboda sobraniy v Rossii: sistemnye defekty zakonodatelstva i politiko-pravovaya praktika // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie. — 2017. — № 5 (96). — S. 24–44.
4. Mikityuk Yu. V. Realizatsiya prava na svobodu mirnykh sobraniy v zakonodatelstve subektov Rossiyskoy Federatsii (komparativnyy analiz) // Obshchestvo i pravo. — 2018. — № 2 (64). — S. 137–142.
5. Taribo E. V. Problema realizatsii konstitutsionnogo prava sobiratsya mirno, bez oruzhiya (kommentariy k opredeleniyu KS RF ot 2 aprelya 2009 goda № 484-O-P) // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. — 2009. — № 6 (12). — S. 24–28.
6. Uroshleva A. S. O svobode sobraniy v pandemiyu: argumenty v resheniyakh organov konstitutsionnogo kontrolya na primerakh Germanii i SShA // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 4. — S. 61–68.
7. Shugrina E. S. Novye pravila organizatsii i provedeniya publichnykh meropriyatiy: chto skazhet Konstitutsionny Sud RF? // Munitsipalnoe pravo. — 2012. — № 3. — S. 2–11.

Легализация майнинга и криптобиржи в России: риски и пределы правового регулирования

Аннотация. Развитие технологий радикально меняет все сферы жизни человека, в том числе и финансовую. В результате появляются новые институты и модернизируются существующие. Экономические отношения всё больше перемещаются в цифровое пространство, что приводит к трансформации традиционных финансовых инструментов. Деньги утрачивают свои материальные формы выражения и регулирующие свойства, уступая место альтернативным инструментам в экономике. Санкции, введенные против России в последние годы, оказали значительное влияние на экономическую и финансовую системы страны. Одним из наиболее заметных последствий стало ускорение развития криптовалютного рынка. В статье рассматриваются вопросы легализации майнинга и криптобиржи в России. Работа посвящена изучению правового режима обращения криптовалют, определению места цифровых валют в правовой системе России и за рубежом, а также выявлению рисков, связанных с их обращением. Автор рассматривает особенности майнинга, правовые аспекты выпуска и обращения цифровых валют, а также правовые основы их использования в международных расчетах. Обращается внимание на пределы правового регулирования отношений в данной сфере. Анализируются текущее состояние и перспективы развития криптовалютной сферы в России, а также изучается роль Правительства РФ и ЦБ РФ в регулировании данной деятельности.

Ключевые слова: финансовая система; криптобиржа; криптовалюта; майнинг; пределы правового регулирования; финансовые правоотношения; финансовый рынок; публичная финансовая деятельность; экономическая безопасность; риски.

Для цитирования: Савина А. В. Легализация майнинга и криптобиржи в России: риски и пределы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 64–71. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.064-071.

© Савина А. В., 2025

* Савина Анна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, докторант кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Интернациональная ул., д. 33, г. Тамбов, Российская Федерация, 392000
anna.savina56@mail.ru

Legalization of Mining and Cryptocurrency Exchanges Work in Russia: Risks and Limits of Legal Regulation

Anna V. Savina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Institute of Law and National Security, Tambov State University named after G.P. Derzhavin; Doctoral Student, Department of Financial Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Tambov, Russian Federation
anna.savina56@mail.ru

Abstract. The development of technology is radically transforming all spheres of human life, including finance. As a result, new institutions are emerging, and existing ones are being modernized. Economic relations are increasingly shifting into the digital space, leading to transformation of traditional financial instruments. Money is losing its material forms and regulatory properties, giving way in the economy to alternative instruments. The sanctions imposed against Russia in recent years have significantly affected the country's economic and financial systems. One of the most notable consequences has been the accelerated development of the cryptocurrency market. The paper addresses the issues of legalizing mining and cryptocurrency exchanges in Russia. The study is dedicated to examining the legal regime governing the circulation of cryptocurrencies, determining the place of digital currencies within the legal system of Russia and abroad, and identifying the risks associated with their circulation. The author analyzes the peculiarities of mining, the legal aspects of issuance and circulation of digital currencies, as well as the legal foundations for their use in international settlements. Attention is drawn to the limitations of legal regulation concerning relations in this sphere. The paper evaluates the current state and development prospects of the cryptocurrency sector in Russia and explores the role of the Government of the Russian Federation and the Central Bank of Russia in regulating this activity.

Keywords: financial system; cryptocurrency exchange; cryptocurrency; mining; limits of legal regulation; financial legal relations; financial market; public financial activity; economic security; risks.

Cite as: Savina AV. Legalization of Mining and Cryptocurrency Exchanges Work in Russia: Risks and Limits of Legal Regulation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):64-71. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.064-071.

Развитие технологических процессов в мире так или иначе оказывает влияние на трансформацию многих групп общественных отношений. Государство, в свою очередь, сталкивается с необходимостью оперативного и гибкого реагирования на изменения, происходящие в обществе, его запросы в удовлетворении возникающих интересов и регулировании новых форм взаимодействия.

Существует справедливое мнение, что технологии развиваются не только быстрее, чем правовое регулирование, но и быстрее, чем человеческое воображение¹. Поэтому видится, что актуализация законодательства становится критически важной задачей, поскольку законы

должны отражать современные реалии и быть уместными в условиях быстрого развития технологий. Это требует регулярного пересмотра и обновления нормативных правовых актов, чтобы они соответствовали изменениям в обществе и экономике.

Но подходы к правовому регулированию определяются не только положительными обстоятельствами, в основе которых лежит, например, технологическое развитие государства, но и негативными факторами, создающими нагрузку на всю правовую систему страны, требующими быстрого и четкого реагирования.

Важным и, пожалуй, злободневным фактором настоящего времени для Российской Феде-

¹ Undheim K., Erikson T., Timmermans B. True uncertainty and ethical AI: regulatory sandboxes as a policy tool for moral imagination // *AI and Ethics*. 2023. Vol. 3. P. 997. URL: <https://doi.org/10.1007/s43681-022-00240-x> (дата обращения: 21.08.2024).

рации следует назвать экономические санкции коллективного Запада, нацеленные на подрыв ее экономики и глобальную изоляцию.

Ввиду того что многие экономические отношения между российскими и зарубежными компаниями были налажены до введения санкций и разрушения политических и экономических связей между РФ и рядом недружественных стран, за границу выводилось значительное количество активов, а иностранные компании активно вели экономическую деятельность в России.

В последнее время наблюдается тенденция стремительного роста активов российских организаций за границей. В открытых иностранных источниках приводятся статистические данные, согласно которым активы российских компаний за половину 2024 г. увеличились более чем на 40 млрд долл.², вместе с тем обозначая сложности их вывода в российскую валюту.

Центральный банк РФ указывает на то, что произошло усложнение цепочки международных расчетов, и ввиду угрозы вторичных санкций (в том числе в адрес государств — партнеров РФ) возникают проблемы с платежами при международных расчетах с иностранными государствами. Так, видится, что возникает значительная угроза некой блокировки России во внешнеэкономических расчетах вследствие последовательного ужесточения экономических санкций.

Министр финансов РФ, оценивая ситуацию относительно печати денег в России «в любых нужных количествах», как это делается в США, подчеркнул: «...доллар и евро имеют статус резервных валют, и многие другие страны хранят свои золотовалютные резервы в ценных бумагах США и ЕС. Рубль не является резервной валютой», указав на то, что «их государственные бумаги покупают по всему миру. У нас — нет»³.

Учеными не раз отмечалась необходимость создания альтернативы для расчетов российских компаний с иностранными партнерами, и с появлением криптовалюты возможность подобных расчетов появилась. Например, А. А. Ситник справедливо спрогнозировал, что «имеющийся запрос у субъектов внешнеэкономической деятельности рано или поздно приведет к легализации расчетов между резидентами и нерезидентами в цифровых (крипто-) валютах. В то же время это будет возможно только при условии обеспечения контроля (в первую очередь валютного контроля и финансового мониторинга) за соответствующими операциями. Цифровые (крипто-) валюты могут выступать в качестве эффективного инструмента для противодействия ограничительным мерам со стороны недружественных государств, но они же могут служить средством вывода капитала из России», и это нашло свое отражение. Вместе с тем названный ученый подчеркнул: «...на сегодня законодательство не допускает использование цифровых валют для расчетов по внешнеэкономическим контрактам. Тем не менее имеются свидетельства того, что российские лица прибегают к платежам в криптовалюту для обхода ограничительных мер, наложенных США и иными недружественными государствами»⁴.

А. Г. Силуанов заявил о подготовке предложений о легализации криптобиржи в России, включая появление законодательной инфраструктуры для внешних платежей криптовалютами и цифровыми финансовыми активами. Проект скоординированно готовится ЦБ РФ и Правительством РФ в лице Министерства финансов РФ, но есть значительное количество сложностей, которые в первую очередь заключаются в достижении договоренностей во избежание асимметрии правовых норм уже

² См., например: URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-08-14/russian-businesses-see-billions-stuck-abroad-on-payment-delays> (дата обращения: 20.08.2024).

³ URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38609-anton_siluanov_deneg_strane_khvatit (дата обращения: 20.08.2024).

⁴ Ситник А. А. Объекты валютных правоотношений в условиях противодействия ограничительным мерам, введенным со стороны недружественных государств // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 7. С. 71–72.

действующего и принимаемого в этой сфере законодательства.

Тем не менее нельзя оставить без внимания угрозы, которые не раз обозначались службой финансовой разведки Росфинмониторинга и связаны с тем, что легализация криптовалют может привести к легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Важным шагом к легализации криптовалют и криптобиржи в России стал Федеральный закон от 08.08.2024 № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵ (далее — Федеральный закон № 221-ФЗ), где официально разрешается майнинг для «добычи» криптовалюты, с помощью которой предлагается производить международные расчеты с зарубежными партнерами. Реализация этих процессов требует наличия отечественной криптобиржи, которая в первую очередь должна подпадать под государственное регулирование и контроль, не создавая угроз для экономической и политической безопасности страны.

Федеральный закон № 221-ФЗ затрагивает разные сферы: энергетическую, рекламную, сферу противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма и др. Например, предполагается ведение перечня адресов-идентификаторов, по которым предположительно (или действительно) могли осуществляться действия с цифровой валютой в противоправных целях. Такое регулирование способствует увеличению прозрачности и безопасности финансовых операций в цифровой среде.

Следует подчеркнуть, что риски развития криптоиндустрии в стране и использование

криптовалюты в противоправных целях длительное время обсуждались представителями государственной власти и ЦБ РФ.

В 2022 г. ЦБ РФ в своем докладе сформулировал список угроз, связанных с распространением криптовалют. Среди перечисленных обозначились угрозы мошенничества, высокой волатильности курса, вывод денежных средств граждан за периметр российского финансового сектора, взяточничество и др.⁶

И. И. Кучеров и Н. А. Поветкина, анализируя риски легализации криптовалют в России, пишут: «...с одной стороны, криптовалюта действительно обладает потенциалом привлечь новые инвестиции в экономику государств, однако при этом появление такого инструмента способно кратно повысить криминогенные риски при обеспечении экономической безопасности государств, проявляющиеся, в частности, в возможности использования ее в преступной деятельности и отсутствием надлежащего государственного контроля»⁷.

Федеральный закон № 221-ФЗ вносит ряд изменений в уже действующий Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон о ЦФА). Например, он включает в предмет регулирования операцию майнинга, майнинг-пул, а также дает определения соответствующих терминов⁸. Видится, что законодательство расширяет контуры регулирования, уделяет внимание сочетанию технологических и правовых основ, вводя собирательные понятия.

Положения Федерального закона № 221-ФЗ являются новыми для отечественного права,

⁵ СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4917.

⁶ Доклад Банка России «Криптовалюты: тренды, риски, меры» // URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf (дата обращения: 20.08.2024). С. 2.

⁷ Кучеров И. И., Поветкина Н. А. Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее : монография. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ ; Юриспруденция, 2022. С. 72.

⁸ Под майнингом законодатель предлагает понимать «деятельность по проведению математических вычислений путем эксплуатации технических и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему, использующую технологию, в том числе технологию распределенного реестра, имеющих целью выпуск цифровой валюты и (или) получение лицом, осуществляющим такую деятельность, вознаграждения в цифровой валюте за подтверждение записей в информационной системе».

расширяют терминологический аппарат и задают новые векторы научных дискуссий. В этой связи представляются интересными особенности расширения пределов правового регулирования публичной финансовой деятельности, осуществляемой Правительством РФ, ввиду легализации майнинга и связанных с ним операций в России.

Публичная финансовая деятельность среди множества целей имеет цель защиты финансового суверенитета страны, стабильности ее экономики, и важная роль в достижении названной цели принадлежит Правительству РФ. Примечательно, что полномочия Правительства РФ, закрепленные в ст. 114 Конституции РФ, в части, касающейся финансовых аспектов, сводятся к бюджетной деятельности, проведению финансовой, кредитной, денежной политики. Название ст. 19 Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»⁹ (далее — Закон о Правительстве РФ) составляет другое, близкое по значению словосочетание — «полномочия Правительства Российской Федерации в области бюджетной, финансовой и денежно-кредитной политики».

Пункт 2 ст. 1 Закона о Правительстве РФ устанавливает: «Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды».

Несмотря на то что статья 18 Закона о Правительстве РФ в п. 1 дает широкое, обобщенное определение полномочий Правительства РФ в сфере экономической деятельности («1) осуществляет в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, указами, распоряжениями и поручениями Пре-

зидента РФ регулирование экономических процессов»), а статья 19 этого же Закона предусматривает его полномочия в области бюджетной, финансовой и денежно-кредитной политики, где выделено отдельное полномочие — «принимает меры по регулированию рынка ценных бумаг», можно предположить, что регулирование криптовалютных отношений допускается в Законе о Правительстве РФ, хотя прямо в нем не закреплено.

Но следует понимать, что криптовалютная биржа и обращение цифровых валют, а также цифровых финансовых активов, несмотря на сходство с фондовым рынком, — это новый сложный и комплексный институт, требующий, на наш взгляд, императивного подхода в правовом регулировании и установления четких юридических рамок для всех субъектов этой деятельности, включая закрепление полномочий за соответствующими органами государственной власти.

Видится, что законодатель учитывает риски дестабилизации экономики и финансовой системы страны ввиду легализации криптобиржи, майнинга и иных операций, связанных с ним. В Федеральном законе № 221-ФЗ, вносящем изменения в ряд законов, и в частности в Федеральный закон о ЦФА, наблюдаются дискреционные полномочия¹⁰ Правительства РФ, позволяющие ему действовать по собственному усмотрению, а именно устанавливать правила, запреты, ограничения для участников майнинга и операций, связанных с обращением цифровой валюты. Поэтому целесообразно предложить дополнить Закон о Правительстве РФ положениями о полномочиях Правительства РФ в сфере цифровых инноваций и цифровых валют.

Думается, что тенденция увеличения дискреционных полномочий в области публичной финансовой деятельности ввиду появления новых комплексных институтов, сочетающих финансовую составляющую с технологиями, энергетикой, искусственным интеллектом и др., приобретает всё большие масштабы, поскольку

⁹ СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

¹⁰ См. подробнее: Савина А. В. Дозволение как способ правового регулирования бюджетных отношений : монография. М. : Юриспруденция, 2023. С. 78.

национальная валюта нашего государства требует особых мер защиты ввиду альтернативных легализуемых цифровых валют, признаки которых всё больше приобретают сходство с признаками денег.

У криптовалют нет единого центра эмиссии, а отсутствие единого эмиссионного центра в стране — децентрализация, устанавливающая независимость криптовалюты от государства или бизнеса, что создает серьезные риски ввиду того, что центробанк того или иного государства теряет контроль над данной сферой. Именно поэтому ряд стран не поддерживают идею внедрения цифровых валют в свою экономику.

Следует отметить, что аспект легализации криптобиржи в РФ представляет особый интерес в сфере исследования проблематики пределов правового регулирования публично-правовых отношений. Ввиду взаимосвязи всех социально-экономических процессов в государстве можно заметить и то, что история финансов делает новый виток.

Осуществление инноваций в области криптовалютных бирж требует установления системы юридического регулирования экономики, которая сочетает гибкий подход с контролем операций в различных секторах, таких как финансы и энергетика. Легализация процесса майнинга криптовалют и связанных с ним операций может стать катализатором для развития цифровой экономики и обеспечить защиту от экономических санкций.

Впрочем, очевидно, что государство подвергнет риску финансовую систему и основы государственной власти, если не установит четкие механизмы регулирования отношений в сфере криптовалют. Их отсутствие может привести к увеличению финансовых преступлений, отмыванию денег и уклонению от налогов, что, в свою очередь, нарушит доверие к финансовым институтам и может вызвать экономическую нестабильность. Таким образом, недостаток эффективного контроля над криптовалютными операциями может не только угрожать финансовой системе, но и подрывать основы государственного управления и общественного порядка.

Введение полномочий для Правительства РФ по установлению ограничений и утверждению правил является важным шагом для обеспечения эффективного регулирования криптовалютного сектора.

Федеральный закон о ЦФА дополняет полномочия Правительства РФ и иных компетентных органов, например, полномочием по установлению требований к майнинг-пулу, а также к лицу, организующему его деятельность. Предусматривается право уполномоченного органа (определяемого Правительством РФ) устанавливать запрет и (или) ограничения на совершение сделок с цифровой валютой. Функционал Правительства РФ расширяется также тем, что оно наделяется полномочием по установлению запретов на осуществление майнинга цифровой валюты (включая участие в майнинг-пуле) в отдельных субъектах РФ или на отдельных территориях.

Примечательно, что в Федеральном законе № 221 упоминается об экспериментальном характере майнинга цифровой валюты и иных связанных с ним операций нет. Усматривается некое дозволение осуществлять майнинг на всей территории страны, где определенные субъекты РФ или территории будут находиться под запретом для осуществления такой деятельности.

Интересен и тот факт, что согласно Федеральному закону от 08.08.2024 № 223-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹ функционал Банка России расширяется полномочием устанавливать экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций для осуществления операций с цифровыми валютами в рамках внешнеторговой деятельности, а также в целях проведения организованных торгов цифровой валютой.

Названный Федеральный закон вносит изменения в Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», где статья 4, регулирующая функции Банка России, дополняется пунктом 18.9, устанавливающим, что Банк

¹¹ СЗ РФ. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4919.

России выполняет функции уполномоченного органа и регулирующего органа по вопросам экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций на финансовом рынке.

Тем не менее, несмотря на расширение функционала ЦБ РФ, его решение об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций подлежит согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения, федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности и федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере финансовых рынков.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» расширяется перечнем правоотношений, связанных с угрозой стабильности финансового рынка Российской Федерации, экономической безопасности Российской Федерации, которые не могут быть предметом специального регулирования.

Представляется, что Банк России должен прогнозировать такие угрозы перед утверждением программы экспериментального правового режима. Однако сложность подобного прогнозирования может заключаться в том, что данная программа должна предусматривать особенности использования цифровой валюты в

качестве средства платежа по внешнеторговым договорам (контрактам), права и обязанности резидентов и нерезидентов при осуществлении ими валютных операций с цифровой валютой, а также права и обязанности органов и агентов валютного контроля.

Но в отсутствие актов, регулирующих указанные отношения в другом государстве, с которым предполагаются сделки с использованием криптовалюты, а также договоров, заключенных не между компаниями, а между государствами, вероятность рисков, угрожающих стабильности финансового рынка РФ и ее экономической безопасности, высока.

В целом установление полномочий для Правительства РФ и Банка России по регулированию криптовалютного сектора играет важную роль в обеспечении его устойчивого развития и защите интересов всех заинтересованных сторон.

Несмотря на расширение пределов их ограничительного и дозволистического функционала, распространяющегося на участников новой криптоинфраструктуры, с одной стороны, риски операций при майнинге и обращении цифровой валюты остаются невысокими (поскольку они имеют прямую зависимость от электроэнергии и предполагают прозрачность деятельности посредством введения соответствующего реестра), а с другой — осуществление международных операций при отсутствии международного сотрудничества и обмена информацией между странами может быть подвержено достаточно высоким рискам, так же как и экономическая безопасность государства в целом. В этой связи установление четких юридических рамок является важной мерой, направленной на создание безопасной и устойчивой правовой среды, защищающей экономические интересы граждан, бизнеса и государства в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Каку М. Физика будущего : пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2012. — 584 с.
2. Кучеров И. И., Поветкина Н. А. Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее : монография. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2022. — 272 с.

3. Савина А. В. Дозволение как способ правового регулирования бюджетных отношений : монография. — М. : Юриспруденция, 2023. — 160 с.
4. Ситник А. А. Объекты валютных правоотношений в условиях противодействия ограничительным мерам, введенным со стороны недружественных государств // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 7. — С. 65–72.
5. Undheim K., Erikson T., Timmermans B. True uncertainty and ethical AI: regulatory sandboxes as a policy tool for moral imagination // AI and Ethics. — 2023. — Vol. 3. — P. 997–1002. — URL: <https://doi.org/10.1007/s43681-022-00240> (дата обращения: 21.08.2024).

Материал поступил в редакцию 3 сентября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kaku M. Fizika budushchego: per. s angl. — M.: Alpina non-fikshn, 2012. — 584 s.
2. Kucherov I. I., Povetkina N. A. Tsifrovaya sushchnost finansovogo prava: proshloe, nastoyashchee, budushchee: monografiya. — M.: Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve RF, Yurisprudentsiya, 2022. — 272 s.
3. Savina A. V. Dozvolenie kak sposob pravovogo regulirovaniya byudzhethnykh otnosheniy: monografiya. — M.: Yurisprudentsiya, 2023. — 160 s.
4. Sitnik A. A. Obekty valyutnykh pravootnosheniy v usloviyakh protivodeystviya ogranichitel'nykh meram, vvedennym so storony nedruzhestvennykh gosudarstv // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2024. — № 7. — S. 65–72.
5. Undheim K., Erikson T., Timmermans B. True uncertainty and ethical AI: regulatory sandboxes as a policy tool for moral imagination // AI and Ethics. — 2023. — Vol. 3. — P. 997–1002. — URL: <https://doi.org/10.1007/s43681-022-00240> (data obrashcheniya: 21.08.2024).

Обеспечение прозрачности использования бюджетных инвестиций

Аннотация. В статье анализируется проблема неопределенности и размытости информации о предоставляемых и используемых бюджетных средствах, поступающих в уставные капиталы коммерческих организаций в форме бюджетных инвестиций. Проблема связана прежде всего с трудностями интерпретации хода и результата использования денежных средств, предоставленных юридическому лицу. Трудности вызваны тем, что при поступлении в уставный капитал денежные средства обезличиваются и превращаются в собственные средства организации. Собственные средства выражаются в такой экономической категории, как «собственный капитал». Он является прежде всего расчетной величиной: учитывается в ходе бухгалтерских процедур и отражается в формах бухгалтерской отчетности. Представляется, что междисциплинарный и межотраслевой анализ указанной проблемы в рамках подходов права и экономики позволит определить оптимальные методы формирования и интерпретации информации об использовании бюджетных инвестиций. Корректно формировать и верно интерпретировать информацию об использовании бюджетных инвестиций можно с помощью оформления и моделирования фактов хозяйственной жизни и показателей форм бухгалтерской отчетности с учетом потребностей заинтересованных пользователей информации.

Ключевые слова: бюджетные инвестиции; источник финансирования; уставный капитал; инвестиционный проект; право и экономика; бухгалтерский баланс; профессиональное суждение; оценка и аудит; финансовая отчетность; собственный капитал.

Для цитирования: Великий Д. Г. Обеспечение прозрачности использования бюджетных инвестиций // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 72–80. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.072-080.

Ensuring Transparency in Budgetary Investments

Denis G. Velikiy, Advocate, Moscow Central Branch of the Moscow Regional Bar Association,
Moscow, Russian Federation
7696@apmo.ru

Abstract. The paper analyzes the issues of uncertainty and ambiguity surrounding the information related to budgetary funds provided to and utilized by commercial organizations in the form of budget investments. This problem is primarily associated with the difficulties in interpreting the processes and outcomes of utilizing monetary resources allocated to a legal entity. These challenges arise because, after being included in the charter capital, these funds become anonymized and are transformed into the organization's own assets. Such assets are represented by the economic category known as equity capital. Equity capital is primarily a calculable figure that is recorded through accounting procedures and reflected in various forms of financial statements. The author opines that an

© Великий Д. Г., 2025

* Великий Денис Геннадьевич, адвокат Московского центрального филиала Московской областной коллегии адвокатов

Красная Пресня ул., д. 29, г. Москва, Российская Федерация, 123022
7696@apmo.ru

interdisciplinary and intersectoral analysis of this issue, framed within the perspectives of law and economics, may facilitate the identification of optimal methods for the formation and interpretation of information concerning utilization of budget investments. Accurate definition and appropriate interpretation of information regarding the use of budget investments can be achieved by structuring and modeling the facts of business activity and the indicators of financial statement formats, while considering the needs of stakeholders who use this information.

Keywords: budgetary investments; sources of financing; authorized capital; investment project; law and economics; balance sheet; professional judgment; valuation and audit; financial statements; equity capital.

Cite as: Velikiy DG. Ensuring Transparency in Budgetary Investments. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):72-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.072-080.

Согласно принципам Лимской декларации, «расширение экономической деятельности государства часто происходит в форме создания организаций на основе частного права». Коммерческие организации с государственным участием, созданные на основе частного права, должны быть объектами государственного аудита, применительно к которым целесообразно изучать вопросы эффективности, экономности и результативности их деятельности¹. Действие этих принципов прослеживается и в правовом регулировании отношений при использовании бюджетных инвестиций, предоставленных в уставные капиталы коммерческих организаций.

В настоящее время в условиях реформирования бухгалтерского учета и планомерного применения международных стандартов финансовой отчетности² наличие достоверной информации об использовании бюджетных инвестиций является достаточно актуальным. Бюджетные инвестиции в уставный капитал юридического лица представляют собой инвестируемые средства, прозрачность использования которых

обеспечивает понимание хода всего инвестиционного проекта и его действительных результатов. Заинтересованными пользователями информации об использовании бюджетных инвестиций могут являться органы управления коммерческой организации, органы контроля и аудита, иные лица, чьи права и интересы затрагиваются изменением финансового состояния организации.

В юридической литературе небезосновательно подчеркивается существенное значение бюджетных инвестиций прежде всего для социально-экономического развития и стабильности экономики государства³. Н. А. Поветкина обращает внимание на комплексность проблемы эффективности бюджетных расходов с экономической и правовой точек зрения, в том числе при реализации инвестиционных проектов, сообщает о необходимости проведения соответствующих правовых исследований⁴ и отмечает существование такого критерия «финансовой устойчивости» бюджета, как «эффективность бюджетных инвестиций»⁵.

¹ Лимская декларация руководящих принципов контроля, принята IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (Лима, 17–26 апреля 1977 г.) // URL: https://www.intosai.org/fileadmin/downloads/documents/open_access/INT_P_1_u_P_10/issai_1_ru.pdf (дата обращения: 05.12.2023).

² Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7344 ; постановление Правительства РФ от 25.02.2011 № 107 «Об утверждении Положения о признании Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности для применения на территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 10. Ст. 1385.

³ Бит-Шабо И. В. Бюджетные инвестиции как инструмент социально-экономического развития Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2023. № 2. С. 15, 20.

⁴ Поветкина Н. А. Эффективность расходования бюджетных средств: проблемы правовой квалификации // Финансовое право. 2015. № 3. С. 17, 19.

⁵ Поветкина Н. А. Финансовая устойчивость Российской Федерации: правовая доктрина и практика обеспечения : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 57.

Вместе с тем в Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг. бюджетные инвестиции указываются как менее эффективный вид бюджетных расходов по сравнению с механизмом предоставления субсидий⁶. С точки зрения государственных органов, предоставление и использование денежных средств в уставный капитал юридических лиц является недостаточно прозрачным и препятствует эффективности инвестиционной деятельности государства.

Контроль и эффективность бюджетных расходов не являются исключительным предметом исследования настоящей статьи, однако выводы ученых по этим вопросам помогают заострить внимание на проблеме интерпретации информации об использовании бюджетных инвестиций.

Е. Ю. Грачева справедливо отмечает сложности финансового контроля, связанные в том числе с вовлечением государства в проверки деятельности и «негосударственных коммерческих организаций»⁷. Д. Л. Комягин сообщает также об отсутствии возможности наблюдения «результата инвестиций» и сложностях соответствующего правового регулирования⁸.

А. Б. Золотарева утверждает, что контроль использования бюджетных инвестиций возможен путем участия в органах управления получающей инвестиции организации⁹. А. В. Майфат добавляет, что существующие нормы о бюджетных инвестициях в нынешнем виде требуют их согласования с гражданским законодательством ввиду того, что денежные средства бюджета, поступая в имущество организации, теряют свой

«целевой» характер, таким образом, помещая вопрос дальнейшего регулирования денежных отношений в рамки «корпоративных» механизмов¹⁰. Исследователи указывают на то, что после передачи государством денежных средств в уставный капитал юридического лица в дальнейшем контроль их использования возможен только в рамках прав акционера и полномочий органов юридического лица. Действительно, корпоративное управление является одним из основополагающих инструментов для целей контроля использования бюджетных инвестиций. Рекомендованный к применению Банком России Кодекс корпоративного управления определяет в качестве цели последнего в том числе сохранность средств, предоставленных акционерами, и эффективность использования этих средств¹¹. Разделяя выводы ученых, следует отметить, что контроль использования бюджетных инвестиций начинается на микроуровне экономической деятельности юридического лица, в том числе в рамках бухгалтерского учета.

Соглашаясь с О. А. Акопяном¹², отмечающим дискретный характер бюджетных инвестиций, следует добавить, что и в процессе использования бюджетных инвестиций в силу их «дискретности», т.е. динамичного, постоянного качественного и внутреннего количественного изменения, непросто увидеть в какой-то определенный момент эффект или результат денежных вложений. Поступая в уставный капитал организации, бюджетные инвестиции включаются в состав такой экономической категории, как «собственный капитал» организации. В процессе хозяйственной деятельности состав и объем

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 31.01.2019 № 117-р «Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах» // СЗ РФ. 2019. № 6. Ст. 542.

⁷ Грачева Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. М. : Юриспруденция, 2000. С. 111–112.

⁸ Комягин Д. Л. Бюджетные инвестиции: публичный расход или трансформация казны? // Реформы и право. 2014. № 4. С. 24.

⁹ Золотарева А. Б. Проблемы определения границ и организации системы государственного и муниципального финансового контроля // Современное право. 2008. № 12. С. 75.

¹⁰ Майфат А. В. Инвестирование: способы, риски, субъекты : монография. М. : Статут, 2020. С. 106–107.

¹¹ Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. 2014. № 40. С. 7.

¹² Акопян О. А. Правовое регулирование бюджетных инвестиций : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 59–60.

выражаемых в деньгах средств организации постоянно и динамично изменяются, и заинтересованные пользователи могут отследить величину капитала только через формы бухгалтерской отчетности. Эти характеристики капитала требуют более гибкого подхода при осуществлении контроля за его использованием.

Т. Я. Хабриева отмечает, что в контексте экономических процессов «при всей универсальности правовых инструментов их возможности не безграничны»¹³. О. В. Воронцов обращает внимание на необходимость проведения исследований межотраслевого характера и решения задач, связанных в том числе с вопросами использования бюджетных инвестиций¹⁴. Действительно, вопрос использования бюджетных инвестиций, предоставленных в уставный капитал коммерческих организаций, затрагивает разные отрасли права — финансовое и гражданское право, тесно связан с экономическими дисциплинами, с бухгалтерским учетом.

Бюджетные средства, поступая в организацию, увеличивают ее уставный капитал, и их учет в дальнейшем ведется в рамках бухгалтер-

ских процедур в общем порядке¹⁵. В научной литературе обоснованно утверждается высокое историческое и актуальное значение бухгалтерского учета как формы финансового контроля¹⁶. Е. М. Ашмарина иллюстрирует подход, при котором отмечается ключевое значение норм бухгалтерского учета, призванных в том числе точно извлечь необходимую пользователям информацию об объектах учета организации¹⁷. О. В. Тагашева считает действенным методом контроля анализ отчетной информации, в том числе о динамике вложения капитала¹⁸.

В 2013 г. БК РФ был дополнен статьей 266.1 «Объекты государственного (муниципального) финансового контроля»¹⁹, что позволило органам государственного (муниципального) контроля практически в полной мере реализовывать полномочия по проверке хозяйственных обществ как получателей средств из бюджета. Утверждаемые органами государственного (муниципального) контроля методические рекомендации проверки эффективности вложенных бюджетных средств в уставные капиталы в основном сосредоточены на коэффициентном

¹³ Хабриева Т. Я. Право и модернизация экономики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 1. С. 7.

¹⁴ Воронцов О. Г. Обеспечение целевого характера использования средств, предоставляемых хозяйственным обществам в рамках бюджетных инвестиций // Финансовое право. 2017. № 6. С. 36 ; Он же. Принципы бюджетной системы Российской Федерации: теоретико-правовые основы реализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 213–214.

¹⁵ Орлова О. Е. Учет бюджетных средств, увеличивающих уставный капитал юридических лиц // Строительство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2018. № 2. С. 31.

¹⁶ Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России : научно-популярная монография. М. : Элит, 2012. С. 20 ; Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы : монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева. 2-е изд., доп. М. : Норма : Инфра-М, 2014. С. 317 ; Арабули Д. Т. Правовые основы оценки эффективности хозяйственных обществ органами внешнего государственного (муниципального) финансового контроля // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 11. С. 33 ; Мигачев Ю. И., Муравьев И. А. Теоретико-правовые основы государственного контроля (административные и финансовые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3. С. 81.

¹⁷ Ашмарина Е. М. Правовое регулирование учета и экономическое право Российской Федерации // Государство и право. 2013. № 6. С. 62–63.

¹⁸ Тагашева О. В. Финансовый контроль в сфере рынка ценных бумаг (финансово-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 140.

¹⁹ Федеральный закон от 23.07.2013 № 252-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 31. Ст. 4191.

анализе данных²⁰, что, к сожалению, является малоинформативным для большинства заинтересованных пользователей информации. Кроме того, экономические показатели эффективности могут не давать достоверного представления о финансовом состоянии субъекта проверки²¹.

Результаты проверок органов государственного (муниципального) контроля позволяют нам увидеть основные направления, на которых сфокусировано внимание проверяющих: это выплата дивидендов и работа органов управления коммерческих организаций²². Вместе с тем практические вопросы проверки использования бюджетных инвестиций как формы финансирования в отчетах проверяющих подробно не раскрываются, вследствие чего нельзя заметить

механизм проверок использования денежных средств организаций.

Вопрос использования бюджетных инвестиций порождает различное толкование в судебной практике. Так, в длинной череде пересмотров дела выяснялся в том числе вопрос целевого использования средств бюджетных инвестиций на оплату труда работников получателя бюджетных инвестиций и услуг энергоснабжающих организаций, которые были задействованы при реализации инвестиционных проектов²³. Выраженные в этом деле правовые позиции демонстрируют разнородное понимание сущности бюджетных инвестиций и вопроса возможности их использования: с одной стороны, суды делают выводы о допущении расходов за счет

²⁰ Приказ председателя Контрольно-счетной палаты Московской области от 01.10.2019 № 40П-254 «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению проверки эффективности вложения бюджетных средств в уставные капиталы хозяйственных обществ» // URL: https://ksp.mosreg.ru/sites/default/files/file_with_title/40p-254m_0.pdf (дата обращения: 18.12.2023).

²¹ Представление Счетной палаты РФ от 09.12.2015 № ПР 02-255/02/1-03 «О результатах контрольного мероприятия “Проверка целевого и эффективного использования средств федерального бюджета, выделенных на создание территориально обособленного инновационного центра ‘И’ в 2012–2013 годах” в Министерстве связи и массовых коммуникаций РФ» (здесь и далее в статье, если не указано иное, документы органов государственного (муниципального) контроля и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»); представление Счетной палаты РФ от 30.05.2014 № ПР 10-163/10-03 «О результатах контрольного мероприятия “Проверка исполнения Федерального закона ‘О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов’ и бюджетной отчетности об исполнении федерального бюджета за 2013 год в Федеральном агентстве железнодорожного транспорта”»; постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.02.2022 № 20АП-8207/2021 по делу № А23-9070/2019.

²² Отчет о деятельности Контрольно-счетной палаты Москвы в 2017 году, итогах проведенных контрольных и экспертно-аналитических мероприятий // URL: http://ksp.mos.ru/activity/annual_report/ (дата обращения: 18.12.2023); Штерн С. М. Осуществление внешнего бюджетного контроля за хозяйственными товариществами и обществами с долей участия региона в субъектах Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 4. С. 36.

²³ Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 10.04.2019 по делу № А73-228/2019; постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 28.06.2019 № 06АП-2852/2019 по делу № А73-228/2019; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 06.12.2019 № Ф03-4228/2019 по делу № А73-228/2019; решение Арбитражного суда Хабаровского края от 09.09.2020 по делу № А73-228/2019; постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 03.12.2020 № 06АП-5554/2020 по делу № А73-228/2019; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30.06.2021 № Ф03-677/2021 по делу № А73-228/2019; определение Верховного Суда РФ от 21.09.2021 № 303-ЭС21-16123 по делу № А73-228/2019; постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 11.07.2022 № 06АП-3973/2021 по делу № А73-228/2019; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 07.12.2022 № Ф03-4867/2022 по делу № А73-228/2019; определение Верховного Суда РФ от 29.03.2023 № 303-ЭС21-16123 по делу № А73-228/2019.

бюджетных инвестиций на любые обязательства при необходимости их участия в реализации инвестиционного проекта; с другой стороны, ограничивают виды расходов формулировками, указанными в соответствующих договорах о предоставлении бюджетных инвестиций.

Кроме того, следует отметить подходы судов и по другим вопросам квалификации бюджетных инвестиций. Суды делают выводы о бюджетных инвестициях, поступивших в уставный капитал, как об обособленных денежных средствах в капитале организации²⁴. Чаще всего это касается обстоятельств необходимости ведения раздельного учета бюджетных инвестиций в целях предъявления к вычету сумм налога на добавленную стоимость. Помимо этого, суды трактуют предоставленные бюджетные инвестиции не как капитал коммерческой организации, а как целевые денежные средства, используемые в рамках договора гражданско-правового характера²⁵. В целом разнообразие подходов судебной практики также демонстрирует необходимость применения междисциплинарного и межотраслевого анализа вопросов использования бюджетных инвестиций.

С целью интерпретации определенной информации о капитале организации, в состав которого включатся бюджетные инвестиции, следует обратить внимание на одну из основных категорий в области бухгалтерского учета — «факт хозяйственной жизни». Известный ученый-экономист Я. В. Соколов выделял, что отправной точкой и «основным понятием бухгалтерского учета» является факт хозяйственной жизни²⁶. Согласно законодательному опреде-

лению он представляет собой сделку, событие, операцию, которые оказывают или способны оказать влияние на финансовое положение экономического субъекта, финансовый результат его деятельности и (или) движение денежных средств²⁷.

В процессе протекания фактов хозяйственной жизни, поступая в уставный капитал организации, бюджетные инвестиции включаются в состав собственного капитала организации. Капитал в процессе хозяйственной деятельности постоянно трансформируется, находя свое выражение только в виде цифровой величины в бухгалтерском балансе. Бухгалтерский баланс, являясь частью бухгалтерской отчетности, уравновешивает активы и пассивы хозяйствующего субъекта и показывает финансовое положение организации только в определенный момент²⁸. Являясь итоговым накопительным документом фактов хозяйственной жизни организации, бухгалтерский баланс формируется на основе необходимых учетных процедур и с применением профессионального суждения работников организации²⁹.

То, оказывает ли факт хозяйственной жизни влияние на финансово-хозяйственную деятельность, определяет работник организации, как правило, бухгалтер. Особенности понимания бухгалтерами экономического смысла использования бюджетных инвестиций и обязательственных отношений, связанных с их использованием, влияют в итоге на общее представление о хозяйственной деятельности и финансовом состоянии организации. Процесс формирования данных протекает в условиях постоянно

²⁴ Определения Верховного Суда РФ от 29.05.2017 № 307-КГ17-5837 по делу № А56-12176/2016, от 14.04.2022 № 308-ЭС22-3719 по делу № А61-4017/2020.

²⁵ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 30.11.2021 № 07АП-4565/18(10) по делу № А45-14384/2017 ; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 07.12.2022 № Ф03-4867/2022 по делу № А73-228/2019.

²⁶ Соколов Я. В. Бухгалтерский учет как сумма фактов хозяйственной жизни : учеб. пособие. М. : Магистр; Инфра-М, 2010. С. 7, 11.

²⁷ П. 8 ст. 3 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7344.

²⁸ Соколов Я. В. Указ. соч. С. 13–14.

²⁹ Соколов Я. В., Терентьева Т. О. Профессиональное суждение бухгалтера: итоги минувшего века // Бухгалтерский учет. 2001. № 12. С. 53–54, 57.

возрастающей неопределенности. Задача бухгалтера — снизить возможные негативные риски последствий принимаемых заинтересованными пользователями решений³⁰. При этом отражаемый бухгалтером в конкретный момент факт хозяйственной жизни сам по себе не несет необходимой информации. Наиболее ценным является анализ информации о происхождении этого факта хозяйственной жизни и о том, в какие факты хозяйственной жизни и для каких целей он будет преобразован³¹. Представляется, что наиболее важными будут данные о стоимости имущества (активов) до и после реализации инвестиционного проекта, и задача бухгалтера — сформировать данные таким образом, чтобы более точно отобразить все факты и обстоятельства, влияющие на принимаемые пользователями решения. Способами выполнения этой задачи могут быть: оформление фактов хозяйственной жизни с учетом имеющих экономический смысл вещных и обязательственных отношений организации, получившей бюджетные инвестиции; моделирование фактов хозяйственной жизни и показателей форм бухгалтерской отчетности в соответствии с индивидуально разработанной учетной политикой и потребностями заинтересованных пользователей.

Корректное суждение бухгалтера с учетом анализа существующих обязательственных и вещных отношений получателя средств бюджетных инвестиций, в том числе при необходимости выработанное с использованием экспертного мнения привлеченного специалиста³², позволит заинтересованным пользователям верно интерпретировать информацию об использо-

вании бюджетных инвестиций и в дальнейшем принимать более рациональные решения.

Помимо профессионального суждения бухгалтера, не менее существенным является понимание самими пользователями смысла сформированной информации³³. Пользователи воспринимают и интерпретируют информацию исходя из собственного понимания определенных категорий учета, существа обязательств и существенности тех или иных фактов. Таким образом, потребности пользователей могут быть удовлетворены только при корреляции их запросов с информацией, формируемой в процессе учета бюджетных инвестиций.

Необходимо отметить, что экономические постулаты, выводы о капитале и его использовании на протяжении сотен лет и в настоящее время в условиях развития Международных стандартов финансовой отчетности, стандартов оценки и аудита выступают постоянным предметом изучения. Междисциплинарные и межотраслевые исследования позволяют определить оптимальные методы формирования и интерпретации информации об использовании бюджетных инвестиций. Несмотря на различия в экономических и юридических подходах к вопросам имущества, финансового результата и многим другим, взаимосвязь между направлениями исследований в этих смежных дисциплинах существенна и требует совместной работы в области права и экономики. Ход и результат использования бюджетных инвестиций могут быть верно отражены и интерпретированы в экономико-правовых реалиях коммерческой организации и не должны выражаться только в составе цифровой величины отчетной документации и уставного капитала.

³⁰ Соколов Я. В. Указ. соч. С. 15.

³¹ Соколов Я. В. Указ. соч. С. 15.

³² Рекомендация Р-96/2018-КпР «Профессиональное суждение» // Бухгалтерский методологический центр. URL: http://www.bmcenter.ru/Files/R-KpR-Prof Sugdeniye_buhgaltera (дата обращения: 03.09.2024).

³³ Пятов М. Л. Логико-философские основания бухгалтерского баланса // Аудиторские ведомости. 2016. № 3. С. 40–41; Хендриксен Э. С., Ван Бреда М. Ф. Теория бухгалтерского учета : пер. с англ. / под ред. проф. Я. В. Соколова. М. : Финансы и статистика, 2000. С. 19.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акопян О. А. Правовое регулирование бюджетных инвестиций : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 175 с.
2. Арабули Д. Т. Правовые основы оценки эффективности хозяйственных обществ органами внешнего государственного (муниципального) финансового контроля // Государственная власть и местное самоуправление. — 2021. — № 11. — С. 31–35.
3. Ашмарина Е. М. Правовое регулирование учета и экономическое право Российской Федерации // Государство и право. — 2013. — № 6. — С. 60–67.
4. Бит-Шабо И. В. Бюджетные инвестиции как инструмент социально-экономического развития Российской Федерации // Безопасность бизнеса. — 2023. — № 2. — С. 15–20.
5. Воронцов О. Г. Обеспечение целевого характера использования средств, предоставляемых хозяйственным обществам в рамках бюджетных инвестиций // Финансовое право. — 2017. — № 6. — С. 32–36.
6. Воронцов О. Г. Принципы бюджетной системы Российской Федерации: теоретико-правовые основы реализации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 288 с.
7. Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России : научно-популярная монография. — М. : Элит, 2012. — 296 с.
8. Грачева Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. — М. : Юриспруденция, 2000. — 192 с.
9. Золотарева А. Б. Проблемы определения границ и организации системы государственного и муниципального финансового контроля // Современное право. — 2008. — № 12. — С. 73–79.
10. Комягин Д. Л. Бюджетные инвестиции: публичный расход или трансформация казны? // Реформы и право. — 2014. — № 4. — С. 20–24.
11. Майфат А. В. Инвестирование: способы, риски, субъекты : монография. — М. : Статут, 2020. — 176 с.
12. Мигачев Ю. И., Муравьев И. А. Теоретико-правовые основы государственного контроля (административные и финансовые аспекты) // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 3. — С. 79–86.
13. Орлова О. Е. Учет бюджетных средств, увеличивающих уставный капитал юридических лиц // Строительство: бухгалтерский учет и налогообложение. — 2018. — № 2. — С. 27–35.
14. Поветкина Н. А. Финансовая устойчивость Российской Федерации: правовая доктрина и практика обеспечения : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2016. — 459 с.
15. Поветкина Н. А. Эффективность расходования бюджетных средств: проблемы правовой квалификации // Финансовое право. — 2015. — № 3. — С. 16–22.
16. Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы : монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева. — 2-е изд., доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2014. — 384 с.
17. Пятов М. Л. Логико-философские основания бухгалтерского баланса // Аудиторские ведомости. — 2016. — № 3. — С. 38–59.
18. Соколов Я. В. Бухгалтерский учет как сумма фактов хозяйственной жизни : учеб. пособие. — М. : Магистр; Инфра-М, 2010. — 224 с.
19. Соколов Я. В., Терентьева Т. О. Профессиональное суждение бухгалтера: итоги минувшего века // Бухгалтерский учет. — 2001. — № 12. — С. 53–57.
20. Тагашева О. В. Финансовый контроль в сфере рынка ценных бумаг (финансово-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2009. — 227 с.
21. Хабриева Т. Я. Право и модернизация экономики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2010. — № 1. — С. 4–8.
22. Хендриксен Э. С., Ван Бреда М. Ф. Теория бухгалтерского учета : пер. с англ. / под ред. проф. Я. В. Соколова. — М. : Финансы и статистика, 2000. — 576 с.
23. Штерн С. М. Осуществление внешнего бюджетного контроля за хозяйственными товариществами и обществами с долей участия региона в субъектах Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 4. — С. 32–41.

Материал поступил в редакцию 21 сентября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akopyan O. A. Pravovoe regulirovanie byudzhetnykh investitsiy: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2009. — 175 s.
2. Arabuli D. T. Pravovye osnovy otsenki effektivnosti khozyaystvennykh obshchestv organami vneshnego gosudarstvennogo (munitsipalnogo) finansovogo kontrolya // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie. — 2021. — № 11. — S. 31–35.
3. Ashmarina E. M. Pravovoe regulirovanie ucheta i ekonomicheskoe pravo Rossiyskoy Federatsii // Gosudarstvo i pravo. — 2013. — № 6. — S. 60–67.
4. Bit-Shabo I. V. Byudzhetye investitsii kak instrument sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii // Bezopasnost biznesa. — 2023. — № 2. — S. 15–20.
5. Vorontsov O. G. Obespechenie tselevogo kharaktera ispolzovaniya sredstv, predostavlyaemykh khozyaystvennym obshchestvam v ramkakh byudzhetnykh investitsiy // Finansovoe pravo. — 2017. — № 6. — S. 32–36.
6. Vorontsov O. G. Printsipy byudzhetnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii: teoretiko-pravovye osnovy realizatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2019. — 288 s.
7. Gorbunova O. N. Finansovoe pravo i finansovyy monitoring v sovremennoy Rossii: nauchno-populyarnaya monografiya. — M.: Elit, 2012. — 296 s.
8. Gracheva E. Yu. Problemy pravovogo regulirovaniya gosudarstvennogo finansovogo kontrolya. — M.: Yurisprudentsiya, 2000. — 192 s.
9. Zolotareva A. B. Problemy opredeleniya granits i organizatsii sistemy gosudarstvennogo i munitsipalnogo finansovogo kontrolya // Sovremennoe pravo. — 2008. — № 12. — S. 73–79.
10. Komyagin D. L. Byudzhetye investitsii: publichnyy raskhod ili transformatsiya kazny? // Reformy i pravo. — 2014. — № 4. — S. 20–24.
11. Mayfat A. V. Investirovanie: sposoby, riski, subekty: monografiya. — M.: Statut, 2020. — 176 s.
12. Migachev Yu. I., Muravev I. A. Teoretiko-pravovye osnovy gosudarstvennogo kontrolya (administrativnye i finansovye aspekty) // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2017. — № 3. — S. 79–86.
13. Orlova O. E. Uchet byudzhetnykh sredstv, uvelichivayushchikh ustavnyy kapital yuridicheskikh lits // Stroitelstvo: bukhgalterskiy uchet i nalogoblozhenie. — 2018. — № 2. — S. 27–35.
14. Povetkina N. A. Finansovaya ustoychivost Rossiyskoy Federatsii: pravovaya doktrina i praktika obespecheniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2016. — 459 s.
15. Povetkina N. A. Effektivnost raskhodovaniya byudzhetnykh sredstv: problemy pravovoy kvalifikatsii // Finansovoe pravo. — 2015. — № 3. — S. 16–22.
16. Pravovoe regulirovanie finansovogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii: problemy i perspektivy: monografiya / otv. red. E. Yu. Gracheva. — 2-e izd., dop. — M.: Norma: Infra-M, 2014. — 384 s.
17. Pyatov M. L. Logiko-filosofskie osnovaniya bukhgalterskogo balansa // Auditorskie vedomosti. — 2016. — № 3. — S. 38–59.
18. Sokolov Ya. V. Bukhgalterskiy uchet kak summa faktov khozyaystvennoy zhizni: ucheb. posobie. — M.: Magistr; Infra-M, 2010. — 224 s.
19. Sokolov Ya. V., Terenteva T. O. Professionalnoe suzhdenie bukhgaltera: itogi minuvshogo veka // Bukhgalterskiy uchet. — 2001. — № 12. — S. 53–57.
20. Tagasheva O. V. Finansovyy kontrol v sfere rynka tsennykh bumag (finansovo-pravovoy aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2009. — 227 s.
21. Khabrieva T. Ya. Pravo i modernizatsiya ekonomiki // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya. — 2010. — № 1. — S. 4–8.
22. Khendriksen E. S., Van Breda M. F. Teoriya bukhgalterskogo ucheta: per. s angl. / pod red. prof. Ya. V. Sokolova. — M.: Finansy i statistika, 2000. — 576 s.
23. Shtern S. M. Osushchestvlenie vneshnego byudzhetnogo kontrolya za khozyaystvennymi tovarishchestvami i obshchestvami s doley uchastiya regiona v subektakh Rossiyskoy Federatsii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2024. — № 4. — S. 32–41.

Категории злоупотребления правом и противоречивого поведения в контексте диффамационных споров

Аннотация. В последние 20 лет в российском праве наблюдается явное усиление официальной опоры судов на философские концепты, особое место среди которых занимает добрая совесть. Одно из наиболее любопытных для исследования проявлений недобросовестности — злоупотребление правом. Тесно связано с добросовестностью также иное этическое юридическое понятие — противоречивое поведение (оно порочно именно в недобросовестном варианте). Комплексный анализ диффамации и судебной защиты от нее через призму указанных терминов до сего времени в отечественной цивилистике не проводился. В работе оценивается значение для диффамационного права очерченных категорий, а также определяется соотношение диффамации с обозначаемыми ими явлениями. Отождествление злоупотребления правом с диффамацией или понимание их как категорий рода и вида соответственно ошибочно. В ракурсе теории права данные понятия не пересекаются. Диффамация есть деликт и не должна квалифицироваться как акт злоупотребления правом (в частности, шиканы), ибо последний предполагает формально юридически безупречную реализацию права, порочную искажением его назначения и вредоносностью. Однако составлять злоупотребление правом может выражение субъективного мнения. Если исходить из классического понимания противоречивого поведения как череды правомерных, но непоследовательных действий, наносящих кому-либо вред, диффамация, будучи деянием неправомерным, категорией противоречивого поведения не охватывается. Между тем в судебной практике периодически обсуждается несогласованность позиций истцов по диффамационным спорам и алогичное процессуальное поведение спорщиков о диффамации.

Ключевые слова: злоупотребление правом; противоречивое поведение; добросовестность; шикана; диффамация; честь; достоинство; деловая репутация; деликт; свобода слова.

Для цитирования: Парыгина Н. Н. Категории злоупотребления правом и противоречивого поведения в контексте диффамационных споров // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 81–90. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.081-090.

© Парыгина Н. Н., 2025

* Парыгина Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского
пр. Мира, д. 55а, г. Омск, Российская Федерация, 644077
np-line@mail.ru

Categories of Abuse of the Right and Inconsistent Behavior in the Context of Defamation Disputes

Natalya N. Parygina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law,
Omsk State University named after F.M. Dostoevskiy, Omsk, Russian Federation
np-line@mail.ru

Abstract. Over the past two decades, there has been a noticeable strengthening of the official reliance of Russian courts on philosophical concepts, among which the notion of good faith occupies a prominent position. The abuse of the right is one of the most intriguing manifestations of bad faith that merits investigation. Closely related to good faith is another ethical legal concept — inconsistent behavior — which is deemed flawed specifically in its manifestation of bad faith. To date, a comprehensive analysis of defamation and the judicial protection against it through the lens of these terms has not been conducted in domestic civil law scholarship. This study evaluates the significance of the outlined categories for defamation law and defines the relationship between defamation and the phenomena they denote. Equating the abuse of the right with defamation, or understanding them as categories of genus and species respectively, is erroneous. From the perspective of legal theory, these concepts do not intersect. Defamation is a tort and should not be classified as an act of abuse of the right (particularly harassment), as the latter entails a legally impeccable formal exercise of the right that becomes flawed through the distortion of its purpose and its harmfulness. However, the expression of a subjective opinion can constitute an abuse of rights. If one adheres to the classical understanding of inconsistent behavior as a series of lawful yet inconsistent actions that cause harm to others, defamation, being an unlawful act, is not encompassed by the category of inconsistent behavior. Meanwhile, in judicial practice, the inconsistency of plaintiffs' positions in defamation disputes and the illogical procedural conduct of litigants regarding defamation are periodically discussed.

Keywords: abuse of the right; contradictory behavior; good faith; harassment; defamation; honor; dignity; business reputation; tort; freedom of speech.

Cite as: Parygina NN. Categories of Abuse of the Right and Inconsistent Behavior in the Context of Defamation Disputes. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):81-90. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.081-090.

Введение

Прочно вошедшее в отечественный правовой лексикон, давно пополнившее язык служителей Фемиды и авторов научных трактатов иностранное понятие «диффамация» (от лат. *diffamo* — порочу), так тем не менее и не ставшее законодательным термином, официально определено Верховным Судом РФ как нарушение норм гражданского права, описанное в ст. 152 ГК РФ: распространение не соответствующих действительности порочащих чьи-либо честь, достоинство или деловую репутацию сведений¹. Названный

деликт устойчиво держит позиции повсеместного и массового, что делает желательным его рассмотрение сквозь призму общих новейших тенденций правоприменения. Одна из таких — явное усиление в последние пару десятилетий по сравнению с первым постсоветским периодом открытой опоры судов на этические начала и иные философские концепты, среди которых особенно выделяется категория доброй совести (*bona fides*). Под конец 2012 г. о добросовестности было упомянуто в ст. 1 ГК РФ, тогда же обновлена редакция ст. 10 ГК РФ о пределах осуществления гражданских прав, в частности

¹ П. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Российская газета. 2005. № 50.

уточнен перечень форм злоупотребления правом². Не так давно, в 2023 г., Конституционный Суд РФ привел убедительную развернутую аргументацию применимости универсального требования поступать добросовестно к случаям распространения информации, затрагивающей честь, достоинство и деловую репутацию гражданина³.

В свете сказанного анализ диффамации и соответствующей судебной практики через феномен добросовестности, который до сего времени в цивилистике целенаправленно не проводился, представляет несомненный интерес. При этом в ряду наиболее интересных для исследования проявлений недобросовестного поведения находится злоупотребление субъективным гражданским правом, а противоречивое поведение — еще одно понятие с философским смысловым наполнением, активнейшим образом разрабатываемое практиками и постигаемое теоретиками, — рассматривается в тесной связи с важными для юриспруденции актами злоупотреблений, ибо именно в недобросовестном варианте порицается несколькими нормами ГК РФ. Настоящая работа являет собой попытку взвесить значение для диффамационного права очерченных категорий, а также определить соотношение диффамации со злоупотреблением правом и непоследовательным поведением участников гражданского оборота⁴.

Роль института злоупотребления правом в противодействии неправомерному продвижению информации

В абзаце 1 п. 1 ст. 10 ГК РФ злоупотребление правом расшифровывается как заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, здесь же приводятся некоторые его формы: осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу (оно имеет специальную номинацию немецкой этимологии — «шикана») и действия в обход закона с противоправной целью. Предпринимателям законодательно запрещается использовать гражданские права в целях ограничения конкуренции и злоупотреблять доминирующим положением на рынке, о чем гласит следующий абзац той же статьи Кодекса.

Мощный морализующий эффект борьбы законодателя со злоупотреблениями подчеркивался классиком российского правоведения И. А. Покровским, в 1917 г. писавшим о том, что запрещение шиканы (этой известнейшей модификации извращенного пользования субъективными правами) устраняет «крайние, антисоциальные шипы» дозволенного эгоизма, областью которого гражданское право по преимуществу является⁵.

Можно ли полагать диффамацию разновидностью злоупотребления правом и (если исходить из того, что распространитель порочащей

² Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2013. № 3.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.07.2023 № 44-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. А. Попковой» // Российская газета. 2023. № 169.

⁴ В понятийном аппарате науки гражданского права довольно глубоко укоренился термин «диффамационное право», обосновано существование соответствующего правового образования (см., например: *Потапенко С. В.* Диффамационное право. Гражданско-правовой аспект : учеб. пособие. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та имени Н.Ф. Катанова, 2007). Е. В. Кожевина справедливо отмечает, что подотрасль отличается от правового института прежде всего наличием общих положений, а поскольку гл. 8 ГК РФ составляют несколько статей, из которых выделить общую часть невозможно, нормы о нематериальных благах представляют собой гражданско-правовой институт (*Кожевина Е. В.* Нематериальные блага как объект гражданских прав: дискуссионные вопросы теории и судебное толкование // *Цивилист.* 2010. № 4. С. 60). В продолжение этих рассуждений диффамационное право закономерно квалифицировать как подынститут в рамках соответствующего гражданско-правового института.

⁵ *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стер. М. : Статут, 2001. С. 119.

лжи не извлекает из умаления чужих нематериальных благ никакого полезного эффекта для себя лично) такой его формы, как шикана? Любопытно, что в авторитетной научной литературе подобная трактовка данного правонарушения неоднократно озвучивалась. Так, С. В. Потапенко определяет диффамацию как «гражданско-правовой деликт, направленный на умаление чести, достоинства и деловой репутации потерпевшего в общественном мнении или мнении отдельных граждан, путем распространения о нем порочащих, не соответствующих действительности сведений фактического характера, являющихся злоупотреблением свободой слова и массовой информации»⁶. Диссертационное исследование А. А. Смирновой, представленное на соискание ученой степени кандидата юридических наук, посвящено рассмотрению диффамации в качестве не только противоправного деяния, но и злоупотребления правом⁷.

Думается, однако, злоупотребление правом (как и любое другое недобросовестное поведение) возможно исключительно через совершение формально правомерных действий. Само слово «злоупотребление» подразумевает использование во зло чего-либо, принадлежащего субъекту по праву; некие внешне благообразные поступки, производимые в явном конфликте с сутью, изначальной функцией применяемого механизма и с отвергаемым моралью умыслом причинить ущерб ближнему — *animus nocendi*. Чрезвычайно точна дефиниция А. А. Малиновского, именующего злоупотреблением субъективным правом такой способ осуществления последнего в противоречии с его назначением, посредством которого причиняется вред личности, обществу, государству. Основными признаками злоупотребления субъективным правом автор считает осуществ-

ление такового в противоречии с его назначением и вредоносным образом⁸. Соглашаясь с изложенным, стоит отметить, что при диффамации отсутствует даже формально надлежащее осуществление права. Диффамация — всегда деликт, нарушение норм гражданского законодательства, а значит, с точки зрения теории права нельзя говорить о дозволенном использовании юридически обеспеченной возможности кому-либо во зло: распространять лживую позорящую то или иное лицо информацию не разрешается, злоупотреблять нечем.

Следовательно, в собственном смысле диффамация под акты злоупотребления правом и недобросовестного поведения в целом, как видится, не подпадает. Относить ее к ним можно лишь условно, и такой прием объясним, ибо обычно, стремясь избежать ответственности, диффаматоры безосновательно апеллируют к свободе поиска, получения, производства и распространения информации в намеренно извращенном истолковании, прикрываются ею. Весьма вероятно, получившее распространение условное отнесение диффамации к фактам злоупотребления правом продиктовано как раз популярными у нарушителей нечестными попытками оправдать свои действия свободой слова, хотя известно, что любая свобода в здоровом обществе ограничена юридическими рамками, и диффамация, естественно, находится за их пределами.

В той же логике сформулирована статья 4 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»⁹, раскрывающая явление злоупотребления свободой массовой информации. Несмотря на то что диффамации среди его возможных воплощений не названо, в качестве оных фигурируют иные, в том числе уголовно наказуемые, правонарушения, например разглашение государственной тайны, пуб-

⁶ Потапенко С. В. Проблемы судебной защиты от диффамации в СМИ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 12.

⁷ Смирнова А. А. Диффамация как правонарушение и злоупотребление правом: конституционно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 4–6.

⁸ Малиновский А. А. Злоупотребление правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 9–10.

⁹ Российская газета. 1992. № 32.

личные призывы к терроризму, продвижение материалов, пропагандирующих смену пола, и т.д. Кстати, факторы, подлежащие учету при решении вопроса о том, имело ли место злоупотребление свободой массовой информации в приведенной трактовке, дополнительно прояснены в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации “О средствах массовой информации”»¹⁰.

Вопрос о том, не относятся ли к фактам злоупотребления правом действия, предположительно совершаемые с единственной целью — причинить вред чьей-либо деловой репутации, периодически выносятся на рассмотрение судебных органов¹¹. Так, угроза распространить в социальной сети порочащие должника сведения, «испортить репутацию его семьи», исходящая от сотрудников службы взыскания в ходе попыток вернуть просроченную задолженность, квалифицируется судом как злоупотребление правом¹². Как злоупотребление правом расцениваются в судебной практике и предпринятые потребителем после возврата ему денег за некондиционный товар действия по размещению ложных подрывающих деловую репутацию продавца сведений в отзывах к товарам последнего на маркетплейсе (электронной торговой платформе)¹³.

Если подчас использование понятия «злоупотребление правом» по указанным выше причинам может носить лишь символический характер, то с полным основанием оно при-

менимо к некоторым эпизодам высказывания личных воззрений. Осуществляя закрепленное в ст. 29 Конституции России¹⁴ право свободно выражать свое мнение, которое не поддается верификации, ибо существует вне категорий истинности и ложности, де-юре субъект действует законно, но способен при этом проявлять недобросовестность в оценке фактических обстоятельств, на что обращается внимание в судебных постановлениях¹⁵. Возможна, допустим, крайняя предвзятость или же очевидная резкость в выражениях (именно резкость, и это тоже тонкий момент, поскольку включение в публикуемый текст оскорбительных фраз уже является прямым нарушением норм административного права).

Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области, разграничив фактологические и оценочные суждения, обозначил, что «только первые при их порочащем характере могут быть в целях защиты репутации квалифицированы как злоупотребление свободой мнений и повлечь за собой меры гражданско-правовой ответственности»¹⁶. Действительно, одни суждения опираются на анализ фактов («сдается мне, гр-н Клячкин хватается взятки»), другие — на характеристики лиц и жизненных обстоятельств, которые складываются сугубо индивидуально, в зависимости от личности, вкусов и мировоззренческих установок комментатора («гр-н Клячкин, как погляжу, звезд с неба не хватает¹⁷»). Есть, однако, нюанс, не позволяющий в полной мере согласиться с выводом правоприменителя.

¹⁰ Российская газета. 2010. № 132.

¹¹ См.: постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.11.2021 по делу № А76-672/2020 ; решение Арбитражного суда Челябинской области от 21.04.2021 по делу № А76-672/2020 ; решение Арбитражного суда Брянской области от 30.01.2019 по делу № А09-11926/2017 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «Гарант»).

¹² Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 13.07.2023 по делу № А65-12251/2023.

¹³ Решение Арбитражного суда Московской области от 26.10.2023 по делу № А41-70061/2023.

¹⁴ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

¹⁵ См., например: постановление Арбитражного суда Астраханской области от 26.01.2024 по делу № А06-6810/2023 ; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29.11.2023 по делу № А57-21477/2022.

¹⁶ Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 29.05.2023 по делу № А56-65295/2022.

¹⁷ То есть не отличается выдающимися способностями, умом, усердием.

Первый тип высказываний — суждения лишь номинально, а по существу — преподнесенные в завуалированной форме утверждения о факте. Если бы говорящий не исходил из уверенности в таковом, суждение бы не состоялось. Стало быть, в первом случае (при так называемых фактологических суждениях) перед нами всё та же диффамация, а вовсе не реализация законного права со злоупотреблением.

Запрет противоречивого поведения и разрешение диффамационных споров

В России и мире термин «противоречивое поведение» приспособлен правоведами для обозначения действий или бездействия участников гражданских правоотношений, идущих вразрез с моделью их предшествующих действий или бездействия, воспринятой иными лицами. Само по себе противоречивое поведение не является и не должно являться объектом законодательных запретов, поскольку с течением времени у субъекта может меняться представление о собственных интересах (п. 2 ст. 1, ст. 9 ГК РФ) или отношение к явлениям окружающей реальности. Санкционироваться правом надлежит лишь тому непоследовательному поведению, которое недобросовестно. Впрочем, общий подобный запрет с кристаллизацией критериев его применения к тем или иным жизненным ситуациям на текущий момент в законе, увы, не закреплен. Зато фрагментарные положения о запрете противоречивого поведения, налагающие табу на некоторые иррациональные юридически значимые действия, рассеяны по отечественному ГК: они содержатся в его абз. 4 п. 2, п. 5 ст. 166, ст. 431.1, п. 3 ст. 432, ст. 450.1.

Как благоразумно отмечено в судебной практике, «переменчивое поведение хотя и не

является гражданским правонарушением», но «небезразлично праву, так как лицо, изменив выбранный ранее порядок поведения, получает преимущество по сравнению с теми лицами, которые следуют своему предшествующему поведению и отношению к юридическим фактам»¹⁸.

В правовых системах различных стран мира выработаны самобытные модели запрета противоречивого поведения. Наиболее популярны, во-первых, англо-американский эстоппель (от англ. estoppel — утрата права возражения, права ссылаться на какие-либо факты или оспаривать их), предполагающий разрозненные правила о рассматриваемом запрете, точно применяемые к отдельным видам правоотношений (по напоминающему эту схему пути идет пока российский законодатель), и, во-вторых, континентальная максима *venire contra factum proprium* родом из римского права, проистекающая из общего представления о добрых нравах и сложившаяся в виде некой монолитной догмы, актуальной для всех типов взаимодействий между любыми субъектами. Как бы то ни было, запрет противоречивого поведения всегда тесно связан с явлением добросовестности, так как именно в недобросовестном исполнении подобное поведение достойно упрека. В научной периодике артикулируется характеристика правила эстоппеля как проявления принципа добросовестности (справедливости)¹⁹, средства обеспечения его соблюдения²⁰.

Нет причин оспаривать заключение о том, что этот «достаточно гибкий» правовой институт позволяет защитить добросовестную сторону практически всех сфер гражданско-правовых отношений²¹. Одна из таких сфер — распространение информации. При этом как изначальная, так и последующая активность противоречащего себе субъекта должна быть правомерна. Когда же цепочка противоречивых проявлений

¹⁸ Решение Арбитражного суда Московской области от 05.10.2022 по делу № А41-12757/2022.

¹⁹ Дубинина И. А. «Эстоппель» как проявление принципа справедливости в гражданском праве Российской Федерации // Право и управление. 2024. № 4. С. 92.

²⁰ Камалиева Г. А. К вопросу о непротиворечивости поведения // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2021. № 2 (21). С. 82.

²¹ Кулик Т. Ю. Применение эстоппеля как способ защиты права добросовестного лица // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 7 (146). С. 63.

лица содержит элементы конкретного правонарушения (той же диффамации), юридическая ответственность наступит не за факт противоречивого (правомерного, но недобросовестного) поведения, а за факт нарушения права.

При технической ошибке (описке, опечатке) в изложении сведений или при безвиновной дезинформации с дальнейшим исправлением неточности, удалением или опровержением публикации, возможно в сопровождении извинений, разнонаправленные, но добросовестные действия не влекут ответственности вовсе. Тогда как умышленное введение кого-либо в заблуждение, искажение оглашаемой информации после ее получения из первоисточника при установлении исходной решимости раскрыть данные в неизменном виде, напротив, заслуживает негативной реакции права, но по нормам ст. 152 (не 1 или 10) ГК РФ.

Представим следующий сюжет. До записи ответов на вопросы в ходе интервью, при его подготовке утверждается, что прямая речь будет обнародована без купюр, затем высказывания выдергиваются из контекста, чем извращается вложенный в них смысл. В итоге интервьюер затейливым способом лжет о заявлениях собеседника, что также открывает возможность умаления чести, достоинства и (или) деловой репутации по лекалу диффамации. Описанным непредсказуемым в своей нечистоплотности действиям подобает влечь юридическую ответственность. Нужная нормативная база — специальные правила ст. 152 ГК РФ. Обращение к институту противоречивого поведения не вполне теоретически корректно, да и нерационально, избыточно.

Судебной практике между тем известны как казусы установления противоречивого поведения истцов по спорам о диффамации²², так и безуспешные попытки ответчиков апеллировать

к подобному нестабильному поведению истцов. В одном из случаев второй категории автор признанных судом диффамационными публичных высказываний в социальной сети ссылаясь на то, что истец, будучи ознакомленным с ложными порочащими его сообщениями в апреле 2022 г., до декабря того же года ни разу не обратился с претензией или исковым заявлением о нарушении своего права на деловую репутацию, не пытался удалить или сокрыть нелестную информацию во внесудебном порядке. Ответчик полагал возможным применение правила эстоппель, указывая на непоследовательное поведение оппонента. Суд (думается, абсолютно обоснованно) данный довод во внимание не принял. В самом деле, действующего, в отличие от ответчика, в рамках закона истца (сроки исковой давности по требованиям о защите чести, достоинства и деловой репутации по общему релевантному здесь правилу не работают в силу ст. 208 ГК РФ) едва ли можно упрекнуть в недобросовестности. Обладатель нарушенного права в контексте состоявшейся диффамации осуществлял действия по его защите, а не преследовал цель причинить ущерб нарушителю²³.

Порой суды устанавливают недобросовестное процессуальное поведение участвующих в спорах о диффамации лиц, применяя эстоппель в процессуальных правоотношениях²⁴. Проблема эстоппеля в процессуально-правовом аспекте как таковая устойчиво вызывает к себе живой исследовательский интерес²⁵.

Во многих смыслах желательным на перспективу видится внедрение в ГК РФ общего правила о запрете противоречивого поведения, применимого к различным типам общественных отношений, регулируемых гражданским правом (замена им ряда распыленных по нескольким статьям упоминаний об ограничении переменчивости позиций участников гражданского

²² Постановление Арбитражного суда Республики Татарстан от 25.10.2023 по делу № А65-389/2023.

²³ Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 29.02.2024 по делу № А27-23184/2022.

²⁴ См., например: решение Арбитражного суда города Москвы от 22.06.2022 по делу № А40-275967/2021 ; решение Арбитражного суда Магаданской области от 14.02.2019 по делу № А37-2121/2016.

²⁵ См., например: *Грибов Н. Д.* Противоречивое поведение лиц, участвующих в деле // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 3. С. 13–17 ; *Терехов В. В.* Применение правила эстоппель в процессуальных отношениях // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 3. С. 135–140.

оборота). И дело не только в усилении лаконичности, емкости, ясности закона. Англосаксонская модель означенного запрета (эстоппель), порожденная, по выражению И. А. Покровского, «хаосом веками накопившихся прецедентов»²⁶, слабо соответствует современным потребностям отечественной правовой системы (особенно с учетом возросшей роли категории добросовестности) и не отвечает русской правовой традиции.

Итак, диффамация как гражданское правонарушение не охватывается категорией противоречивого поведения в строгом значении, если под последним понимать линию правомерных, но непоследовательных действий, наносящих кому-либо вред. При противоречиях, которые включают в себя акт диффамации, правовая ответственность наступает непосредственно за последний.

Выводы

Отождествление злоупотребления правом с диффамацией, равно как и понимание их соотношения как категорий рода и вида соответственно, ошибочно. Воспроизводимое в научных трудах и судебных актах включение понятия «диффамация» в объем понятия «злоупотребление правом» может восприниматься в качестве фикции, осознанного хода с известной долей условности, вызванного ссылками нарушителей на свободу использовать информацию в намеренно извращенной интерпретации. Под углом зрения теории права диффамация, являясь нарушением норм действующего российского гражданского законодательства, не должна квалифицироваться как акт злоупотребления правом (в частности, шиканы), ибо последний предполагает формально юридически безупречную реализацию принадлежащего лицу субъективного права, порочную искажением самой его сути, назначения через намерение правообладателя вместо (при шикане) или заодно с удовлетворением собственного интереса причинить вред иному лицу.

Вместе с тем осуществление права на свободу мысли и слова может быть недобросовестным и, соответственно, может составлять злоупотребление законодательно предоставленной гарантией при условии, что озвучивание того или иного суждения не содержит признаки какого-либо самостоятельного правонарушения. Злоупотребление правом возможно технологически по-разному, но субстанционально единственным образом — посредством совершения правомерных действий.

Обращение к правовому приему запрета противоречивого поведения связано с оценкой добросовестности неожиданно действующего лица. Если исходить из классического понимания противоречивого поведения как череды правомерных, но противоречащих друг другу действий, наносящих вред чьим-либо законным интересам, диффамация, будучи действием неправомерным, т.е. деликтом, категорией противоречивого поведения не охватывается. Хотя распространение ложных порочащих сведений нередко идет вразрез с моделью поведения, которую изначально демонстрировал диффаматор, гражданско-правовая ответственность в подобной ситуации будет наступать непосредственно за факт диффамации. В то же время в судебной практике периодически обсуждается вероятность противоречивого поведения истцов по диффамационным спорам, а также недобросовестное процессуальное поведение спорящих о диффамации лиц.

Заключение

Злоупотребление правом как любопытнейшее проявление недобросовестности представляет собой вполне реальный риск в сфере распространения информации (тех же субъективных суждений, например), однако не должно сливаться с диффамацией. Диффамация не включается и в объем понятия противоречивого поведения в собственном смысле слова. При этом правоприменительной практике известны случаи противоречивого поведения истцов по

²⁶ Покровский И. А. Указ. соч. С. 105.

спорам о диффамации. Разумным было бы введение общего запрета подобного поведения в нормы ГК РФ. Грамотно сформулированная единственная прямая легальная установка на запрет противоречивых действий способство-

вала бы выработке общих условий применения такого запрета и, что важно для диффамационных споров, четкому отграничению противоречивого недобросовестного (но правомерного) поведения от диффамации как деликта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Грибов Н. Д. Противоречивое поведение лиц, участвующих в деле // Арбитражный и гражданский процесс. — 2021. — № 3. — С. 13–17.
2. Дубинина И. А. «Эстоппель» как проявление принципа справедливости в гражданском праве Российской Федерации // Право и управление. — 2024. — № 4. — С. 89–94.
3. Камалиева Г. А. К вопросу о непротиворечивости поведения // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. — 2021. — № 2 (21). — С. 81–88.
4. Кожевина Е. В. Нематериальные блага как объект гражданских прав: дискуссионные вопросы теории и судебное толкование // Цивилист. — 2010. — № 4. — С. 59–63.
5. Кулик Т. Ю. Применение эстоппеля как способ защиты права добросовестного лица // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2022. — № 7 (146). — С. 62–65.
6. Малиновский А. А. Злоупотребление правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2009. — 52 с.
7. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — Изд. 3-е, стереотип. — М. : Статут, 2001. — 354 с.
8. Потапенко С. В. Диффамационное право. Гражданско-правовой аспект : учеб. пособие. — Абакан : Изд-во Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова, 2007. — 204 с.
9. Потапенко С. В. Проблемы судебной защиты от диффамации в СМИ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Краснодар, 2002. — 43 с.
10. Смирнова А. А. Диффамация как правонарушение и злоупотребление правом: конституционно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 26 с.
11. Терехов В. В. Применение правила эстоппель в процессуальных отношениях // Правоприменение. — 2019. — Т. 3. — № 3. — С. 135–140.

Материал поступил в редакцию 6 сентября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gribov N. D. Protivorechivoe povedenie lits, uchastvuyushchikh v dele // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2021. — № 3. — S. 13–17.
2. Dubinina I. A. «Estoppel» kak proyavlenie printsipa spravedlivosti v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii // Pravo i upravlenie. — 2024. — № 4. — S. 89–94.
3. Kamaliev G. A. K voprosu o neprotivorechivosti povedeniya // Ekonomicheskoe pravosudie na Dalnem Vostoke Rossii. — 2021. — № 2 (21). — S. 81–88.
4. Kozhevina E. V. Nematerialnye blaga kak obekt grazhdanskikh prav: diskussionnye voprosy teorii i sudebnoe tolkovanie // Tsivilist. — 2010. — № 4. — S. 59–63.
5. Kulik T. Yu. Primenenie estoppelya kak sposob zashchity prava dobrosovestnogo litsa // Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie. — 2022. — № 7 (146). — S. 62–65.

6. Malinovskiy A. A. Zloupotreblenie pravom kak yuridicheskiy fenomen: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2009. — 52 s.
7. Pokrovskiy I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. — Izd. 3-e, stereotip. — M.: Statut, 2001. — 354 s.
8. Potapenko S. V. Diffamatsionnoe pravo. Grazhdansko-pravovoy aspekt: ucheb. posobie. — Abakan: Izd-vo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.F. Katanova, 2007. — 204 s.
9. Potapenko S. V. Problemy sudebnoy zashchity ot diffamatsii v SMI: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Krasnodar, 2002. — 43 s.
10. Smirnova A. A. Diffamatsiya kak pravonarushenie i zloupotreblenie pravom: konstitutsionno-pravovoy aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2008. — 26 s.
11. Terekhov V. V. Primenenie pravila estoppel v protsessualnykh otnosheniyakh // Pravoprimenenie. — 2019. — Т. 3. — № 3. — С. 135–140.

Разграничение субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц с применением иных мер гражданско-правовой ответственности

Аннотация. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц не образует отдельную разновидность или подвид гражданско-правовой ответственности, так как сфера ее применения не может служить достаточным основанием классификации. Иных особенностей формы проявления субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, которые могли бы стать основанием для дифференциации внутри гражданско-правовой ответственности, нет. В связи с этим представляется, что нормы об ответственности контролирующих лиц должника и юридического лица, не находящегося в состоянии банкротства, имеют единую природу и должны составлять единый комплекс или хотя бы соответствовать друг другу. Автором статьи предпринята попытка разграничения субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц с применением иных мер гражданско-правовой ответственности. Проведен сравнительный анализ круга привлекаемых лиц и условий наступления ответственности по ст. 53.1 ГК РФ и субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства по ст. 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Сделан вывод, что, хотя статья 53.1 ГК РФ является общей нормой о возмещении убытков контролируемыми лицами, она не в полной мере охватывает специальную норму о субсидиарной ответственности при банкротстве. В соответствии с правилами юридической техники общая норма должна содержать такие общие правила, которые бы охватывали собой специальные. Сформулированы предложения по правовому регулированию исследуемого института. Развитие института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц должно идти по пути унификации устанавливающих ее правовых норм, а в дальнейшем необходимо выработать единые правила субсидиарной ответственности на основе норм о субсидиарной ответственности в процедуре несостоятельности и ст. 53.1 ГК РФ, объединенные общими принципами и условиями наступления.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц; контролирующие должника лица; контролирующие лица; взыскание убытков с руководителя; ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица; бенефициар; фактический контроль; доведение до банкротства; ответственность за доведение до банкротства; объективное банкротство; корпоративные убытки.

Для цитирования: Сидоров А. В. Разграничение субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц с применением иных мер гражданско-правовой ответственности // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 91–98. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.091-098.

Delimitation of Subsidiary Liability of the Debtor's Controlling Persons by means of Application of Civil Penalties

Anton V. Sidorov, Postgraduate Student, Department of Civil and Business Law,
Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation
arbitr6991@gmail.com

Abstract. Subsidiary liability of the debtor's controlling persons does not constitute a separate category or subtype of civil liability, as the scope of its application cannot serve as a sufficient basis for classification. There are no other distinctive features in the manifestation of subsidiary liability that could justify its differentiation from civil liability. In this regard, it appears that the norms governing the liability of controlling persons of a debtor and of legal entities not in a state of bankruptcy share a common nature and should form a cohesive framework or, at the very least, be consistent with one another. The author attempts to delineate the subsidiary liability of controlling persons of a debtor by using other measures of civil liability. The paper provides a comparative analysis of the categories of liable parties and the conditions for liability under Article 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation and the subsidiary liability of controlling persons of a debtor in bankruptcy proceedings under Article 61.11 of the Bankruptcy Law. The author concludes that, although Article 53.1 of the Civil Code serves as a general provision stipulating the compensation for damages by controlling persons, it does not fully encompass the specific provision regarding subsidiary liability in bankruptcy cases. According to legal drafting principles, the general provision should contain overarching rules that encompass the specific ones. The paper makes recommendations for the legal regulation of the institution in question. The development of the institution of subsidiary liability for controlling persons of a debtor should proceed towards the harmonization of the legal norms that establish it. Furthermore, it is essential to define unified rules for subsidiary liability based on the provisions regarding subsidiary liability in insolvency proceedings and Article 53.1 of the Civil Code, which should be unified by common principles and conditions for liability.

Keywords: subsidiary liability of controlling persons of the debtor; controlling persons of the debtor; controlling individuals; recovery of damages from the director; liability of the person authorized to act on behalf of a legal entity; beneficiary; de facto control; inducing bankruptcy; liability for inducing bankruptcy; objective bankruptcy; corporate losses.

Cite as: Sidorov AV. Delimitation of Subsidiary Liability of the Debtor's Controlling Persons by means of Application of Civil Penalties. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):91-98. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.091-098.

Как следует из анализа статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, количество заявлений о привлечении контролирующих должника лиц (КДЛ) к субсидиарной ответственности (далее также — ответственность КДЛ) неуклонно растет, как и процент удовлетворения таких заявлений.

Так, в 2021 г. было подано 6 779 заявлений, из которых рассмотрено по существу 5 978, удовлетворено — 3 356, то есть 56 %. В 2022 г. из поданных 7 429 заявлений рассмотрено по существу 6 697, удовлетворено 3 985 (59,5 %). В 2023 г. было подано 7 051 заявление, рассмотрено по существу 6 399, удовлетворено 3 846 — 60 %.

Считаем, что снижение числа заявлений о привлечении к ответственности КДЛ в 2023 г. по сравнению с 2022 г. связано с мораторием на возбуждение дел о банкротстве, в то же время тенденция к росту числа удовлетворенных заявлений сохраняется. КДЛ почти каждого второго банкрота привлекаются к ответственности.

Частое обращение к ответственности КДЛ в процедуре несостоятельности обусловило не только практический, но и теоретический интерес к изучению данной темы.

Ответственность КДЛ, за редким исключением, не исследовалась самостоятельно. Она рассматривалась либо в контексте субсидиарной ответственности вообще, что, по нашему мнению,

не позволяло учитывать особенности процедуры несостоятельности, либо в рамках банкротства, в отрыве от общих положений гражданского законодательства и вне связи с доктриной гражданского права, что не могло обеспечить полноту и всесторонность такого изучения. В результате в научной литературе сформировалось несколько точек зрения на правовую природу ответственности КДЛ, которые условно можно разделить на две группы. Согласно первой ответственность КДЛ обладает самостоятельной правовой природой¹, тогда как представители второй относят ее к гражданско-правовой ответственности.

Ответственность КДЛ не образует отдельную разновидность или подвид гражданско-правовой ответственности, так как сфера ее применения не может служить достаточным основанием классификации. Иных особенностей ответственности КДЛ, исходя из которых можно было бы проводить дифференциацию внутри гражданско-правовой ответственности, нет. Данный вывод подтверждается и судебной практикой.

В связи с этим стоит отметить, что нормы об ответственности КДЛ и контролирующих лиц (этот термин в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»² (далее — Постановление № 53) употребляется и применительно к лицам, перечисленным в ст. 53.1 ГК РФ³, мы также будем использовать его далее в таком значении) юридического лица, не находящегося в состоянии банкротства (далее — ответственность КЛ), имеют единую природу и должны составлять единый комплекс или хотя бы соответствовать друг другу.

В настоящей статье автор предпринял попытку разграничения ответственности КДЛ с применением иных мер гражданско-правовой ответственности.

Ответственность КДЛ предусматривается статьями 61.11 и 61.12 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁴ (далее — Закон о банкротстве), первая устанавливает ответственность за невозможность погашения в полном объеме требований кредиторов, вторая — за неподачу или несвоевременную подачу заявления о признании должника банкротом. Обращаясь к нормам об ответственности КДЛ, при отсутствии специальной оговорки автор будет ссылаться на ст. 61.11 Закона о банкротстве. Считаем, что вопрос о соотношении норм ст. 61.11 и 61.12 указанного Закона требует специального изучения. Данные нормы могут рассматриваться или как два самостоятельно предусмотренных состава правонарушения КДЛ, и тогда необходимо отдельно сравнивать ст. 61.12 с иными мерами ответственности (в том числе со статьей 61.11), или статья 61.12 может охватываться статьей 61.11 как частный случай. Исследование ответственности по ст. 61.12 и ее соотношения с ответственностью по ст. 61.11 не является целью настоящей статьи, поэтому условия ответственности по ст. 61.12 будут рассматриваться далее только в случае отличия от ст. 61.11.

Согласно общему правилу, изложенному в ст. 56 ГК РФ, учредители и участники юридического лица не отвечают по его долгам, исключения установлены законом, а именно статьей 53.1 ГК РФ и другими нормами, распространяющимися на учредителей, участников, полных товарищей и др. (например, п. 1 ст. 75, п. 6 ст. 113 ГК РФ). Аналогичные положения содержатся и в некоторых федеральных законах, регулирующих правовой статус отдельных юридических лиц, в частности в Федеральном законе от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»⁵.

Ответственность КЛ, предусмотренная статьей 53.1 ГК РФ (по отношению к кредиторам, а не

¹ Например: Петухов С. В., Иванова С. А. Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих лиц // Образование и право. 2023. № 1. С. 184–188.

² Российская газета. 2017. № 297.

³ Российская газета. 1994. № 238–239.

⁴ Российская газета. 2002. № 209–210.

⁵ Российская газета. 2002. № 229.

к самому юридическому лицу) и иными, в том числе приведенными выше, нормами, субсидиарная, но основания ее возникновения разные. В основе ответственности по ст. 53.1 ГК РФ лежит деликт, тогда как ответственность полного товарища или собственника имущества казенного предприятия носит обеспечительный характер и ее наступление не предполагает наличия состава гражданского правонарушения.

Отметим, что Верховный Суд РФ в Постановлении № 53 относит статью 53.1 ГК РФ к общим положениям о возмещении убытков, а мы считаем, что обязательства, вытекающие из этого деликта, могут носить также субсидиарный характер, когда на стороне лица, которому причинен вред, будут (наряду или помимо) выступать кредиторы юридического лица. Основные правоотношения в таком случае сложатся между КЛ и подконтрольным им лицом, а дополнительные (субсидиарные) — между КЛ и пострадавшими кредиторами подконтрольного лица. Причем можно условно сказать, что дополнительные отношения КЛ и пострадавших кредиторов опосредуются подконтрольным лицом. Эта связь зиждется на том, что причинение ущерба подконтрольному юридическому лицу неизбежно влечет за собой и нарушение прав его кредиторов. Обязательства юридического лица и лица, причинившего ему вред, перед кредитором будут объединены единым погашающим эффектом, в чем и будет заключаться его субсидиарность.

Упомянутая нами выше обеспечительная обязанность учредителей, участников, полных товарищей и др., в связи с тем что не предполагает совершение деликта, вряд ли может быть отнесена к мерам ответственности вообще.

Ответственность КДЛ, как и ответственность КЛ, обусловлена совершением деликта, общие условия которого закреплены в ст. 53.1 ГК РФ.

На основании п. 20 Постановления № 53 разграничение специальных норм об ответственности КДЛ, а именно ст. 61.11 Закона о банкротстве, с общими положениями о возмещении убытков (в том числе по ст. 53.1 ГК РФ)

происходит в зависимости от причины банкротства: были неправомерные действия КДЛ необходимой причиной банкротства или нет. От ответа на данный вопрос и будет зависеть, какие нормы применяются в каждом конкретном случае.

Таким образом, исходя из приведенного пункта, применение ст. 61.11 Закона о банкротстве обусловлено прямой причинно-следственной связью между неправомерными действиями КДЛ и наступившим банкротством, то есть виной в наступлении несостоятельности должника, хотя, заметим, по нашему мнению, из буквального толкования нормы ст. 61.11 Закона о банкротстве это не вытекает. Во-первых, в качестве возможных нарушений законодатель предусмотрел такие действия КДЛ, которые сами по себе причиной банкротства быть не могут (пп. 2, 4, 5 п. 2 ст. 61.11); во-вторых, представляется, что понятие невозможности полного погашения требований кредиторов шире, чем несостоятельность (банкротство), в соответствии с данным Законом. Из этого следует, что невозможность погашения в полном объеме требований кредиторов, с учетом того что Закон о банкротстве предусматривает различные пути пополнения конкурсной массы, может быть и не связана с наступлением банкротства. Тем не менее ответственность КДЛ по ст. 61.11 будет употребляться далее согласно толкованию, данному Верховным Судом РФ.

Если вина КДЛ была в форме умысла, то, помимо привлечения к гражданско-правовой ответственности, лицо может быть подвергнуто уголовной ответственности. Так, статья 196 УК РФ⁶ устанавливает ответственность за преднамеренное банкротство. Состав данного преступления предполагает умысел. Но поскольку к одному правонарушению могут быть одновременно применены меры разноотраслевой ответственности, то совершение контролирующим лицом деликта с виной в форме умысла может повлечь за собой одновременно как уголовную, так и субсидиарную ответственность в рамках банкротства или обе одновременно.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. № 113–115, 118.

Если контролирующее должника лицо виновно в форме неосторожности, то это также будет одним из условий привлечения к субсидиарной ответственности, но если вина в какой-либо форме будет отсутствовать, то при отсутствии одного из условий субсидиарная ответственность не наступит, однако возможно наступление иной гражданско-правовой ответственности, опять же при наличии предусмотренных для этого, в том числе статьей 53.1 ГК РФ, условий.

По мнению Верховного Суда РФ, изложенному в Постановлении № 53 и процитированному выше, соотношение норм об ответственности КДЛ и КЛ можно обозначить как общую и специальную нормы. Далее, сравним их содержание по двум основаниям: кругу лиц, которые могут быть привлечены к ответственности (понятия КДЛ и КЛ в соответствующих нормах), и условиям наступления ответственности.

Статьей 61.10 Закона о банкротстве регламентируется привлечение к ответственности КДЛ, круг которых определяется на основе следующих критериев: фактического контроля и получения выгоды из незаконных действий лиц, перечисленных в п. 1 ст. 53.1 ГК РФ (т.н. бенефициарные собственники). Круг КДЛ является открытым, так как пункт 5 ст. 61.10 Закона закрепляет возможность признать КДЛ и по иным основаниям. Определение КДЛ не исчерпывается названными критериями, Закон устанавливает и временное ограничение — три года с момента появления признаков несостоятельности вне зависимости от того, скрывалось ли наличие этих признаков или нет (п. 3).

К ответственности по ст. 53.1 ГК РФ могут привлекаться:

- лица, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочены выступать от его имени;

- члены коллегиальных органов юридического лица (за исключением тех из них, кто голосовал против решения, причинившего вред, а также тех, кто добросовестно не принимал участия в голосовании);

- лица, имеющие фактический контроль над действиями юридического лица и вышеперечисленных лиц.

Сравнив понятия КЛ и КДЛ, закрепленные соответственно в ст. 53.1 ГК РФ и ст. 61.10 Закона о банкротстве, мы можем заключить, что их содержание совпадает лишь частично. Если мысленно представить их двумя кругами, то один из них не будет поглощать другой, как должно было бы быть в случае с общим и частным понятием; реально же получилось бы лишь частичное их совпадение. Выявленные различия обусловлены тем, что законодатель при наполнении приведенных понятий использовал для КЛ только критерий фактического контроля, тогда как для КДЛ еще дополнительно критерий получения выгоды, кроме того, оставил круг КДЛ открытым, так как закрепил возможность признавать КДЛ и по другим основаниям, тогда как в отношении КЛ такой оговорки нет.

Можно бы было здесь заключить, что КДЛ полностью поглощает КЛ, однако, как нами уже отмечено, для КДЛ установлено временное ограничение — три года. Статья 53.1 ГК РФ для КЛ никаких ограничений по времени не предусматривает, но, полагаем, к данным правоотношениям применим общий срок исковой давности — те же три года. При исчислении начала течения срока давности за отправную точку берется момент, когда пострадавшее лицо узнало или должно было узнать о нарушении его права, то есть определение этого момента крайне субъективно и индивидуально. Для КДЛ же фактически этот момент определен объективно для всех, поскольку три года подлежат исчислению исходя не из абстрактного субъективного понимания, а из объективных данных о появлении у должника признаков банкротства.

Вместе с тем судебная практика опирается на возможность предъявления требований о взыскании убытков к контрагенту — участнику вывода имущества наряду с лицами, поименованными в ст. 53.1 ГК РФ (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.12.2022 № 305-ЭС22-11906 по делу № А40-96008/2021⁷). И хотя при

⁷ URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=2192714 (дата обращения: 03.09.2024).

обосновании такой возможности суд ссылается на ст. 1107 ГК РФ, думается всё же, что в приведенном судебном решении третье лицо, получившее в результате неправомерных действий руководителя основной актив общества, можно было бы рассматривать как скрытого бенефициара и привлекать к ответственности самостоятельно, при условии наличия в ст. 53.1 ГК РФ аналогичного Закону о банкротстве критерия получения выгоды.

На приведенном выше примере можно наблюдать конвергенцию норм об ответственности КДЛ и общих положений о возмещении убытков юридическому лицу по ст. 53.1 ГК РФ.

Теперь перейдем к условиям ответственности.

1. Противоправность. Вопрос о противоправности как для КДЛ, так и для КЛ решается законодателем одинаково: отсутствие в их действиях добросовестности и разумности. Согласно Постановлению № 53 нарушение КДЛ по ст. 61.11 Закона о банкротстве состоит в доведении должника до несостоятельности, хотя, повторимся, из буквального толкования нормы этого вывести нельзя. Но обязанность КДЛ не доводить подконтрольное лицо до банкротства поглощается его добросовестностью и разумностью.

Еще одной отличительной чертой ответственности КДЛ можно обозначить широкое использование законодателем такого приема юридической техники, как опровержимые презумпции, через которые как раз и закрепляются случаи возможного выражения нарушения закона.

2. Причиненный вред. Для применения ст. 61.11 Закона о банкротстве необходимым последствием недобросовестных действий КДЛ должно быть наступление банкротства, по ст. 53.1 ГК РФ — нет. Размер причиненного ущерба при доведении до банкротства составляет сумму всех оставшихся невыплаченными требований кредиторов (п. 11 ст. 61.11 Закона).

Статья 53.1 ГК РФ не содержит специального правила определения размера причиненных убытков, так что применяются общие положения гражданского законодательства.

3. Причинно-следственная связь. Убытки кредиторов должны возникнуть именно из-за

нарушения контролирующим должника лицом обязанности действовать добросовестно и разумно, а применительно к ответственности по ст. 61.11 Закона банкротство должно быть необходимым последствием действий контролирующих должника лиц.

4. Вина контролирующих лиц. Специального правила для определения вины статьей 53.1 ГК РФ не установлено, значит, вопрос о вине решается на основе общих положений, то есть ст. 401 ГК РФ.

В силу п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве КДЛ не несет ответственности при доказанности отсутствия своей вины. Статья 61.12 не содержит и специального правила о виновности, и, если рассматривать ответственность по ст. 61.11 и 61.12 как два различных состава привлечения к субсидиарной ответственности, а не как общую и частную нормы, то вопрос о виновности по ст. 61.12 также решается исходя из общих положений, то есть ст. 401 ГК РФ, а если считать статью 61.12 частным случаем ст. 61.11, то надлежит следовать п. 10 ст. 61.11.

При отсутствии специального указания говорить об отсутствии вины применительно к КЛ в соответствии со ст. 53.1 ГК РФ можно только руководствуясь пунктом 2 ст. 401 ГК РФ.

Разграничив ответственность по ст. 53.1 ГК РФ и ст. 61.11 Закона о банкротстве, хотелось бы обратить внимание на пп. 2 п. 12 ст. 61.11 Закона, в котором закреплено, что КДЛ привлекается к ответственности и в ситуации, если несостоятельность наступила хотя и не по его вине, но вследствие его действий, ставших причиной существенного ухудшения финансового состояния должника. Данный пункт, можно сказать, стирает различия, обозначенные в Постановлении № 53.

Ориентируясь на позицию Верховного Суда РФ и считая ее научно обоснованной, мы рассматриваем нормы ст. 53.1 ГК РФ как общие положения об ответственности контролирующих лиц, а нормы Закона о банкротстве — как специальные.

Согласно правилам юридической техники, общая норма должна содержать такие общие нормы, которые бы охватывали собой специальные. Из сравнительного анализа условий

наступления ответственности по общей и частной норме можно заключить, что специальная норма в отдельных вопросах выходит за рамки общей.

Так, круг контролирующих лиц в специальной норме обозначен законодателем шире, чем в общей. И хотя приведенный пример свидетельствует, что данный пробел успешно преодолевается судебной практикой, всё же полагаем, что в перспективе необходимо либо ввести в ГК РФ понятие контролирующего лица, которое будет использоваться и в Законе о банкротстве, либо установить в ГК РФ дополнительные критерии из Закона о банкротстве для определения круга КЛ, подлежащих ответственности, либо вообще оставить возможность признавать контролирующим лицо, отвечающее определенным признакам в каждом конкретном случае.

Это обусловлено тем, что нормы об ответственности контролирующих лиц, появившиеся сначала в гражданском законодательстве, а потом и в законе, регулирующем процесс несостоятельности, в последующем развивались неравномерно. Ответственность КДЛ расширялась и углублялась с течением времени, в соответствующие нормы Закона о банкротстве неоднократно вносились изменения. Причина кроется в том, что в процессе перехода к рыночным отношениям изменялся характер

экономических связей и способы ведения бизнеса, в том числе теневого, а при отсутствии практики применения соответствующих законоположений законодатель вынужден был регулировать каждый конкретный случай ответственности особенно подробно. Сейчас же арбитражными судами и Верховным Судом РФ наработана обширная практика, научно обосновано введение новых терминов и категорий в науку гражданского права, в литературе среди ученых и практиков регулярно дебатировались те или иные спорные вопросы по исследуемой тематике.

Таким образом, по нашему мнению, правовое регулирование ответственности КЛ юридического лица нуждается в совершенствовании. В первую очередь требует уточнения понятие контролирующего лица. Сейчас круг КЛ и круг КДЛ различны, но с учетом целей института и существующей практики представляется целесообразным расширить круг КЛ, предусмотренный статьей 53.1 ГК РФ, в соответствии с Законом о банкротстве. Развитие института ответственности КЛ и КДЛ должно идти по пути унификации регулирующих его правовых норм, а в дальнейшем необходимо выработать единые правила ответственности КЛ на основе норм об ответственности КДЛ и ст. 53.1 ГК РФ, объединенные общими принципами и условиями наступления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Водолагин С. В.* Юридическая ответственность руководителей организаций: российские перспективы с учетом зарубежного опыта // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. — 2021. — № 5. — С. 85–95.
2. *Законодательство о банкротстве: преемственность и новации* : монография / П. Р. Абдуллаева, Н. В. Бандурина, Ю. М. Воронина [и др.] ; отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. — М. : Юстицинформ, 2023. — 348 с.
3. *Метелева Ю. А.* Ответственность лиц, управляющих юридическим лицом // *Lex russica*. — 2019. — № 10. — С. 30–38.
4. *Морхат П. М.* Ответственность лица, признаваемого скрытым бенефициаром компании // *Право и бизнес*. — 2021. — № 1. — С. 7–12.
5. *Петухов С. В., Иванова С. А.* Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих лиц // *Образование и право*. — 2023. — № 1. — С. 184–188.

Материал поступил в редакцию 16 сентября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vodolagin S. V. Yuridicheskaya otvetstvennost rukovoditeley organizatsiy: rossiyskie perspektivy s uchetom zarubezhnogo opyta // Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 5. — S. 85–95.
2. Zakonodatelstvo o bankrotstve: preemstvennost i novatsii: monografiya / P. R. Abdullaeva, N. V. Bandurina, Yu. M. Voronina [i dr.]; otv. red. S. A. Karelina, I. V. Frolov. — M.: Yustitsinform, 2023. — 348 s.
3. Meteleva Yu. A. Otvetstvennost lits, upravlyayushchikh yuridicheskim litsom // Lex russica. — 2019. — № 10. — S. 30–38.
4. Morkhat P. M. Otvetstvennost litsa, priznavaemogo skrytym benefitsiarom kompanii // Pravo i biznes. — 2021. — № 1. — S. 7–12.
5. Petukhov S. V., Ivanova S. A. Pravovaya priroda subsidiarnoy otvetstvennosti kontroliruyushchikh lits // Obrazovanie i pravo. — 2023. — № 1. — S. 184–188.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.099-107

В. А. Кондратьев*

Понятие и виды взаимосвязанных сделок, оспариваемых по правилам законодательства о банкротстве

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам оспаривания взаимосвязанных сделок должника по правилам законодательства о банкротстве. Автор приходит к выводу, что взаимосвязанные сделки характеризуются формальной дифференциацией, но содержательным единством. Предлагается классификация взаимосвязанных сделок в зависимости от их структуры на сонаправленные, разнонаправленные и цепочку сделок. Первые характеризуются общим предметом и совпадающим субъектным составом и порождают единое правоотношение. Разнонаправленные сделки объединены общей целью, но предполагают участие нескольких самостоятельных субъектов и различный предмет. Цепочка сделок представляет собой совокупность последовательно совершаемых сделок с одним и тем же предметом, которые прикрывают одну-единственную сделку. Делается вывод, что при оспаривании сделок должника по правилам Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» необходимо оценивать не только каждую отдельную сделку, но и связанные с ними сделки, рассматривать их в единстве и взаимосвязи, что позволит определить их действительные имущественные последствия для должника и конкурсной массы, так как в противном случае могут быть нарушены права и контрагентов должника, и кредиторов.

Ключевые слова: взаимосвязанные сделки; договор; оспаривание сделок; подозрительные сделки; сделки с предпочтением; цепочка сделок; банкротство; последствия недействительности; противодействие выводу активов должника; сонаправленные сделки.

Для цитирования: Кондратьев В. А. Понятие и виды взаимосвязанных сделок, оспариваемых по правилам законодательства о банкротстве // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 99–107. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.099-107.

The Concept and Types of Related Transactions Contested under the Rules of Bankruptcy Legislation

Vladimir A. Kondratiev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
vakondratiev@bk.ru

Abstract. The paper examines some current issues of challenging debtor's related transactions under the rules of bankruptcy legislation. The author concludes that related transactions are characterized by formal differentiation but substantive unity. The paper proposes a classification of related transactions depending on their structure into

© Кондратьев В. А., 2025

* Кондратьев Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Российская Федерация, 117418
vakondratiev@bk.ru

co-directional, multi-directional and chain transactions. The first type is characterized by a common subject and a coinciding parties involved and give rise to a single legal relationship. Multidirectional transactions are united by a common goal, but involve the participation of several independent entities and a different subject matter. A chain of transactions is a set of consecutive transactions with the same subject matter that covers the same transaction. It is concluded that when challenging the debtor's transactions under the rules of the Bankruptcy Law, it is necessary to evaluate not only each individual transaction, but also related transactions, to consider them in unity and interrelation. This will make it possible to determine their actual property consequences for the debtor and the bankruptcy assets, since otherwise the rights of both the debtor's counterparties and creditors may be violated.

Keywords: related transactions; contract; challenging transactions; suspicious transactions; transactions with preference; chain of transactions; bankruptcy; consequences of invalidity; counteracting the withdrawal of the debtor's assets; co-directed transactions.

Cite as: Kondratiev VA. The Concept and Types of Related Transactions Contested under the Rules of Bankruptcy Legislation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):99-107. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.099-107.

Имущественный оборот — это сложная система отношений, складывающихся между различными субъектами права. В основе имущественного оборота лежат договоры и сделки¹, поскольку именно исходя из договоров и порождаемых ими обязательств осуществляется движение имущественных благ между участниками оборота.

Традиционно в доктрине гражданского права принято считать, что каждый договор выступает самостоятельным юридическим фактом, представляющим собой отдельное правовое явление и независимым от других договоров. Безусловно, из каждого договора возникают права и обязанности, однако такой подход не всегда позволяет рассматривать всю совокупность складывающихся правоотношений в единстве, что детерминировало развитие теории сетевого договора, которая была предложена немецким юристом Г. Тойбнером² и подразумевает необ-

ходимость рассматривать договоры во взаимосвязи, а не изолированно друг от друга³. Теорию взаимосвязанных договоров развивают и отечественные исследователи, например А. Н. Гуна видит в них реализацию общей идеи о том, что в ряде отношений договор не должен рассматриваться как обособленная, изолированная единица⁴. А. Г. Карапетов отмечает, что «нередко стороны оформляют, по сути, единую экономическую трансакцию комплексом взаимосвязанных договоров»⁵. В. В. Кулаковым была разработана концепция сложных обязательств, которая заключается в рассмотрении обязательств, объединенных одной целью во взаимосвязи, несмотря на различные основания их возникновения⁶. Таким образом, в доктрине категория взаимосвязанных сделок уже сформировалась и широко используется, а характеристика договоров как взаимосвязанных предполагает учет их связанности в процессе правоприменения.

¹ Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2013. С. 9.

² Teubner G. Networks as Connected Contracts. Oxford, 2011. P. 107, 213, 250.

³ Кирпичев А. Е. Неклассические теории договора (договор-обещание, дискретные, реляционные и сетевые договоры) в контексте новой редакции ГК России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 51–58.

⁴ Гуна А. Н. Доктрина взаимосвязанных договоров (linked contracts): сравнительно-правовое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 11. С. 53.

⁵ Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022. С. 1002.

⁶ Кулаков В. В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России. М. : РАП ; Волтерс Клувер, 2010. С. 103.

Необходимость учета взаимосвязанности сделок признается действующим законодательством и правоприменительной практикой как в сфере банкротства, так и в иных направлениях. В статье 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁷ (далее — Закон о банкротстве) закреплена необходимость учета взаимосвязанности сделок в целях определения стоимости переданного по ним имущества и возможности оспаривания; в ст. 64 данного Закона сказано, что органы управления должника могут совершать исключительно с согласия временного управляющего, выраженного в письменной форме, сделки или несколько взаимосвязанных между собой сделок. В соответствии со ст. 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁸ крупной сделкой считается сделка (несколько взаимосвязанных сделок), выходящая за пределы обычной хозяйственной деятельности. В статье 28 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁹ взаимосвязанные сделки упоминаются в контексте определения критериев сделок в рамках контроля за экономической концентрацией.

Как видим, во всех приведенных примерах речь идет о необходимости учета сделок во взаимосвязи. В большинстве случаев законодатель говорит о необходимости учета взаимосвязанности тех сделок, для которых предусмотрен определенный ценовой порог, при превышении которого к сделке применяется иной режим. Очевидно, что, когда цена сделки превышает установленный лимит и для нее предусмотрен специальный режим, создается достаточно простая возможность для обхода этого требования путем дробления сделок. Например, договор отчуждения единой про-

изводственной линии может быть технически разделен на несколько договоров об отчуждении отдельных ее элементов.

Дробление сделок встречается в сфере государственных закупок, где статьей 93 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹⁰ предусмотрена возможность заключения заказчиком контракта на сумму до 600 тыс. руб. без проведения торгов. Недобросовестные заказчики обходят это требование путем дробления единого договора на несколько, чтобы каждый из них не превышал лимит для закупки у единственного поставщика. Такие действия судами квалифицируются как нарушение требования законодательства именно со ссылкой на взаимосвязанность сделок¹¹.

В пункте 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств»¹² констатируется, что прощение долга не свидетельствует о заключении договора дарения, если совершается кредитором в отсутствие намерения одарить должника. На отсутствие такого намерения может указывать, в частности, взаимосвязь между прощением долга и получением кредитором имущественной выгоды по какому-либо обязательству. Данный пример говорит также о необходимости учета сделок во взаимосвязи, поскольку их рассмотрение в отрыве друг от друга полностью меняет их квалификацию.

Значимость такой категории, как взаимосвязанные сделки, для правоприменительной практики требует выработки критериев, на основании которых совокупность сделок может рассматриваться в качестве взаимосвязанных.

⁷ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁸ СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

⁹ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

¹⁰ СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 23.09.2022 № 309-ЭС22-16426 по делу № А07-23886/2021 (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные документы и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

¹² Российская газета. 2020. 25 июня. № 136.

Как отмечается в философской литературе, каждое явление представляет собой единство формы и содержания¹³. Г. В. Ф. Гегель подчеркивал наличие у содержания определенной формы и говорил об их единстве¹⁴. Сделка и договор в этом смысле не являются исключениями и предполагают единство формы и содержания. Однако по тем или иным причинам форма может не отражать действительное содержание договора, например если идет речь о притворной сделке, у которой внешнее выражение не соответствует внутреннему содержанию, здесь имеет место расхождение формы и содержания. Показательна в этом смысле позиция Верховного Суда РФ, отраженная в п. 47 постановления Пленума от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»¹⁵ и предусматривающая, что квалификация договора осуществляется исходя из его существа, а не наименования, указанного сторонами. Данные примеры демонстрируют, что применение норм права должно ориентироваться на приведение формы (внешнего выражения) тех или иных правовых явлений в соответствие с их содержанием. Поэтому основная цель выделения категории взаимосвязанных сделок состоит в определении действительного содержания правоотношения, которое формально выражается в виде нескольких самостоятельных сделок.

Итак, взаимосвязанность сделок означает, что с формальной точки зрения они являются самостоятельными действиями, как правило оформленными различными документами, однако содержательно представляют собой единое правоотношение. Взаимосвязанность сделок имеет важное значение в первую очередь при разрешении споров, связанных с их оспариванием по правилам Закона о банкротстве как подозрительных и сделок с предпочтением¹⁶.

Категория взаимосвязанных договоров (сделок) — понятие собирательное, включающее в себя различные типы взаимосвязанности. Для правильного применения положений об оспаривании сделок, закрепленных в Законе о банкротстве, необходимо выявлять действительное содержание правоотношений в их взаимосвязи.

К первому типу можно отнести сонаправленные взаимосвязанные договоры — соглашения, заключенные между одними и теми же субъектами со сходным предметом. Именно такие договоры упоминаются, например, в п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, согласно которому цель причинения вреда совершенной сделкой предполагается, если стоимость переданного в результате совершения сделки или нескольких взаимосвязанных сделок имущества либо принятых обязательства и (или) обязанности составляет 20 и более процентов балансовой стоимости активов должника. Как видится, учет взаимосвязанности необходим для пресечения искусственного дробления сделки.

Вместе с тем само по себе формальное дробление сделок не признается правонарушением, выявление взаимосвязанности имеет целью необходимость установления истинного содержания сделки для правильного применения соответствующих норм права.

В качестве одного из наиболее ярких примеров рассмотрим дело о банкротстве ООО «Фирма Имавто». Должником было заключено шесть договоров на продажу автомобилей с одним и тем же лицом, при этом цена продажи автомобилей, отчужденных по договорам № 1 и 3, превышала рыночную стоимость, в договоре № 5 цена несущественно отличалась от рыночной, а определенные в договорах № 2, 4 и 6 цены были ниже рыночных. Конкурсный управляющий обратился с требованием о признании договоров № 2, 4 и 6 недействительными как сделок с неравноценным встречным предоставлением, и суды изначально поддержали

¹³ Балашов Л. Е. Философия : учебник. М. : Дашков и К, 2023. С. 269–270.

¹⁴ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 1. Объективная логика. Primedia E-launch LLC, 2017. С. 410.

¹⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

¹⁶ См.: Левушкин А. Н. Оспаривание взаимосвязанных сделок при банкротстве: классификация и основания // Гражданское право. 2024. № 3. С. 2–5.

его позицию. Однако Верховный Суд РФ указал, что «судебная коллегия не может согласиться с выводами судов о невзаимосвязанности договоров, поскольку установленные ими обстоятельства свидетельствовали об обратном — о намерении покупателя (добросовестность которого не была опровергнута другими участниками спора) одновременно приобрести у должника несколько бывших в употреблении автомобилей и о намерении продавца реализовать ряд автомашин так, как если бы они составляли единый лот»¹⁷.

Здесь нижестоящие суды не учли сложившегося между сторонами единого правоотношения, которое было оформлено шестью договорами, следовательно, необходимо было соотносить совокупную стоимость по всем шести договорам и совокупную рыночную стоимость передаваемых автомобилей, в противном случае на стороне должника образовалось бы неосновательное обогащение, так как он бы получил сумму выше рыночной по сохраненным договорам и в то же время автомобили по оспариваемым договорам вернулись бы в конкурсную массу.

Говоря о признаках таких сделок, стоит привести точку зрения, отраженную в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»¹⁸, где сказано, что о взаимосвязанности сделок могут свидетельствовать преследование единой хозяйственной цели при заключении сделок, в том числе общее хозяйственное назначение проданного (переданного во временное владение или пользование) имущества, консолидация всего отчужденного (переданного во временное владение или пользование) по сделкам имущества у одного лица, непродолжительный период между совершением нескольких сделок. Хотя толкование и дано применительно к оспариванию крупных сделок и сделок, в которых имеется заинтересо-

ванность, общие признаки могут быть использованы.

Таким образом, можно назвать следующие признаки сонаправленных взаимосвязанных сделок:

- совпадающий субъектный состав, т.е. сторонами сделок являются одни и те же лица либо на одной из сторон выступают аффилированные лица;

- наличие единой хозяйственной цели, выражающейся в однородном предмете или предмете, объединяющем в себе взаимосвязанные вещи. Например, предметом таких сделок могут выступать технологически связанное между собой оборудование либо совпадающие по функциональному назначению объекты. Такие взаимосвязанные сделки могут опосредовать и встречные предоставления по обязательству, что также охватывается категорией взаимосвязанности;

- непродолжительный период времени между совершенными сделками. Данная характеристика носит оценочный характер и зависит от целого ряда факторов, прежде всего от предмета сделки. Например, сделки по поставке сырья отличаются достаточно высокой интенсивностью, тогда как сделки по продаже недвижимости предполагают более сложный порядок их совершения — эти факторы должны учитываться в процессе правоприменения.

Второй тип взаимосвязанных сделок — разнонаправленные взаимосвязанные сделки, которые, в отличие от сонаправленных, совершаются между различными субъектами, но объединены одной хозяйственной целью. Например, в Федеральном законе от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»¹⁹ используется понятие договора страхования, заключенного в целях обеспечения кредитного обязательства (ст. 7). Должник заключает два договора, один с кредитной организацией, другой со страховщиком, но досрочное исполнение кредитного договора дает право

¹⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21.11.2019 № 306-ЭС19-12580 по делу № А65-10085/2016.

¹⁸ Российская газета. 2018. 6 июля. № 145.

¹⁹ СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.

заемщику отказаться от договора страхования и потребовать возврата страховой премии (п. 12 ст. 11). То есть законодатель исходит из того, что заемщик после исполнения своих обязательств утрачивает интерес к договору страхования (как и кредитор).

Пример такого типа взаимосвязанных сделок — дело о банкротстве ООО «Викард», в котором оспаривалась сделка по перечислению должником денежных средств третьему лицу (АЗС); основанием для признания сделки недействительной нижестоящими судами послужило то обстоятельство, что должник перечислял денежные средства в отсутствие встречного предоставления. Однако Верховным Судом РФ было установлено, что должник осуществлял продажу топливных карт потребителям, по которым они имели право приобретать на АЗС определенное количество топлива, а затем должник перечислял оплату в адрес АЗС в зависимости от объема приобретенного потребителями топлива. Верховный Суд РФ указал, что «при описанной выше модели ведения бизнеса отсутствие клиентов (потребителей), регулярно пополняющих топливные карты, влекло бы отсутствие выручки и денежных средств на счетах должника. Соответственно, если бы реальные поставки (отпуск нефтепродуктов на АЗС) не осуществлялись, то клиенты прекратили бы пополнение средств на топливных картах, и не имелось бы выручки, которую должник мог бы перечислять поставщикам, в том числе компании. Кроме того, такие клиенты предъявили бы требования к должнику о возврате денежных средств, отраженных на картах, которые не удалось конвертировать в топливо»²⁰. В этом случае сложилось трехстороннее правоотношение, и рассмотрение каждого из участников в отрыве от других не позволяет выявить их действительную сущность и правильно их квалифицировать, что могло бы привести к необоснованному взысканию с АЗС денежной суммы. Пример демонстрирует отсутствие у каждой из сделок эконо-

мической целесообразности в отрыве друг от друга.

В другом деле Верховный Суд РФ сформулировал позицию, согласно которой «в ситуации, когда отношения сторон являются сложноструктурированными, оспаривание одной из взаимосвязанных сделок (даже при наличии условий для признания ее недействительной) не может приводить к полноценному восстановлению положения, существовавшего до совершения всех сделок, в связи с чем такой способ защиты нельзя признать надлежащим»²¹. Данный подход еще раз подчеркивает необходимость оценки всего контекста правоотношений, а не каждой отдельной сделки обособленно, только таким путем возможно достижение разумного баланса интересов сторон. Важно учитывать объем как всего полученного по сделкам, так и отчужденного в совокупности, что позволит определить реальные имущественные последствия для стороны. Та сделка, которая на первый взгляд выглядит безвозмездной, может в итоге иметь встречное предоставление, но по иной сделке.

Как видим, разнонаправленные взаимосвязанные сделки характеризуются следующими признаками:

— единая хозяйственная цель, которая проявляется в том, что одна или несколько взаимосвязанных сделок в отрыве друг от друга теряют экономический смысл. Соответственно, признание одной из сделок недействительной не может обеспечить разумный баланс интересов между кредиторами должника и контрагентом по сделке;

— данные сделки совершаются между тремя и более субъектами.

Третий тип взаимосвязанных сделок — цепочка сделок. Такое понятие отсутствует в действующем законодательстве, однако получило достаточно широкое распространение в правоприменительной практике. В самом общем виде под цепочкой сделок понимается ряд последо-

²⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.05.2023 № 305-ЭС19-18803(9,16) по делу № А40-168513/2018.

²¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.03.2020 № 305-ЭС19-16046(3) по делу № А40-27329/2018.

вательных сделок, совершаемых с определенным имуществом должника. При этом цепочку сделок необходимо отличать от нескольких последовательных сделок, не связанных между собой.

В пункте 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”»²² сказано, что если первая сделка будет признана недействительной, то должник вправе истребовать спорную вещь у ее второго приобретателя только посредством предъявления к нему виндикационного иска вне рамок дела о банкротстве по правилам ст. 301 и 302 ГК РФ.

Таким образом, позиция Высшего Арбитражного Суда РФ заключается в том, что недействительной по правилам Закона о банкротстве может быть признана только первая сделка, остальные сделки могут быть признаны недействительными только по самостоятельным основаниям, что логично и обоснованно, поскольку конкурсный управляющий не вправе оспорить ту сделку, стороной которой не является должник, следовательно, на этот счет предусматривается и специальный способ защиты для должника — предъявление виндикационного иска. А на контрагента по первой сделке в силу п. 1 ст. 61.6 Закона о банкротстве может быть возложена обязанность возместить действительную стоимость этого имущества на момент его приобретения, а также убытки, вызванные последующим изменением стоимости имущества.

Однако, как показывает правоприменительная практика, зачастую недобросовестные участники оборота создают лишь видимость совершения множества сделок, чтобы вывести определенные активы из-под риска обращения взыскания и тем самым создать невозможность их возврата в конкурсную массу, тогда как иные

способы защиты, например взыскание денежных средств, виндикация, могут оказаться малоэффективными.

Отечественная правоприменительная практика отреагировала на соответствующую проблему и сформулировала категорию «цепочка сделок». Как отметил Верховный Суд РФ, «цепочкой последовательных сделок купли-продажи с разным субъектным составом может прикрываться одна единственная сделка, направленная на прямое отчуждение должником своего имущества в пользу бенефициара»²³.

Как правило, для реализации таких схем используется ряд фиктивных разнородных сделок с вовлечением максимального количества лиц в совершение этих сделок для создания иллюзии последовательного перехода права собственности от одного собственника к другому. Например, в одном из дел было установлено, что имущество изначально было отчуждено по договору купли-продажи, потом перешло супруге приобретателя в результате раздела совместного имущества, а затем супругой было внесено в качестве вклада в уставный капитал создаваемого общества с ограниченной ответственностью. Таким образом, формально было совершено несколько действий, но фактически они прикрывали собой одну единственную сделку по выводу активов во избежание обращения взыскания со стороны кредиторов²⁴.

Выходит, если сделки совершены только формально и приобретатели имущества не преследовали цели его реального приобретения, то вся совокупность сделок может быть признана притворной сделкой и в порядке п. 2 ст. 170 ГК РФ к такой сделке будут применены правила о той сделке, которую стороны в действительности имели в виду. Здесь важно обратить внимание на то, что правила п. 2 ст. 170 ГК РФ не предполагают прямого применения реституции к притворной сделке. Верховный Суд в одном из определений указал, что, «применяя

²² Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 3.

²³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.08.2020 № 306-ЭС17-11031(6) по делу № А65-27171/2015.

²⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.12.2020 № 308-ЭС18-14832(3,4) по делу № А25-1087/2018.

последствия недействительности договора, нижестоящие суды не учли наличие двух сделок — притворной и прикрываемой, ошибочно применив последствия недействительности к притворному, а не к прикрываемому договору, не учтя норму, закрепленную во втором предложении п. 2 ст. 170 ГК РФ»²⁵. Оспаривание притворных сделок происходит в два этапа: на первом устанавливаются признаки притворности и выявляется действительная сделка, а на втором прикрываемая сделка оценивается с точки зрения положений о банкротстве.

В случае совершения с имуществом должника нескольких сделок перед правоприменителем встает крайне важный вопрос — о выявлении соответствующей цепочки сделок и определении действительной цели их совершения, поскольку от этого напрямую зависят применимые последствия. Если будет выявлена цепочка и все сделки будут признаны взаимосвязанными, то они рассматриваются как единая сделка, и имущество может быть возвращено в конкурсную массу, в обратной же ситуации имущество может быть истребовано только путем предъявления виндикационного иска конечному приобретателю.

Важнейшая задача правовой науки в этом контексте — выявление признаков цепочки сделок. На основании вышеизложенного приходим к выводу, что цепочка сделок характеризуется:

- наличием аффилированности между всеми участниками сделок. Очевидно, что реализация такой схемы возможна только между лицами, состоящими в отношениях связанности, которая может проявляться в различных аспектах;

- отсутствием самостоятельного имущественного интереса или возможности совершения сделок для участвующих в цепочке лиц;

- объединением сделок единой целью и направленностью на вывод активов должника, которая выражается прежде всего в отсутствии по таким сделкам эквивалентного встречного

предоставления, отсутствию у приобретателя по сделке финансовой возможности для приобретения соответствующего имущества²⁶;

- сохранением имущества под контролем самого должника или связанных с ним лиц²⁷.

Подведем итоги:

1. Взаимосвязанные сделки — это совокупность действий, которые формально дифференцируются, но при этом обуславливают единое правоотношение или несколько правоотношений, объединенных общей хозяйственной целью.

2. Взаимосвязанные сделки в целях разрешения споров, касающихся их оспаривания, по правилам Закона о банкротстве возможно дифференцировать на три типа: 1) односторонние договоры, которые представляют собой одно правоотношение, оформленное несколькими сделками; 2) разносторонние договоры, которые опосредуют различные правоотношения между различными хозяйствующими субъектами, объединенные единой хозяйственной целью; 3) цепочка сделок, состоящая из ряда последовательных сделок, совершаемых с имуществом должника.

3. Необходимость учета взаимосвязанности при оспаривании сделок должника, согласно Закону о банкротстве, продиктована стремлением к обеспечению разумного баланса между интересами кредиторов, контрагентов по сделке и должника.

²⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.05.2021 № 307-ЭС20-6073(6) по делу № А56-67039/2018.

²⁶ Определение Верховного Суда РФ от 10.07.2024 № 308-ЭС24-10209 по делу № А32-25412/2020.

²⁷ Определение Верховного Суда РФ от 18.09.2023 № 302-ЭС23-16150(3) по делу № А69-2475/2018.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Балашов Л. Е.* Философия : учебник. — М. : Дашков и К, 2023. — 625 с.
2. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. Т. 1. Объективная логика. — Primedia E-launch LLC, 2017. — 540 с.
3. *Гуна А. Н.* Доктрина взаимосвязанных договоров (linked contracts): сравнительно-правовое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 11. — С. 52–95.
4. *Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов.* — М. : М-Логос, 2022. — 1496 с.
5. *Кирпичев А. Е.* Неклассические теории договора (договор-обещание, дискретные, реляционные и сетевые договоры) в контексте новой редакции ГК России // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 2. — С. 51–58.
6. *Кулаков В. В.* Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России : монография. — М. : РАП ; Волтерс Клувер, 2010. — 188 с.
7. *Левушкин А. Н.* Оспаривание взаимосвязанных сделок при банкротстве: классификация и основания // Гражданское право. — 2024. — № 3. — С. 2–5.
8. *Романец Ю. В.* Система договоров в гражданском праве России : монография. — М. : Норма, Инфра-М, 2013. — 496 с.
9. *Teubner G.* Networks as Connected Contracts. — Oxford, 2011. — 314 p.

Материал поступил в редакцию 17 сентября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Balashov L. E. *Filosofiya: uchebnik.* — M.: Dashkov iK, 2023. — 625 s.
2. Gegel G. V. F. *Nauka logiki. T. 1. Obektivnaya logika.* — Primedia E-launch LLC, 2017. — 540 s.
3. Guna A. N. Doktrina vzaimosvyazannykh dogovorov (linked contracts): sravnitel'no-pravovoe issledovanie // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 11. — S. 52–95.
4. Ispolnenie i prekrashchenie obyazatel'stva: kommentariy k statyam 307–328 i 407–419 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / otv. red. A. G. Karapetov. — M.: M-Logos, 2022. — 1496 s.
5. Kirpichev A. E. Neklassicheskie teorii dogovora (dogovor-obeshchanie, diskretnye, relyatsionnye i setevye dogovory) v kontekste novoy redaktsii GK Rossii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2016. — № 2. — S. 51–58.
6. Kulakov V. V. Obyazatel'stvo i oslozhneniya ego struktury v grazhdanskom prave Rossii: monografiya. — M.: RAP; Volters Kluver, 2010. — 188 s.
7. Levushkin A. N. Osparivanie vzaimosvyazannykh sdelok pri bankrotstve: klassifikatsiya i osnovaniya // Grazhdanskoe pravo. — 2024. — № 3. — S. 2–5.
8. Romanets Yu. V. Sistema dogovorov v grazhdanskom prave Rossii: monografiya. — M.: Norma, Infra-M, 2013. — 496 s.
9. Teubner G. Networks as Connected Contracts. — Oxford, 2011. — 314 p.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.108-115

Д. Е. Зайков*

Проблемы правового регулирования и практики применения судебных штрафов в гражданском судопроизводстве

Аннотация. Институт судебного штрафа — это мера юридической ответственности (государственного принуждения) за процессуальные нарушения, выражаемая в виде денежного взыскания. Судебный штраф известен всем видам судопроизводства, а его история насчитывает уже более 100 лет. Однако именно в ГПК РФ институт судебного штрафа имеет особое правовое регулирование, которое существенным образом отличается от аналогичной регламентации указанных отношений в иных процессуальных кодексах, что обусловило и значительные отличия в практической реализации данной меры государственного принуждения. Это и особая процедура защиты прав лица, на которое наложен судебный штраф, и специфика судебной практики по вопросам привлечения к ответственности в виде наложения судебного штрафа за проявленное неуважение к суду, и неоднозначность подхода законодателя к регламентации вопроса о порядке исполнения определений суда о наложении судебного штрафа на должностных лиц. В статье проводится анализ правового регулирования института судебного штрафа и практики его применения в гражданском судопроизводстве, выявляются проблемы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: судебный штраф; суд; неуважение к суду; сложение судебного штрафа; государственный орган; должностное лицо; гражданское судопроизводство; административное судопроизводство; порядок в судебном заседании; неисполнение судебного постановления.

Для цитирования: Зайков Д. Е. Проблемы правового регулирования и практики применения судебных штрафов в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 108–115. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.108-115.

© Зайков Д. Е., 2025

* Зайков Денис Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта Образцова ул., д. 9, стр. 9, ГСП-4, г. Москва, Российская Федерация, 127994
joburist@yandex.ru

Problems of Legal Regulation and Practice of Application of Court Fines in Civil Proceedings

Denis E. Zaykov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure, Law Institute, Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation
joburist@yandex.ru

Abstract. The institution of a court fine is a measure of legal responsibility (official enforcement) for procedural violations, expressed in the form of a monetary sanction. The court fine is not uncommon to all types of legal proceedings, and its history goes back more than 100 years. However, it is in the Civil Procedure Code of the Russian Federation that the institution of a court fine has a special legal regulation, which differs significantly from similar regulation of the said relations in other procedural codes, which has also led to significant differences in the practical implementation of the said measure of enforcement. This includes a special procedure for protecting the rights of a person who has been fined, and the specifics of judicial practice on issues of bringing to liability in the form of a fine for disrespect for the court, and the ambiguity of the legislator's approach to regulating the issue of the procedure for executing court decisions on the imposition of a fine on officials. The paper analyzes the legal regulation of the institution of judicial fines and the practice of its application in civil proceedings, identifies problems and suggests ways to solve them.

Keywords: court fine; court; contempt of court; release from a court fine; governmental agency; official; civil proceedings; administrative proceedings; court session order; failure to comply with court order.

Cite as: Zaykov DE. Problems of Legal Regulation and Practice of Application of Court Fines in Civil Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):108-115. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.108-115.

Судебный штраф представляет собой процессуальный институт, выступающий в качестве меры юридической ответственности и публично-правового воздействия (государственного принуждения) в виде денежного взыскания в отношении лиц, нарушающих требования процессуального законодательства¹.

Институт судебного штрафа содержат все процессуальные кодексы², однако его правовое регулирование и практика применения имеют существенные различия, которые обусловлены историческими предпосылками, спецификой регулируемых отношений, особенностями толкования и судебной практики.

Интерес вызывает исследование некоторых отличительных признаков института судебного штрафа в гражданском судопроизводстве, история которого насчитывает более ста лет.

Еще Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. содержал ряд норм, которые предусматривали финансовые санкции (штраф) для ответчика, свидетелей, сведущих лиц, третьих лиц, не участвующих в деле, и иных лиц за неисполнение ими возложенных судом обязанностей.

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 г. продолжил развитие института судебного штрафа, расширив основания для его наложения, однако ограничив возможность применения судебного штрафа случаями прямого указания закона. При этом был установлен порядок сложения или уменьшения размера судебного штрафа, а также обжалования определения об отказе в этом. Именно у ГПК РСФСР 1964 г. Арбитражный процессуальный кодекс РФ 1992 г. перенял общую концепцию судебного

¹ О проблемах правовой природы судебного штрафа см.: Васин В. Н., Казанцев В. И. К вопросу о правовой природе штрафа // Российский судья. 2006. № 1. С. 29–34 ; Гуцин В. В. Правовая природа штрафной процессуальной ответственности // Административное право и процесс. 2016. № 5. С. 63–66.

² В уголовно-процессуальном законодательстве он имеет иное наименование — денежное взыскание (ст. 117 УПК РФ).

штрафа, хотя и отказавшись от отдельных спорных моментов его регламентации.

С принятием ГПК РФ институт судебного штрафа был существенным образом модернизирован, получил во многом новое содержание и значительно расширил сферу своего применения. Вместе с тем развитие судебного штрафа в гражданском процессуальном законодательстве зачастую осуществлялось с большим опозданием по сравнению, например, с арбитражным судопроизводством³, что оказывало негативное влияние на эффективность и применяемость судами рассматриваемой меры юридической ответственности⁴.

Одна из особенностей правового регулирования судебного штрафа в гражданском судопроизводстве — процедура защиты прав лица, на которое наложен судебный штраф. Она повторяет подход, который применялся еще в ст. 98 ГПК РСФСР 1964 г.

В отличие от АПК РФ и КАС РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ не предусматривает возможность обжалования определения о наложении судебного штрафа, что хотя и вызывает критику в юридическом сообществе⁵, но неконституционным признано не было⁶.

Согласно ч. 1 ст. 106 ГПК РФ лицо, на которое наложен судебный штраф, может обратиться в

суд, его наложивший, с заявлением о сложении или об уменьшении судебного штрафа. По результатам рассмотрения указанного заявления суд вправе сложить судебный штраф, уменьшить его размер либо отказать в сложении или уменьшении судебного штрафа. И уже на определение суда об отказе сложить судебный штраф или уменьшить его размер может быть подана частная жалоба.

Но ухудшает ли это правовое положение участника гражданского судопроизводства по сравнению, например, с участником арбитражного процесса?

Концепция единого ГПК РФ предусматривает необходимость взять за основу правовое регулирование судебного штрафа, предусмотренное Арбитражным процессуальным кодексом РФ, в том числе в части порядка обжалования определений о наложении судебного штрафа⁷. Однако данное решение видится неверным. Установленный Гражданским процессуальным кодексом РФ порядок обжалования, несмотря на его первоначально кажущуюся громоздкость и ненужность, востребован и актуален, особенно для гражданско-процессуальных отношений, хотя и нуждается в некоторой доработке.

Во-первых, часть 1 ст. 106 ГПК РФ не ущемляет прав лица, на которое наложен судебный

³ В частности, норма о том, что судебные штрафы взыскиваются в доход федерального бюджета, была внесена в ГПК РФ только в 2019 г., одновременно был выработан единый подход к определению суммы судебного штрафа и повышены его предельные размеры. См.: Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7523.

⁴ Сведения о деятельности судов общей юрисдикции, которые размещены на сайте Судебного департамента Верховного Суда РФ (www.cdep.ru), не раскрывают количество наложенных судебных штрафов при рассмотрении судами дел в порядке гражданского судопроизводства. Но в отношении арбитражных судов такая статистика ведется. Так, в 2023 г. арбитражными судами было вынесено 1 366 определений о наложении судебного штрафа на общую сумму 20,7 млн руб. Средний размер судебного штрафа составил около 15,2 тыс. руб. (URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8687> (дата обращения: 27.08.2024)).

⁵ См., например: *Загидуллин М. Р.* Меры юридической ответственности в гражданском и арбитражном процессах и процедуре медиации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 2. С. 390; *Шарипова А. Р.* Сравнительный анализ институтов денежного взыскания и судебного штрафа в уголовном, арбитражном, гражданском и административном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. С. 151.

⁶ См.: определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2017 № 698-О.

⁷ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / вступ. слово П. В. Крашенинникова. М., 2015. С. 60.

штраф, на обжалование такого решения, устанавливая лишь дополнительную процессуальную процедуру проверки законности и обоснованности наложения судебного штрафа, выполнение которой одновременно с этим является и условием последующего обжалования соответствующего определения суда.

Во-вторых, рассмотрение судом заявления о сложении или уменьшении судебного штрафа представляет собой дополнительную процессуальную гарантию защиты прав лица, на которое наложен судебный штраф. Именно в рамках этой процедуры суд имеет возможность отменить или изменить ранее принятое решение о наложении судебного штрафа с учетом иного результата оценки имеющихся в деле доказательств или анализа новых обстоятельств. Такая ситуация может возникнуть из-за того, что в судебном заседании, на котором было вынесено определение о наложении судебного штрафа, надлежащим образом извещенный о его времени и месте проведения нарушитель отсутствовал, в связи с чем не было возможности учесть все обстоятельства.

Так, основаниями для сложения штрафа могут быть невиновность привлеченного к ответственности лица, уважительность причин неисполнения им соответствующей процессуальной обязанности, характер и последствия совершенного нарушения, сложное материальное положение виновного, а также иные обстоятельства, имеющие существенное значение для индивидуализации наказания⁸.

В-третьих, установленная частью 1 ст. 106 ГПК РФ дополнительная процессуальная процедура направлена на снижение нагрузки на вышестоящие суды. Однако достижение такой цели — крайне редкое явление, что обусловлено низкой эффективностью данной процедуры. Основная причина этого — отсутствие правового регулирования порядка определения судьи,

рассматривающего заявление о сложении или уменьшении судебного штрафа, в результате чего в большинстве случаев указанное заявление рассматривает судья, вынесший определение о наложении судебного штрафа⁹. Судебная практика, видимо принимая во внимание принцип процессуальной экономии, этот подход поддерживает — статья 106 ГПК РФ не включает запрета на рассмотрение заявления о сложении судебного штрафа тем же судьей, которым наложен судебный штраф¹⁰.

Однако тем самым нарушаются как важнейший принцип беспристрастности, так и древнеримское правило *nemo iudex in causa sua*¹¹. Здесь говорить об объективности и непредубежденности суда не приходится: отмена судьей вынесенного им определения — это признание своей ошибки, на что способны далеко не все из них.

Но если, например, при рассмотрении заявления об отводе судьи самим судьей (ст. 20 ГПК РФ) аналогичный подход обосновывается принципом меньшего зла — в целях исключения возможности затягивания процесса его недобросовестными участниками, то в анализируемой ситуации какие-либо объективные обстоятельства этого отсутствуют.

На наш взгляд, установление в ГПК РФ запрета на рассмотрение заявления о сложении или уменьшении судебного штрафа судьей, его вынесшим, позволит обеспечить подлинные процессуальные гарантии защиты прав лица, на которое наложен судебный штраф, и повысить эффективность соответствующего процессуального механизма.

В-четвертых, согласно ч. 1 ст. 106 ГПК РФ обжалованию подлежит только определение суда об отказе сложить судебный штраф или уменьшить его размер. Такая позиция обусловлена тем, что в случае удовлетворения заявления о сложении или уменьшении судебного штрафа

⁸ См., например: определение Судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.02.2024 по делу № 8Г-2417/2024 [88-4832/2024].

⁹ Для мировых судей других вариантов фактически не существует.

¹⁰ См.: определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.10.2022 по делу № 8Г-14729/2022 [88-15523/2022].

¹¹ Никто не может быть судьей в собственном деле (лат.).

интерес лица, на которое он наложен, удовлетворен, а права и интересы иных участников гражданского судопроизводства не затрагиваются независимо от результата разрешения этого вопроса. Однако почему при удовлетворении заявления об уменьшении размера судебного штрафа определением суда частично у лица, на которое наложен судебный штраф, отсутствует право обжалования этого определения? Такое толкование рассматриваемого положения представляется необоснованным и нарушающим процессуальные права указанного лица.

Еще один проблемный вопрос, в котором явно прослеживается специфика практики применения института судебного штрафа в гражданском судопроизводстве, — привлечение к ответственности в виде наложения судебного штрафа за проявленное неуважение к суду.

Анализ положений ГПК РФ, регулирующих эти отношения, несмотря на то, что они полностью идентичны нормам, содержащимся в АПК РФ и КАС РФ, позволяет сделать вывод о том, что их телеологическое толкование в части применения существенно разнится с толкованием соответствующих правовых норм других процессуальных кодексов. Данный вывод вытекает из особенностей расположения в ГПК РФ рассматриваемых норм. Общие положения о судебном штрафе закреплены в ст. 105 и 106

ГПК РФ, а правовое регулирование применения судебного штрафа за проявленное неуважение к суду — в ч. 3 ст. 159 ГПК РФ¹², которая регламентирует меры, принимаемые к нарушителям порядка в судебном заседании¹³.

Как же показывает себя означенная особенность в судебной практике?

В арбитражном и административном судопроизводстве используется широкое толкование, в силу которого неуважение к суду может быть проявлено лицами как во время их непосредственного присутствия в зале судебного заседания, так и иным образом¹⁴, например путем подачи процессуальных документов, содержащих неприличные выражения, неоднократного заявления одного и того же ходатайства, предъявления суду недостоверных сведений или невыполнения указаний суда и др.¹⁵

В гражданском судопроизводстве, напротив, используется толкование в узком смысле, предусматривающее возможность наложения судебного штрафа за проявленное неуважение к суду только на лиц, совершивших соответствующее правонарушение в ходе судебного заседания, что объясняется расположением ч. 3 ст. 159 ГПК РФ в норме, регуливающей ответственность за нарушение порядка в судебном заседании¹⁶, тем самым ограничивается область применения данного положения. Проявление неуважения к

¹² Напротив, аналогичные положения об ответственности за проявленное неуважение к суду в АПК РФ и КАС РФ расположены в нормах, регулирующих общие положения о судебном штрафе.

¹³ Такая завуалированность приводит к тому, что некоторые правоведы делают неверный вывод о том, что Гражданский процессуальный кодекс РФ не предусматривает проявление неуважения к суду в качестве основания для наложения судебного штрафа. См., например: *Шарипова А. Р.* Указ. соч. С. 151.

¹⁴ При этом у отдельных арбитражных судов существует позиция, в силу которой лицами, участвующими в деле, неуважение к суду может быть выражено в различных формах, а иными участниками процесса — только как их поведение в судебном заседании. См., например: постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30.09.2021 № 08АП-9846/21 по делу № А46-10798/2019.

¹⁵ См., например: п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8 ; п. 5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.06.2011 № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» // Бюллетень Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 9 ; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.06.2021 № 17АП-7736/19 по делу № А60-7198/2019.

¹⁶ См., например: апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 28.01.2021 по делу № 33-1887/2021 ; определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2023 по делу № 8Г-4586/2023 [88-10158/2023].

суду в судебном заседании может выражаться в несоблюдении предусмотренных статьей 158 ГПК РФ правил, в невыполнении распоряжений председательствующего, в совершении любых действий, влекущих дезорганизацию судебного процесса¹⁷.

При этом если арбитражные суды в обоснование возможности наложения судебного штрафа за проявленное неуважение к суду в различных формах достаточно активно ссылаются на п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 21¹⁸, то суды общей юрисдикции в гражданском судопроизводстве такую возможность в принципе исключают¹⁹.

Ситуация выглядит более чем парадоксально: один и тот же судья суда общей юрисдикции, рассматривая два дела: одно — по правилам КАС РФ, а второе — по правилам ГПК РФ, в первом случае может наложить судебный штраф за проявленное неуважение к суду за использование в поданном процессуальном документе (например, административном исковом заявлении) ненормативной лексики, а во втором случае — нет. Подобная дифференциация недопустима.

Характерный для гражданского процесса подход, значительно ограничивающий полномочия суда по применению института судебного штрафа за проявленное к нему неуважение, видится неоправданным, препятствующим выполнению такой задачи гражданского судопроизводства, как формирование уважительного отношения к закону и суду и создающим предпосылки для ухода от ответственности нарушителей основополагающих начал гражданского процесса.

Стоит отметить, что Гражданский процессуальный кодекс РФ упоминает про неуважение к суду и в ч. 3 ст. 13, согласно которой неисполнение судебного постановления, а равно иное проявление неуважения к суду, влечет за собой ответственность, предусмотренную федеральным законом.

Анализ указанного положения в системной взаимосвязи с частью 1 ст. 105 ГПК РФ позволяет заключить, что одна из форм неуважения к суду — неисполнение судебного постановления. Однако в связи с тем, что Гражданский процессуальный кодекс РФ, в отличие от других процессуальных кодексов, не предусматривает ответственности за неисполнение судебных постановлений²⁰, наложение судебного штрафа за данное процессуальное правонарушение не представляется возможным²¹.

Это фактически лишает участников гражданского судопроизводства важного процессуального инструмента воздействия на лицо, обязанное выполнить судебное постановление, что существенно снижает гарантии процессуальной защиты их нарушенных прав и законных интересов, ставит их в значительно худшее положение по сравнению с участниками иных видов судопроизводств, а также отрицательно влияет на эффективность правосудия.

Следующая особенность института судебного штрафа в гражданском процессе обусловлена спецификой его правового регулирования.

Еще в ст. 97 ГПК РСФСР 1964 г. было установлено важное правило: судебные штрафы, наложенные судом или судьей на должностных лиц, взыскиваются из их личных средств. Это позволило как разграничить ответственность

¹⁷ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.11.2021 по делу № 8Г-27813/2021 [88-26455/2021].

¹⁸ См., например: постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.10.2020 № Ф08-6994/20 по делу № А32-37106/2018 ; постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 10.02.2023 № 07АП-4635/20 по делу № А02-673/2020.

¹⁹ См., например: определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.11.2021 по делу № 8Г-27813/2021 [88-26455/2021].

²⁰ См.: ст. 332 АПК РФ, ст. 363.1 КАС РФ.

²¹ Ситуация не может быть разрешена и путем применения аналогии закона, например ч. 1 ст. 336 КАС РФ, что обусловлено положениями ч. 1 ст. 105 ГПК РФ, устанавливающими закрытый перечень оснований для наложения судебного штрафа.

должностных лиц и соответствующих организаций, так и обеспечить возложение финансового бремени выплаты судебного штрафа на виновное должностное лицо.

Данный подход был закреплен в ч. 6 ст. 119 АПК РФ и ч. 3 ст. 122 КАС РФ.

Однако в ч. 2 ст. 105 ГПК РФ почему-то нашла отражение иная позиция: судебные штрафы, наложенные судом на *не участвующих в рассмотрении дела* должностных лиц госорганов, организаций за нарушение предусмотренных федеральным законом обязанностей, взыскиваются из их личных средств.

Тем самым буквальное толкование анализируемой нормы права дает основание говорить о разграничении должностных лиц на две категории, первые из которых, не участвующие в рассмотрении дела²², самостоятельно уплачивают наложенные на них судебные штрафы; вторые, участвующие в рассмотрении дела, такой обязанностью прямо не обременены. Означает ли это, что обязанность нести расходы вместо должностного лица возлагается на соответствующую организацию или государственный орган (орган местного самоуправления)? Нет, установленные законодателем правила должны, безусловно, выполняться, и указанное разграничение не имеет и не может иметь практического применения.

Однако в чем причина такого неоднозначного правового регулирования?

В литературе высказывалось мнение, что законодатель не ставил перед собой цели установить различие между должностными лицами. Скорее всего, речь идет о неудачной редакции ч. 2 ст. 105 ГПК РФ²³.

Как представляется, формулируя таким образом ч. 2 ст. 105 ГПК РФ, законодатель акцентировал внимание на обязанности виновных должностных лиц, не участвующих в деле, как особых субъектов гражданско-процессуальных отношений, лично нести расходы по уплате наложенных на них судебных штрафов. При этом каких-либо решений об изменении давно существующей позиции о личной ответственности должностных лиц, участвующих в деле, за уплату наложенных судебных штрафов не принималось. Тем не менее такой подход себя не оправдал, а лишь создал дополнительные трудности в толковании и применении рассматриваемого положения, что требует устранения имеющегося юридико-технического недостатка в ч. 2 ст. 105 ГПК РФ.

Анализ современного состояния института судебного штрафа в гражданском судопроизводстве приводит к выводу о его значительной автономности и наличии ряда существенных отличий от аналогичных правовых институтов в арбитражном и административном судопроизводстве, которые носят достаточно противоречивый характер и требуют дополнительного осмысления. Вместе с тем видится необходимым выработать единые подходы к содержанию и правовой сущности института судебного штрафа в процессуальном законодательстве, что позволит обеспечить его универсальность для всех видов процессуальных отношений, повысить эффективность применения, а также создать гарантии защиты прав и законных интересов лиц, привлекаемых к юридической ответственности в виде наложения судебного штрафа.

²² Как правило, в таком качестве выступают должностные лица, которым суд направляет запросы об истребовании доказательств. По смыслу ч. 3 и 4 ст. 57 ГПК РФ субъектами ответственности в виде судебного штрафа за непредставление (несвоевременное представление) истребуемых доказательств являются только должностные лица или граждане, не участвующие в деле. Организация или государственный орган (орган местного самоуправления) к такой ответственности привлечены быть не могут.

²³ См., например: *Парций Я. Е.* Судопроизводство по делам, возникающим из публичных правоотношений по новому ГПК РФ // Гражданин и право. 2003. № 4. С. 10.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Васин В. Н., Казанцев В. И. К вопросу о правовой природе штрафа // Российский судья. — 2006. — № 1. — С. 29–34.
2. Гушин В. В. Правовая природа штрафной процессуальной ответственности // Административное право и процесс. — 2016. — № 5. — С. 63–66.
3. Загидуллин М. Р. Меры юридической ответственности в гражданском и арбитражном процессах и процедуре медиации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. — Вып. 2. — С. 388–405.
4. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ / вступ. слово П. В. Крашенинникова. — М., 2015. — 224 с.
5. Парций Я. Е. Судопроизводство по делам, возникающим из публичных правоотношений по новому ГПК РФ // Гражданин и право. — 2003. — № 4. — С. 3–11.
6. Шарипова А. Р. Сравнительный анализ институтов денежного взыскания и судебного штрафа в уголовном, арбитражном, гражданском и административном процессе // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 1. — С. 145–153.

Материал поступил в редакцию 27 августа 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vasin V. N., Kazantsev V. I. K voprosu o pravovoy prirode shtrafa // Rossiyskiy sudya. — 2006. — № 1. — S. 29–34.
2. Gushchin V. V. Pravovaya priroda shtrafnoy protsessualnoy otvetstvennosti // Administrativnoe pravo i protsess. — 2016. — № 5. — S. 63–66.
3. Zagidullin M. R. Mery yuridicheskoy otvetstvennosti v grazhdanskom i arbitrazhnom protsessakh i protsedure mediatsii // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. — 2020. — Vyp. 2. — S. 388–405.
4. Kontseptsiya edinogo Grazhdanskogo protsessualnogo kodeksa RF / vstup. slovo P. V. Krashennnikova. — M., 2015. — 224 s.
5. Partsiy Ya. E. Sudoproizvodstvo po delam, vznikayushchim iz publichnykh pravootnosheniy po novomu GPK RF // Grazhdanin i pravo. — 2003. — № 4. — S. 3–11.
6. Sharipova A. R. Sravnitelnyy analiz institutov denezhnogo vzyskaniya i sudebnogo shtrafa v ugovnom, arbitrazhnom, grazhdanskom i administrativnom protsesse // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2022. — № 1. — S. 145–153.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.116-123

Т. П. Шишмарева*

Оспаривание семейно-правовых сделок (действий) несостоятельного должника

Аннотация. В статье исследуются проблемы оспаривания сделок (действий) несостоятельного должника по разделу общего совместного имущества супругов, которые причиняют имущественный вред кредиторам в процедурах несостоятельности (банкротства). Выделены общегражданские и специальные основания недействительности сделок (действий) должника и особенности их квалификации в судебной практике, рассмотрено соотношение общегражданских и специальных оснований. Проанализированы сделки (действия), которые наиболее часто оспариваются в судебной практике, и правовые позиции Верховного Суда РФ. Повышенное внимание уделено анализу объективных и субъективных оснований оспаривания по специальным основаниям с использованием Паулианова иска как важнейшего средства оспаривания в процедурах несостоятельности. Указано на невозможность аннулирования сделок, заключенных в пользу всех членов семьи при использовании материнского капитала, хотя они и уменьшают потенциальную конкурсную массу. Сделан вывод об учете норм семейного законодательства при оспаривании сделок несостоятельного должника.

Ключевые слова: сделки; действия; несостоятельность (банкротство); должник; процедура банкротства; недействительность; основания оспаривания; брачный договор; раздел имущества; Паулианов иск.

Для цитирования: Шишмарева Т. П. Оспаривание семейно-правовых сделок (действий) несостоятельного должника // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 116–123. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.116-123.

Challenging Family Law Transactions (Actions) of an Insolvent Debtor

Tatyana P. Shishmareva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
tpshishmareva@msal.ru

Abstract. The paper examines the specifics of challenging transactions (actions) of an insolvent debtor regarding the division of common joint property of spouses, which cause property damage to creditors in insolvency (bankruptcy) procedures. General civil and special grounds for invalidity of transactions (actions) of the debtor and

© Шишмарева Т. П., 2025

* Шишмарева Татьяна Петровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
tpshishmareva@msal.ru

the peculiarities of their classification in judicial practice, as well as the relationship between general civil and special grounds are highlighted. The transactions (actions) that are most frequently challenged in judicial practice and the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation are analyzed. Particular attention is given to the analysis of objective and subjective grounds for challenging on special grounds using the Paulian action as the main means of challenging in insolvency proceedings. It is noted that it is impossible to cancel transactions concluded in favor of all family members using maternity capital funds, although they reduce the potential bankruptcy estate. A conclusion is made about taking into account the norms of family law when challenging the transactions of an insolvent debtor.

Keywords: transactions; actions; insolvency (bankruptcy); debtor; bankruptcy procedure; invalidity; grounds for challenge; prenuptial agreement; division of property; Paulian action.

Cite as: Shishmareva TP. Challenging Family Law Transactions (Actions) of an Insolvent Debtor. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):116-123. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.116-123.

Введение

Должники в предвидении несостоятельности и введения процедуры над их имуществом часто совершают сделки с целью недопущения обращения взыскания по их долгам. Если имущество находится в общей совместной собственности, то контрагентом по таким сделкам является супруг (бывший супруг). Среди таких сделок следует выделить брачные договоры (ст. 40–44 СК РФ), соглашения о разделе имущества (п. 2 ст. 38 СК РФ), об определении долей, об уплате алиментов, иные соглашения. По данным Федресурса, существенно увеличивается количество исковых заявлений о признании сделок (действий) должника недействительными. Так, в 2019 г. поступило 11 010 заявлений, в 2022 г. — 19 581. В 2023 г. число заявлений возросло до 23 446, из них удовлетворено 9 072 (39 % из числа принятых к рассмотрению)¹; за шесть месяцев 2024 г. — 12 189 заявлений². В СПС «КонсультантПлюс» размещено свыше 900 судебных актов об оспаривании в процедурах банкротства сделок по разделу имущества между супругами.

Оспаривание сделок (действий) по общегражданским основаниям

Признание сделок недействительными в процедурах банкротства производится по общегражданским и специальным основаниям согласно п. 1 ст. 61.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»³ (далее — Закон о банкротстве).

В судебной практике общегражданские основания для оспаривания сделок должника, в том числе семейно-правовых, применяются только в том случае, если совершенные должником противоправные действия не могут быть квалифицированы как подозрительные или совершенные с предпочтительностью удовлетворения требований отдельных кредиторов.

В абзаце 2 п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48⁴ уточняется о возможности оспаривания внесудебных соглашений о разделе имущества по основаниям, предусмотренным статьями 10, 168, 170, п. 1 ст. 174.1 ГК РФ.

¹ Статистический бюллетень Федресурса по банкротству за 2023 год // Официальный сайт Федресурса. URL: <https://fedresurs.ru/news> (дата обращения: 20.11.2024).

² Статистический бюллетень Федресурса по банкротству за первое полугодие 2024 года // Официальный сайт Федресурса. URL: <https://fedresurs.ru/news> (дата обращения: 20.11.2024).

³ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 08.08.2024, с изм. от 07.10.2024) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

В судебных актах достаточно часто основанием оспаривания служат статьи 10, 168 ГК РФ (постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.08.2024 № 19АП-3934/2024 по делу № А35-10489/2023⁵), когда действия супругов представляют собой форму злоупотребления правом. Такие действия следует квалифицировать в качестве шиканы, поскольку они совершаются с целью причинения имущественного вреда кредиторам посредством вывода имущества для недопущения обращения на него взыскания при признании супругов несостоятельными (банкротами). Статьи 10, 168 ГК РФ применяют в судебной практике, когда действия супругов оценивают как явное злоупотребление правом. Так, по делу о банкротстве К. супруги заключили брачный договор после привлечения к ответственности одного из них за причинение убытков ООО, предусмотрев в договоре переход всего общего имущества одному из супругов⁶.

Кроме того, действия супругов квалифицируются в судебной практике в качестве мнимых сделок, и признание их недействительными производится на основании ст. 170 ГК РФ, когда сделка совершается исключительно для недопущения обращения взыскания на имущество, а должник не представляет доказательств выбытия имущества из его фактического владения⁷. В некоторых случаях, анализируя обстоятельства совершения сделки, суды ссылаются одновременно на основания недействительности, предусмотренные пунктом 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, статьями 10, 168 и 170 ГК РФ⁸.

Однако сделки, совершенные без учета интересов всех членов семьи, могут признаваться

недействительными, хотя они направлены на увеличение размера общей собственности супругов.

Как известно, недвижимое имущество зачастую приобретается в собственность супругов с использованием кредитных средств, обеспеченных ипотекой, а также средств материнского капитала.

М. в браке приобрела земельный участок и дом в собственность на кредитные средства банка. После рождения второго ребенка она получила государственный сертификат на материнский (семейный) капитал, средства которого были израсходованы на благоустройство дома и участка. М. обязалась после получения денежных средств из Пенсионного фонда РФ оформить дом и участок в долевую собственность всех членов семьи, однако своего обязательства не исполнила. После расторжения брака бывший супруг обратился с иском в суд о прекращении права собственности супруги и признании за ним и несовершеннолетними детьми по 1/4 в праве собственности на жилой дом и земельный участок. При разрешении спора банк указывал, что без его согласия невозможно распоряжаться заложенным имуществом до полного погашения кредита и прекращения права ипотеки (дело № 33-29643/2021, 2-1525/2020).

Регулирование вещных и обязательственных отношений при получении средств материнского капитала производится Гражданским кодексом РФ, Федеральным законом от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»⁹,

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.09.2024 № Ф03-2974/2024 по делу № А51-14285/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.07.2024 № Ф09-3893/24 по делу № А60-19931/2023 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.08.2023 № Ф05-15478/2023 по делу № А40-250476/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 15.04.2024 по делу № А40-234495/21 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.08.2024 № 09АП-31184/2024, 09АП-31188/2024 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.10.2024 № Ф05-30110/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Федеральный закон от 29.12.2006 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 19.

Правилами направления средств материнского капитала на улучшение жилищных условий¹⁰. Суд первой инстанции вынес решение в пользу истцов, однако суд апелляционной инстанции отменил решение и отказал в иске, мотивировав свое решение необходимостью учета интересов банка, у которого имущество находится на праве ипотеки¹¹. Верховный Суд РФ признал, что распоряжение заложенным имуществом в случаях, предусмотренных законом, согласно п. 1 ст. 353 ГК РФ может производиться без согласия залогодержателя с сохранением права залога и переходом прав и обязанностей залогодателя на всех членов семьи¹². Аналогичная позиция высказана и по поводу социальных выплат целевого характера, предусмотренных условиями подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей федеральной целевой программы “Жилище”» 2011–2015 гг.¹³ Поэтому при банкротстве одного из супругов, оформивших право собственности без учета интересов всех членов семьи, производится признание права собственности за всеми членами семьи. Сделки по переходу права собственности на всех членов семьи не могут быть признаны недействительными ни по общегражданским, ни по специальным основаниям, хотя они и способствуют уменьшению конкурсной массы, поскольку в законодательстве содержатся специальные правила об использовании средств материнского капитала или иных целевых выплат социального характера.

Оспаривание сделок (действий) по специальным основаниям

Оспариванию в процедурах банкротства подлежат не только сделки, но и правовые действия согласно ст. 61.1 Закона о банкротстве, которые не являются сделками в соответствии с ГК РФ. В доктрине Германии к ним применяется понятие «сделкоподобные действия» (*rechtsgeschäftsähnliche Handlungen*)¹⁴, что находит признание и в российской доктрине¹⁵.

Иногда для возвращения имущества в конкурсную массу не требуется аннулировать сделку, достаточно лишь оспорить правовое действие, в результате которого произошло выбытие имущества.

Недействительность некоторых семейно-правовых сделок в судебной практике оценивается иначе по сравнению с законодательством о банкротстве. Так, ранее в судебной практике сделки дарения общего имущества между супругами признавались недействительными. Однако в 2024 г. коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ высказала новую точку зрения в отношении таких споров.

При разрешении спора между бывшими супругами о принадлежности подаренного в браке автомобиля, который был общим совместным имуществом, суд первой инстанции признал, что сделка дарения не является основанием для прекращения режима совместной собственности. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указывает, что сделка дарения доли в праве общей

¹⁰ Правила направления средств (части средств) материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий, утв. постановлением Правительства РФ от 12.12.2007 № 862 (ред. от 05.08.2024) // СЗ РФ. 2007. № 51. Ст. 6374.

¹¹ Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 13.09.2021 по делу № 33-29643/2021, 2-1525/2020.

¹² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.02.2023 № 18-КГ22-144-К4 (УИД 23RS0057-01-2020-002312-10) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07.08.2018 № 46-КГ18-30 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ *Hamburger Kommentar zur Insolvenzordnung* / Herausgegeben von Dr. A. Schmidt. 3 überarb. und erw. Auflage. Münster : Lexis Nexis Deutschland GmbH, 2009. S. 1229.

¹⁵ *Мамбетов Д. Р. О сделкоподобных действиях* // Вестник экономического правосудия в Российской Федерации. 2023. № 12. С. 46–64 ; 2024. № 1. С. 96–145.

собственности допустима на основе свободного волеизъявления, вполне соответствует закону, а супруг вправе подарить не только личное имущество другому супругу, но и долю в праве общей совместной собственности¹⁶, хотя в режиме совместной собственности доли по закону не выделяются, и по этой причине, на наш взгляд, требуется предварительно произвести раздел имущества.

В связи с высказанной правовой позицией Верховного Суда РФ возникают проблемы оспаривания сделок дарения в процедурах банкротства. Полагаем, что Верховный Суд РФ не учитывает особенности применения Паулианова иска.

Между тем сделки дарения признаются недействительными по специальным основаниям в процедурах банкротства, когда один из супругов выступает должником, у которого недостаточно имущества для удовлетворения требований кредиторов. Зачастую супруги совершают сделки дарения с целью вывода активов из будущей конкурсной массы. Для аннулирования совершенного между супругами дарения, оцениваемого в качестве фraudаторного поведения, необходимы объективные и субъективные основания, если сделка квалифицируется в качестве подозрительной по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, совершена в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после этого, а именно: а) причинение имущественного вреда кредиторам; б) умысел должника при совершении сделки на причинение такого вреда; в) недобросовестность контрагента, т.е. супруга. В данном случае применяется классический Паулианов иск, известный в римском праве, закрепленный в действующем законодательстве о несостоятельности (банкротстве)¹⁷.

Наиболее распространенными для вывода активов выступают брачные договоры, которые, как правило, в судебной практике квалифицируют в качестве подозрительных сделок, совершенных с целью причинения имущественного вреда кредиторам. Поскольку и в этом случае следует применять классический Паулианов иск, постольку опровержение сделки или действий, совершенных во исполнение заключенной сделки, производится по тождественным правилам.

Г. Ф. Шершеневич, анализируя основания предъявления Паулианова иска, писал, что «доказывание злого намерения со стороны несостоятельного должника представляет необыкновенные затруднения, лишаящие всякого значения самое юридическое орудие защиты»¹⁸.

Для доказывания умысла должника на причинение вреда кредиторам используется презумпция, закрепленная в абз. 2 п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, включающая установление двух юридических фактов, при подтверждении которых предполагается: 1) у должника к моменту или в результате совершения сделки имелись или появились признаки неплатежеспособности или недостаточности имущества; 2) безвозмездность сделки или совершение сделки с заинтересованным лицом. Юридические факты презумпции могут быть и иными в зависимости от вида сделки (действия), что отражено в диспозиции нормы.

В судебной практике признано, что установление факта неплатежеспособности, являющейся универсальным основанием для введения процедуры банкротства, требует оценки финансового состояния должника и подтверждается наличием неисполненных обязательств перед кредиторами¹⁹, т.е. выявлением признаков неплатежеспособности в виде прекра-

¹⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.07.2024 № 117-КГ24-7-К4 (УИД 92RS0002-01-2023-001202-19) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См. подробнее: *Шихмарева Т. П.* Правовые средства регулирования отношений несостоятельности в римском праве // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2021. № 12. С. 103–105.

¹⁸ *Шершеневич Г. Ф.* Конкурсное право. 2-е изд. Казань : Типография Императорского университета, 1898. С. 271.

¹⁹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.02.2018 № 305-ЭС17-11710(3) по делу № А40-177466/2013 ; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.10.2024 № Ф04-7913/2024 по делу № А03-18770/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

щения платежей в связи с недостаточностью денежных средств, что нашло отражение в легальном определении (абз. 36 ст. 2 Закона о банкротстве).

Р. Борк уточняет, что определение признаков неплатежеспособности производится по прекращенным платежам с наступившим сроком исполнения по так называемому хозяйственно-криминальному методу (*wirtschaftskriminalische Methode*)²⁰. Однако, по мнению Р. Борка, даже при отсутствии прекращения платежей должником могут быть выявлены признаки неплатежеспособности на основе ликвидационного баланса, по так называемому хозяйственному методу (*betriebswirtschaftliche Methode*)²¹, когда можно анализировать имущественное положение предприятия должника.

Супруги, согласно ст. 19 Закона о банкротстве, входят в круг заинтересованных лиц, которым известны или должны быть известны сведения о финансовом состоянии другого супруга, что облегчает доказывание.

Недобросовестность контрагента по сделке может быть доказана и с применением презумпции, закрепленной в п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, в состав которой входят альтернативные обстоятельства: заключение сделки с заинтересованным лицом или участие в сделке контрагента, которому известно об ущемлении интересов кредитора либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества.

Использование презумпций значительно облегчает доказывание субъективных оснований оспаривания, однако необходимо учитывать опровержимость любой презумпции, а также возможность доказывания умысла должника и недобросовестности контрагента без использования анализируемых презумпций, что признают в судебной практике²².

При оспаривании брачных договоров возникает проблема возможности применения в качестве основания недействительности неравноценности, согласно п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Иногда в судебных актах оценивают неравноценность (постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15.12.2023 № Ф01-6382/2023 по делу № А43-19913/2021; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 09.06.2023 № Ф04-2038/2023 по делу № А70-9582/2020²³), а применяют как основание оспаривания достаточно редко, чаще всего обращаются все-таки к п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве или к общегражданским основаниям, предусмотренным статьями 10, 168 ГК РФ, когда квалифицируют действия супругов по выводу активов как форму злоупотребления правом.

Супруги С. в 2015 г. после расторжения брака заключили соглашение о разделе общего совместного имущества, в результате чего бывшей супруге передано 57 % общего имущества стоимостью 758 млн руб., а супругу, в отношении имущества которого в 2016 г. введена процедура реструктуризации долгов, перешло имущество стоимостью 578 млн руб. (43 % общего совместного имущества). Долг по кредитному договору с банком составляет 144 млн руб., по налогам — 2 млн руб. Финансовый управляющий в процедуре реализации имущества оспорил сделку о разделе имущества. Суд первой инстанции в иске отказал. Суд апелляционной инстанции отменил определение Арбитражного суда Тверской области от 28.08.2020 по делу № А66-9877/2016 и признал соглашение о разделе имущества недействительным, указав в мотивировочной части среди оснований оспаривания также и неравноценность произведенного раздела²⁴.

²⁰ Bork R. Grundfragen der Zahlungsunfähigkeit (§ 17 InsO) // Zeitschrift für Insolvenzrecht. 2005. № 3. Heft 1 ; *Idem*. Einführung in das Insolvenzordnung. 8 überbearb. Auflage. Mohr Siebeck, 2017. S. 53–54.

²¹ Bork R. Einführung in das Insolvenzordnung. S. 55–56.

²² Определение Верховного Суда РФ от 05.08.2019 № 83-ПЭК18 по делу № А40-177406/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

²³ СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.11.2020 № 14АП-8185/2020 по делу № А66-9877/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Могут ли быть оспорены по признаку неравноценности брачный договор и аналогичные сделки?

А. О. Гусев признает, ссылаясь на сложившуюся судебную практику, что брачные договоры не могут быть оспорены по признаку неравноценности²⁵.

Раздел имущества между супругами урегулирован статьей 38 СК РФ, в ст. 39 СК РФ указывается о равенстве долей. Однако отступления от принципа равенства допустимы, если супруги пришли к взаимному соглашению об этом, в противном случае сделка может быть признана недействительной по пороку воли или волеизъявления. Такое отступление может быть обусловлено защитой прав несовершеннолетних детей или интересов одного из супругов согласно п. 2 ст. 39.

Полагаем, что использование конструкции подозрительной сделки с неравноценным встречным предоставлением применимо к сделкам, имеющим эквивалентно-возмездный характер, при выявлении признака существенности неравноценного встречного предоставления²⁶. Несомненно, на основе заключенного между супругами договора возникает договор-

ное обязательственное правоотношение, в рамках которого и происходит раздел, однако для этого обязательства не всегда характерна взаимность предоставления, поскольку происходит не обмен благами между супругами, а лишь их раздел, хотя взаимность обязательства может возникнуть, если один из супругов получает при разделе денежную или иную компенсацию своей доли или ее части.

К тому же ввиду оценочного характера признак существенности неравноценного встречного предоставления не имеет установленного размера²⁷, что значительно усложняет оспаривание, хотя само оспаривание производится исключительно по объективным основаниям.

Именно поэтому в судебной практике чаще всего применяют оспаривание в качестве подозрительной сделки, совершенной с целью причинения имущественного вреда кредиторам, т.е. оспаривания по объективным и субъективным основаниям (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве).

Итак, оспаривание в процедурах банкротства семейно-правовых сделок (действий) должника производится с учетом особенностей, установленных семейным законодательством.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гусев А. О. О некоторых вопросах оспаривания в делах о банкротстве брачных договоров // Арбитражные споры. — 2021. — № 4.
2. Мамбетов Д. Р. О сделкоподобных действиях // Вестник экономического правосудия в Российской Федерации. — 2023. — № 12. — С. 46–64 ; 2024. — № 1. — С. 96–145.
3. Правовое регулирование банкротства : учебник / отв. ред. Е. Е. Енькова. — М. : Проспект, 2021. — 720 с.
4. Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. — 2-е изд. — Казань : Типография Императорского университета, 1898. — 498 с.
5. Шишмарева Т. П. Правовые средства регулирования отношений несостоятельности в римском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 12. — С. 103–105.
6. Bork R. Grundfragen der Zahlungsunfähigkeit (§ 17 InsO) // Zeitschrift für Insolvenzrecht: Konkurs, Treuhand, Sanierung. — 2005. — № 3. — Heft 1. — S. 1–13.

²⁵ Гусев А. О. О некоторых вопросах оспаривания в делах о банкротстве брачных договоров // Арбитражные споры. 2021. № 4.

²⁶ Правовое регулирование банкротства : учебник / отв. ред. Е. Е. Енькова. М. : Проспект, 2021. С. 213.

²⁷ Подробнее о подходах в судебной практике к установлению существенности неравноценного встречного предоставления см.: Правовое регулирование банкротства : учебник. С. 214–215.

7. Bork R. Einführung in das Insolvenzordnung. — 8 überbearb. Auflage. — Mohr Siebeck, 2017. — 301 S.
8. Hamburger Kommentar zur Insolvenzordnung / Herausgegeben von Dr. A. Schmidt. — 3 überarb. und erw. Auflage. — Münster : Lexis Nexis Deutschland GmbH, 2009. — 2089 S.

Материал поступил в редакцию 3 декабря 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gusev A. O. O nekotorykh voprosakh osparivaniya v delakh o bankrotstve brachnykh dogovorov // Arbitrazhnye spory. — 2021. — № 4.
2. Mambetov D. R. O sdelkopodobnykh deystviyakh // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya v Rossiyskoy Federatsii. — 2023. — № 12. — S. 46–64; 2024. — № 1. — S. 96–145.
3. Pravovoe regulirovanie bankrotstva: uchebnik / otv. red. E. E. Enkova. — M.: Prospekt, 2021. — 720 s.
4. Shershenevich G. F. Konkursnoe pravo. — 2-e izd. — Kazan: Tipografiya Imperatorskogo universiteta, 1898. — 498 s.
5. Shishmareva T. P. Pravovye sredstva regulirovaniya otnosheniy nesostoyatelnosti v rimskom prave // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2021. — № 12. — S. 103–105.
6. Bork R. Grundfragen der Zahlungsunfähigkeit (§ 17 InsO) // Zeitschrift für Insolvenzrecht: Konkurs, Treuhand, Sanierung. — 2005. — № 3. — Heft 1. — S. 1–13.
7. Bork R. Einführung in das Insolvenzordnung. — 8 überbearb. Auflage. — Mohr Siebeck, 2017. — 301 S.
8. Hamburger Kommentar zur Insolvenzordnung / Herausgegeben von Dr. A. Schmidt. — 3 überarb. und erw. Auflage. — Münster: Lexis Nexis Deutschland GmbH, 2009. — 2089 S.

Правовые проблемы посреднической деятельности на рынке цифровых финансовых активов

Аннотация. Децентрализованные финансы часто воспринимаются в качестве альтернативы рынку ценных бумаг, для которой нет необходимости в посредниках, тем не менее их участие способно значительно облегчить функционирование в том числе рынка криптоактивов. Это особенно актуально для российского рынка цифровых финансовых активов (ЦФА), который выстроен по модели, очень сходной с традиционным рынком ценных бумаг. Вместе с тем для функционирования посредников на рынке ЦФА в настоящее время существует значительное количество правовых препятствий. В статье исследованы пути построения инфраструктуры рынка ЦФА и предложены изменения нормативного регулирования, способствующие достижению этой цели. Определены законодательные барьеры для функционирования посредников на рынке ЦФА. Сделан вывод о возможности построения инфраструктуры посредников на рынке ЦФА путем сближения регулирования и правового режима ЦФА и бездокументарных ценных бумаг.

Ключевые слова: криптоактивы; цифровые финансовые активы; цифровые права; рынок ценных бумаг; посредники; оператор информационной системы; оператор обмена; Сингапур; Малайзия; блокчейн; токены; финансовый рынок; DeFi.

Для цитирования: Четвергов Д. С. Правовые проблемы посреднической деятельности на рынке цифровых финансовых активов // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 124–135. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.124-135.

Legal Issues of Intermediary Activities in the Digital Assets Market

Dmitry S. Chetvergov, Postgraduate Student, Department of Business Law, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University, 1st Category Expert, Financial Market Infrastructure Department, Bank of Russia, Moscow, Russian Federation
mitridat1999@yandex.ru

Abstract. Decentralized finance is often perceived as an alternative to the securities market, which does not require the participation of intermediaries; however, their participation can significantly facilitate the functioning of the crypto-asset market, among other things. This is especially relevant for the Russian digital financial assets market, which is built following a model very similar to the traditional securities market. At the same time, there are currently a significant number of legal obstacles to the functioning of intermediaries in the digital financial assets market. The paper examines some ways to build the infrastructure of the digital financial assets market.

© Четвергов Д. С., 2025

* Четвергов Дмитрий Сергеевич, аспирант кафедры предпринимательского права Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, эксперт 1-й категории Департамента инфраструктуры финансового рынка Банка России
Ленинские горы, д. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119991
mitridat1999@yandex.ru

and proposes changes to the regulatory framework that will help achieve this goal. Legislative barriers to the functioning of intermediaries in the digital financial assets market have been identified. A conclusion is made about the possibility of building an infrastructure of intermediaries in the digital financial assets market by bringing together the regulation and legal regime of digital financial assets and uncertificated securities.

Keywords: crypto assets; digital financial assets; digital rights; securities market; intermediaries; information system operator; exchange operator; Singapore; Malaysia; blockchain; tokens; financial market; DeFi.

Cite as: Chetvergov D. S. Legal Issues of Intermediary Activities in the Digital Assets Market. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):124-135. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.124-135.

Использование технологии распределенных реестров ассоциируется прежде всего со сферой финансов. Начало эры блокчейна ознаменовало появление первой цифровой валюты — биткойна. На первом этапе — «Блокчейн 1.0» — технология применялась в основном для создания криптовалют, которые служили частным средством платежа.

Следующий этап развития технологии — «Блокчейн 2.0» — предполагал дальнейшее распространение распределенных реестров в финансовой сфере и создание полноценных «децентрализованных финансов», включающих токены — ценные бумаги (security tokens), закрепляющие обязательственные или иные права¹. Токены — ценные бумаги стали инструментом, который позволил «оцифровать» такие классические финансовые инструменты, как акции или облигации. Преимущества данной формы существования финансовых инструментов — безопасность и удобство обращения².

Традиционно одним из главных плюсов децентрализованных реестров как способа совершения финансовых сделок считалось отсутствие в такой системе каких-либо посредников и возможность непосредственной передачи активов от одного лица другому (peer-to-peer) минуя банковскую или депозитарную инфраструктуру. О такой возможности упоминали П. Винья

и М. Кейси, рассматривая ее как новую ступень в развитии финансового рынка³.

Об отсутствии посредников как преимуществе технологии распределенных реестров упоминали и российские ученые-правоведы. Так, А. В. Турбанов называет блокчейн распределенной системой доверия без участия банков или каких-либо других финансовых посредников или регуляторов⁴. Л. А. Новоселова отмечает, что основная особенность цифровых прав, требующая специального режима, выражается в их способности переходить от одного лица к другому без посредников (депозитариев, регистраторов, банков и т.д.)⁵, а также достаточно радикально утверждает, что появление в правовом поле фигуры посредника способно навредить обороту цифровых активов и снизить привлекательность юрисдикции, не предусматривающей опосредованного обращения криптоактивов.

Таким подходом руководствовался и законодатель, устанавливая режим цифровых прав. В частности, в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ сказано, что осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

¹ Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы : монография. М., 2020. С. 34.

² Захаркина А. В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 511.

³ Винья П., Кейси М. Эпоха криптовалют. Как биткойн и блокчейн меняют мировой экономический порядок. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. С. 11.

⁴ Турбанов А. В. Сущность денежного суррогата // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 3. С. 59.

⁵ Оборот цифровых активов в России / К. Бормашева, Л. Новоселова, Р. Янковский [и др.] // Закон. 2020. № 12. С. 21.

Многим «криптоэнтузиастам» наличие посредников видится «необходимым злом» для более ранних этапов развития финансового рынка, в то время как возможность осуществления сделок без их участия — прогрессивным шагом, позволяющим снизить транзакционные издержки и упростить совершение финансовых сделок⁶.

Данная точка зрения представляется не вполне верной. Само по себе наличие посредников стало закономерным итогом развития гражданского оборота. В эпоху становления капиталистических отношений сделки на финансовом и товарном рынках совершались непосредственно, путем прямых займов и капиталовложений, поскольку были уделом профессиональных предпринимателей, профессионально и единолично осуществлявших свое дело⁷.

Развитие рынка шло по пути вовлечения в него большего числа людей, что привело к созданию акционерных обществ, привлекающих розничных инвесторов, а также возникновению новых инструментов рынка, таких как ценные бумаги и производные финансовые инструменты. Всё это способствовало увеличению числа сделок и их усложнению⁸. В свою очередь, развитие оборота новых финансовых инструментов опосредовало формирование новой категории инвесторов-спекулянтов, основным способом заработка которых служило не осуществление прав, а их перепродажа⁹. Это позволило превратить простой рынок обмена товара на деньги в сложную систему, в которой права являются самоценными и могут использоваться как инструмент предпринимательской деятельности.

Усложнение финансового рынка и приток на него всё новых и новых участников, в том числе розничных инвесторов, сделали необходимым привлечение профессионалов, опосредующих

осуществление таких отношений. До появления брокеров участникам сделок приходилось самостоятельно проводить транзакции, что требовало присутствия таких лиц на бирже. Естественно, в условиях, когда инвестор-спекулянт или эмитент каждый день должен совершать сотни транзакций, осуществлять их непосредственно становится трудно. Гораздо удобнее оказалось перепоручить заключение таких сделок профессионалу, который за комиссию сделает эту работу быстрее и в большем объеме. Особенно актуально использование посредников на рынке ценных бумаг, для которого характерны разнообразие и сложность сделок.

Наиболее распространенные виды посредников на финансовом рынке — так называемые профессиональные участники рынка ценных бумаг, упоминаемые в Федеральном законе от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»¹⁰. К ним относятся брокеры, дилеры, депозитари, регистраторы, доверительные управляющие и т.д. В основе их деятельности лежат сделки, направленные на переход прав на ценные бумаги от одних лиц к другим¹¹.

Таким образом, посредничество не является каким-либо «необходимым злом», затрудняющим гражданский оборот. Напротив, это инструмент, призванный упростить деятельность на сильно усложнившемся рынке.

Осуществляемые в сети блокчейн peer-to-peer-транзакции по своей сути есть простейшие сделки по передаче имущества, которые требуют участия владельца кошелька в моменте (то есть его личного участия в процессе обмена). Безусловно, на раннем этапе развития крипторынка, когда цифровые финансы были делом небольшой группы увлеченных новой технологией энтузиастов, такие операции могли удовлетворить потребности рынка.

⁶ Ethereum Proof of stake (PoS) mechanism // URL: <https://ethereum.org/en/developers/docs/consensus-mechanisms/pos/> (дата обращения: 29.09.2024).

⁷ Каминка А. И. Основы предпринимательского права. Петербург, 1917. С. 18.

⁸ Доронина Н. Г., Семилютин Н. Г. Международное частное право и инвестиции : монография. М. : ИЗИСП, Контракт, 2012. С. 98.

⁹ Каминка А. И. Указ. соч. С. 22.

¹⁰ СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

¹¹ Габов А. В. Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. М. : Статут, 2011. С. 312.

В настоящее время децентрализованные финансы используются множеством организаций и физических лиц, в том числе как инструмент в спекулятивных сделках¹². Появился полноценный рынок секьюрити-токенов, сходный с традиционным рынком ценных бумаг.

Это создает необходимость в появлении субъектов, которые могли бы оказывать услуги инфраструктуры для нового рынка, аналогичных профессиональным участникам рынка ценных бумаг. Об этом говорят аналитики «Сбера», отмечая, что отсутствие инфраструктуры и второго рынка стало одним из основных тормозов для развития рынка цифровых финансов в России¹³.

При этом создание в рамках российского права субъектов инфраструктуры рынка криптоактивов достаточно затруднительно, во многом препятствия для их образования носят юридический характер и связаны с существующими в настоящее время правовыми механизмами регулирования криптоактивов.

На сегодняшний день в российском праве регулируется только часть криптоактивов, наиболее распространенными из которых являются цифровые финансовые активы (ЦФА) — цифровые права, представляющие собой закрепленные в цифровой форме обязательственные или корпоративные права, предусмотренные Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁴. Цифровые финансовые активы в соответствии с классификацией, предложенной FINMA, относятся к токенам — ценным бумагам, или секьюрити-токенам¹⁵.

Формирование инфраструктуры рынка ЦФА, аналогичной инфраструктуре рынка ценных бумаг, возможно двумя путями. Первый — это

создание отдельных инфраструктурных организаций, выполняющих посреднические функции исключительно на рынке криптоактивов. Их образование возможно на базе уже существующих организаций, обеспечивающих функционирование ЦФА. Второй путь заключается в открытии доступа для традиционных посредников рынка ценных бумаг к децентрализованным финансам.

Модели посредничества на рынке цифровых финансовых активов

Следует отметить, что рынок ЦФА имеет определенную, предусмотренную законодательством инфраструктуру, субъектами которой являются операторы информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА (далее — оператор информационной системы), и операторы обмена ЦФА (далее — оператор обмена). Задачей этих организаций выступает в первую очередь техническое обеспечение оборота ЦФА, из-за чего их иногда называют техническими посредниками.

Зачастую данные организации рассматриваются не как посредники, а как лица, призванные обеспечивать техническое функционирование систем, выпускающих ЦФА¹⁶. При этом они, несмотря на установленную Гражданским кодексом РФ формальную невозможность распоряжения цифровым правом путем обращения к третьему лицу, обладают целым рядом функций, присущих классическим посредникам на рынке ценных бумаг.

Это объясняется той моделью построения рынка цифровых финансовых активов, которая была избрана законодателем. Как справедливо утверждают исследователи, Законом № 259-ФЗ был закреплен правовой режим только тех ак-

¹² Егорова М. А., Белицкая А. В. Публичное регулирование криптовалютных отношений в контексте риска национальной безопасности // Юрист. 2021. № 1. С. 4.

¹³ Анализ рынка долговых ЦФА. Для роста рынка ЦФА требуется развивать инфраструктуру // URL: <https://цфа.рф/Analizdolgovyhcfa/> (дата обращения: 29.09.2024).

¹⁴ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

¹⁵ Tasca P. Token-based business models // Disrupting Finance. Palgrave Pivot, Cham, 2019. P. 138.

¹⁶ Ч. 2 ст. 4 Закона № 259-ФЗ.

тивов, которые обращаются в так называемых частных распределенных реестрах, то есть реестрах, централизованных и контролируемых уполномоченным лицом — оператором информационной системы¹⁷. Оператор информационной системы, в частности, устанавливает правила обращения таких активов, вносит записи о приобретении и переходе прав на них¹⁸. Избранная модель не внедряет норм, регулирующих «классические» токены, выпускаемые в децентрализованных цифровых реестрах, и таким образом положения указанного Закона не регулируют большую часть обращающихся в мире токенов.

В настоящее время создан всего один оператор обмена ЦФА (на базе Московской биржи), и он пока не функционирует. Это означает, что в соответствии с ч. 5 ст. 2 и ч. 16 ст. 5 Закона № 259-ФЗ обращение ЦФА происходит внутри информационных систем каждого отдельного оператора информационной системы, где функции оператора обмена выполняются оператором информационной системы.

Учитывая вышесказанное, модель ЦФА, предусматривающая наличие частного распределенного реестра, не может не устанавливать посреднические функции оператора такого реестра. Исследователями неоднократно отмечалось сходство правовой модели деятельности оператора информационной системы и таких субъектов рынка ценных бумаг, как депозитарий и регистратор. Так, Л. А. Новоселова пишет, что в основе системы учета прав на цифровые финансовые активы лежат записи в информационной системе, вносимые оператором информационной системы по указанию владельца таких активов аналогично тому, как осуществляется регистрационный или депозитарный учет¹⁹.

Вместе с тем определенный законом функционал оператора информационной системы выходит за рамки прав и обязанностей депозитариев или регистраторов. Например, части 10 и 11 ст. 5 и ст. 5.1 Закона № 259-ФЗ предполагают выполнение оператором информационной системы расчетов по сделкам, заключаемым с использованием электронной платформы, а также открытие номинальных счетов для таких расчетов. Эти права наделяют оператора информационной системы функционалом уже не просто депозитария, а расчетного депозитария (расчетного банка).

При осуществлении функций оператора обмена оператор информационной системы принимает на себя, в частности, функции по обеспечению заключения сделок купли-продажи ЦФА путем сбора и сопоставления разнонаправленных заявок (ч. 1 ст. 10 Закона № 259-ФЗ), что является явным признаком деятельности организатора торговли и соответствует ст. 18 Федерального закона от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах»²⁰.

Предусмотренная частью 1 ст. 10 и частью 1 ст. 10.1 Закона № 259-ФЗ возможность оператора участвовать за свой счет в интересах третьих лиц в сделках в качестве стороны содержит элементы деятельности дилера (ст. 4 Закона № 39-ФЗ) и центрального контрагента (п. 17 ст. 2 Федерального закона от 07.02.2011 № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте»²¹).

Оператор информационной системы (оператор обмена) вправе осуществлять признание лиц квалифицированными инвесторами в соответствии с ч. 6 ст. 6 и ч. 15 ст. 10 Закона № 259-ФЗ. Такой функцией не наделяется депозитарий или регистратор, но она присуща иным

¹⁷ Карелина С. А., Фролов И. В. Правовое регулирование обращения криптовалюты и технологий блокчейн в России: проблемы правоприменения в экономической деятельности и сфере несостоятельности (банкротства) // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2019. С. 118.

¹⁸ Ч. 2 ст. 4 Закона № 259-ФЗ.

¹⁹ Оборот цифровых активов в России / К. Бормашева, Л. Новоселова, Р. Янковский [и др.]. С. 20.

²⁰ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6726.

²¹ СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 904.

лицам, таким как брокеры, дилеры, управляющие и т.д.

На оператора информационной системы возложена обязанность контроля за соблюдением требований законодательства, в том числе возможность блокировать прохождение транзакции в случае нарушения пользователем информационной системы законодательства.

Таким образом, оператор информационной системы не просто имеет некоторые признаки посредника, а выполняет целый ряд функций, присущих различным участникам традиционного рынка ценных бумаг. Очевидно, что, поскольку текущий функционал операторов не исчерпывает весь спектр посреднической деятельности, имеющихся у них возможностей недостаточно для построения развитого рынка, сопоставимого с рынком ценных бумаг. На рынке ЦФА всё еще невозможна деятельность доверительных управляющих, брокеров, акционерных инвестиционных фондов, управляющих компаний паевых инвестиционных фондов и т.д.

Исходя из изложенного, полагаем, что для создания развитого рынка на базе существующей инфраструктуры операторов информационной системы и операторов обмена необходимо расширить их возможности, разрешив таким лицам осуществлять деятельность, присущую всем видам посредников на рынке ценных бумаг, итогом чего будет появление неких «суперпосредников», которые будут сочетать в себе функционал брокеров, дилеров, депозитариев, регистраторов, клиринговых организаций, доверительных управляющих и т.д.

Основным преимуществом подобного подхода могло бы стать увеличение прибыли операторов, бизнес-модель которых в настоящее время основана на получении комиссий за транзакции и является убыточной ввиду малого количества таких транзакций и небольших размеров комиссий²².

Не вызывает сомнений, что возложение столь широкого круга обязанностей на операторов повлечет необходимость значительного увеличения расходов, а также серьезно увеличит регуляторную нагрузку на них. К тому же это вынудит операторов осуществлять деятельность, совершенно им не свойственную, и вызовет необходимость построения рынка с нуля.

В этой связи более логичным и обоснованным выглядит предоставление доступа на рынок ЦФА традиционным участникам рынка ценных бумаг. Как справедливо отмечает Е. Н. Абрамова, участники рынка ценных бумаг обладают многолетним опытом работы с финансовыми инструментами и, как следствие, обширной клиентской базой²³. Формирование единой инфраструктуры рынка ценных бумаг и рынка ЦФА может пройти относительно безболезненно по причине сходства традиционных бездокументарных ценных бумаг и ЦФА.

Регулирование деятельности операторов может быть достаточно легко адаптировано к регуляторным моделям, присущим рынку ценных бумаг, учитывая, что за основу их правового режима взяты нормы, относящиеся к деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг.

В каком-то смысле такое сращивание уже происходит. К операциям с ЦФА допущены номинальные держатели, которые представляют собой классических депозитариев и выполняют аналогичные функции на рынке ценных бумаг. Кроме того, ЦФА в соответствии с недавними новеллами Закона № 259-ФЗ могут зачисляться и иностранному номинальному держателю, который в большинстве случаев является депозитарием и принимает участие в операциях на рынке ценных бумаг иностранных государств.

Уже сейчас операторы могут существовать в рамках одной группы компаний с традицион-

²² Гончарова М. В., Гончаров А. И., Споловухин О. Ю. Экономические интересы и риски участников операций с цифровыми финансовыми активами // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. Т. 25. № 2. С. 111.

²³ Абрамова Е. Н. Цифровой финансовый актив как цифровая ценная бумага // Гражданское право. 2024. № 1. С. 11.

ными посредниками на рынке ценных бумаг и успешно взаимодействовать с ними. Так, в экосистеме «Сбера», где сосуществуют оператор информационной системы, депозитарий, брокер и банк, возможно значительное снижение транзакционных издержек от взаимодействия этих организаций. В то же время создание больших холдингов, включающих операторов информационной системы и другие инфраструктурные организации, позволит нивелировать риски, связанные с низкой рентабельностью операторов, и уберечь инвесторов от угрозы ухода операторов с рынка.

Подобное слияние способно повысить и качество работы операторов, поскольку их поведение на рынке будет напрямую влиять на деловую репутацию всей группы компаний, что приведет к необходимости соблюдения внутригрупповых стандартов качества.

Объединение влечет за собой и существенные риски для стабильности финансового рынка. Это прежде всего усиление рыночной концентрации и повышение риска злоупотребления со стороны крупных холдингов доминирующим положением на рынке. В отличие от высококонкурентной профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, где существует более 250 депозитариев и примерно такое же количество брокеров, рынок ЦФА рискует оказаться в полной зависимости от небольшого числа крупных игроков, которые смогут эффективно интегрировать операторов в свою экосистему.

Указанное потребует в том числе изменения подходов к регулированию и надзору за операторами со стороны Банка России, которые должны будут ориентироваться на действующее антимонопольное законодательство²⁴.

Правовые преграды для функционирования посредников на рынке цифровых финансовых активов

Независимо от того, будет ли инфраструктура рынка ЦФА создаваться с чистого листа или ее

развитие пойдет по пути сращивания с инфраструктурой рынка ценных бумаг, это потребует внесения изменений в законодательство и в первую очередь в ст. 141.1 ГК РФ в части исключения указания на обращение цифровых прав без участия третьего лица. Несмотря на ряд посреднических функций операторов информационной системы и операторов обмена ЦФА, это положение ГК РФ, как представляется, не позволяет в достаточной степени урегулировать весь спектр посреднических услуг в отношении ЦФА.

Вероятно, законодатель всё еще пытается действовать в парадигме, предполагающей, что оператор не является посредником в классическом смысле, а осуществляет техническое обеспечение и функционирование информационной системы. Об этом говорит избегание в тексте Закона № 259-ФЗ словесных конструкций, характерных для законодательства, регулирующего деятельность участников рынка ценных бумаг. Например, в ч. 2 ст. 4 упоминается внесение записей в информационную систему и их изменение «по указанию» обладателя ЦФА, а не «по поручению», как в соответствующих положениях законодательства, регулирующих депозитарную деятельность.

Стоит согласиться с Л. В. Санниковой и Ю. С. Харитоновой в том, что конструкция цифровых прав, предложенная Гражданским кодексом РФ, вступает в противоречие с избранной регуляторной моделью ЦФА²⁵. Закрепленное в Кодексе понятие относится скорее к токенам, выпускаемым в децентрализованных реестрах, где отсутствует учетный институт в лице оператора, хотя и в таких реестрах возможно участие третьих лиц, выступающих в роли посредников.

В качестве альтернативы можно попытаться исключить из Закона № 259-ФЗ указание на то, что ЦФА являются цифровыми правами, но в таком случае понятие цифровых прав вновь рискует оказаться бессодержательным, и целесообразность его сохранения в ГК РФ окажется достаточно сомнительной.

²⁴ Банк России начинает общественные консультации о роли экосистем в экономике и на финрынке // URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=9715> (дата обращения: 25.11.2024).

²⁵ Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Указ. соч. С. 231.

В пользу того, что первоначально конструкция ЦФА не была приспособлена для функционирования посредников, говорит и текущая редакция Закона № 269-ФЗ, которая фактически не допускает управление ЦФА лицом, не являющимся их обладателем.

Ввиду того что технически распоряжение ЦФА осуществляется с помощью кода (ключа), находящегося у их обладателя²⁶, потенциальный посредник для совершения сделок с ЦФА своего клиента должен будет постоянно запрашивать от владельца ключа подтверждение каждой транзакции. Решением этой проблемы может быть передача посреднику активов на счет, который позволит ему совершать транзакции с помощью своего собственного ключа так, чтобы при этом гарантировались права обладателя ЦФА.

Традиционному рынку ценных бумаг давно известны конструкции, при которых доверенное лицо может свободно распоряжаться активами, не являясь их собственником. Такая конструкция охватывается общим наименованием «номинальный счет», а посредник, на которого возложен контроль над активами клиента, без перехода титула может называться, в зависимости от договорных отношений с клиентом, номинальным держателем или доверительным управляющим (в английском языке существует общий термин — *nominee*). В российском праве такими конструкциями являются, например, доверительное управление (гл. 53 ГК РФ, ст. 5 Закона № 39-ФЗ) или номинальное держание (в том числе иностранным номинальным держателем), при котором номинальный держатель может совершать операции с активами без поручения владельца (собственника) активов. Указанные конструкции составляют основу деятельности посредников на рынке ценных бумаг.

Применительно к рынку ЦФА данные конструкции оказываются нереализуемыми по причинам чисто юридического характера. Части 2 и 7 ст. 4 Закона № 259-ФЗ предусматривают, что

обладателем ЦФА является лицо, определенное в информационной системе, а внесение изменений в информационную систему влечет переход прав на ЦФА. Таким образом, единственным владельцем цифрового финансового актива может быть только то лицо, на счете (в кошельке) которого в информационной системе значится этот актив.

Всё это делает принципиально невозможной конструкцию номинального счета, при которой номинальный держатель вправе распоряжаться активами, принадлежащими третьему лицу.

В настоящее время Закон № 259-ФЗ допускает возможность зачисления ЦФА на счет номинального держателя — депозитария, но, поскольку подобное зачисление не сопровождается перемещением ЦФА в информационной системе, такое номинальное держание происходит только внутри системы депозитарного учета, а сам ЦФА не может быть произвольно передан другому лицу, так как это потребует изменения записи в информационной системе, которое осуществляется только с помощью кода (ключа) обладателя ЦФА.

В связи с изложенным единственной доступной моделью осуществления деятельности номинальных держателей и управляющих на российском рынке ЦФА может быть модель депозита. В соответствии с моделью депозита права на активы передаются держателю в полном объеме, а у держателя, в свою очередь, появляется обязанность по возврату такого же количества аналогичных активов. Эта модель сходна с оборотом безналичных денежных средств, которые также представляют собой права требования от банка по возврату наличных денег²⁷.

Модель депозита достаточно распространена на рынке криптоактивов. Крупнейшая криптобиржа Binance работает именно по модели депозита, при которой криптоактивы, находящиеся на счетах пользователей, на самом деле передаются бирже. Поэтому и модель депозита называют моделью Binance²⁸.

²⁶ П. 2 ч. 7 ст. 4 Федерального закона № 259-ФЗ.

²⁷ Крылов О. М. Деньги как безналичные денежные средства: вопросы правового регулирования в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4 (58). С. 156.

²⁸ URL: <https://research.binance.com/static/pdf/institutional-custody-in-crypto--.pdf> (дата обращения: 24.10.2024).

Данная модель имеет существенные недостатки, связанные прежде всего с обязательственным характером отношений между первоначальным собственником криптоактивов и посредником, становящимся новым собственником. Применительно к модели депозита отсутствует сегрегация активов, принадлежащих номинальному держателю, от активов, принадлежащих его клиентам. Активы, переданные в депозит посреднику, в случае банкротства последнего попадут в конкурсную массу, а после будут распределены между всеми его кредиторами аналогично тому, как деньги на депозитах распределяются между кредиторами признанного несостоятельным банка.

Указанный риск неоднократно реализовывался применительно к крипторынку. Так, при банкротстве криптобирж FTX и Celsius Network многие инвесторы потеряли числящиеся за ними цифровые активы по причине включения их в конкурсную массу обанкротившихся посредников²⁹.

Эффективное обеспечение прав инвестора при передаче права собственности на актив посреднику возможно только в тех правовых порядках, которые допускают существование доверительной собственности (траста). Конструкция траста предполагает обязательное отделение активов, принадлежащих доверительному собственнику (трасти), от активов, принадлежащих его доверителям, что подразумевает в том числе банкротный иммунитет для таких активов³⁰. По модели траста работает, в частности, институт *nominee* на рынке криптоактивов Сингапура, где номинальный держатель цифровых активов выступает в роли трасти³¹.

Исторически возникший в рамках системы общего права траст тем не менее существует в некоторых странах континентальной правовой системы, например в КНР³². Несмотря на преимущества института траста, вопрос введения его в российское законодательство остается крайне спорным и требующим обстоятельного исследования, ввиду чего он не включается в предмет настоящей статьи. Впрочем, именно трастовая модель оптимальна для построения инфраструктуры посредников на рынке ЦФА при сохранении текущего регулирования.

Альтернативным решением проблемы могла бы стать легализация номинальных счетов (кошельков) в информационной системе аналогично номинальным счетам в системе учета бездокументарных ценных бумаг (прав на бездокументарные ценные бумаги). Номинальные кошельки позволят передать цифровой актив посреднику, а также предоставить ему право на распоряжение такими активами, сохраняя права на них за инвестором.

Этот подход применяется при регулировании обращения криптоактивов с использованием посредников в странах континентально-правовой системы. В малайзийском Руководстве по цифровым активам, выпущенном в дополнение к Закону о рынках капитала и услуг 2007 г., хранитель (кастодиан) определяется как лицо, предоставляющее услуги по хранению цифровых активов за счет другого лица. Речь идет об услугах на рынке капитала для целей раздела Закона о рынке капитала и услуг³³.

Следует подчеркнуть, что указанным хранителем должен быть оператор информационной

²⁹ Подробнее об этом см.: URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/65b7a4759a79477cfd9007d8> ; URL: <https://pravo.ru/story/250130/> (дата обращения: 24.10.2024).

³⁰ Faust D. I. Asset Protection Trusts: Some Practical Guidelines // *Trusts in Prime Jurisdictions* / ed. by A. Kaplan. 3rd ed. Globe Business Publishing Ltd, 2010. P. 451.

³¹ Cryptoassets & Blockchain: Switzerland / R. B. Levin, K. Tran, M. Kilissanly (Consulting editors). 2022 // URL: <https://mll-legal.com/wp-content/uploads/2022/12/2023-Cryptoassets-Blockchain-Switzerland.pdf> (дата обращения: 24.10.2024).

³² Lee R. Conceptualizing the Chinese Trust // *International & Comparative Law Quarterly*. 2009. Vol. 58. No. 3. P. 655–669. DOI: 10.1017/S0020589309001183.

³³ Ili Syazwani Shairi. Regulation of Digital Asset Offering and Trading in Malaysia // URL: <https://www.azmilaw.com/insights/regulation-of-digital-asset-offering-and-trading-in-malaysia/>.

системы, зарегистрированный в Комиссии по ценным бумагам в качестве хранителя в дополнение к регистрации в качестве оператора информационной системы³⁴.

Сходную точку зрения находим в законодательстве ОАЭ, где в эмирате Дубай недавно созданное Управление по регулированию виртуальных активов (VARA) опубликовало свод правил по кастодиальным услугам (VARA Rulebook) в рамках Положения о виртуальных активах и связанной с ними деятельности 2023 г. Правила VARA определяют, что отношения между хранителем криптоактивов и клиентом представляют собой договорное соглашение, по которому клиент, собственник или лицо, имеющее иное право контролировать криптоактивы, передает контроль (а не правовой титул) над криптоактивами провайдеру кастодиального кошелька (номинального счета) исключительно с целью обеспечения номинального держания³⁵.

Общей линией регулирования деятельности посредников как по трастовой модели, так и по модели номинальных счетов является законодательно определенная сегрегация активов номинального держателя и его клиента.

Применение данного подхода в российском законодательстве будет означать изменение текущего законодательства в части отказа от позиции, при которой ЦФА может значиться только на счете (кошельке) своего собственника. Необходимо включение в законодательство нормы, аналогичной положениям о номинальном держателе, в соответствии с которой со счета (кошелька) номинального держателя ЦФА могут списываться номинальным держателем без предварительного одобрения собствен-

ника. Обязательной должна стать и сегрегация активов обладателя и посредника, в том числе обеспеченная путем внесения изменений в Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»³⁶, а также в Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»³⁷, дабы наделить активы клиентов посредника исполнительским и банкротным иммунитетом.

Из изложенного можно сделать вывод, что наиболее простым и удобным направлением для реформирования законодательства о ЦФА с целью создания инфраструктуры посредников на этом рынке является установление регулирования, аналогичного традиционному рынку ценных бумаг. Это и не удивительно, поскольку избранная законодателем модель ЦФА очень близка к бездокументарной ценной бумаге, о чем, в частности, обоснованно говорит Е. А. Суханов³⁸.

Очевидно и то, что на сегодня основное преимущество ЦФА перед ценной бумагой, как справедливо отмечает Г. А. Вакулина, заключается в упрощенных по сравнению с эмиссионными ценными бумагами процедурах эмиссии и обращения³⁹. Сходную позицию занимает и А. И. Химченко⁴⁰. Проще говоря, регуляторный арбитраж — это основной фактор, привлекающий инвесторов на рынок ЦФА.

Сближение правовых режимов ЦФА и ценных бумаг неизбежно приводит к постановке вопроса о целесообразности сохранения такого регуляторного арбитража. Если возможности по обращению ЦФА будут аналогичны существующим на рынке ценных бумаг, то неизбежной окажется и дальнейшая унификация

³⁴ Ili Syazwani Shairi. Op. cit.

³⁵ D. Ballon Ossio, L. Nixon, M. Yates. Custody of cryptoassets: moving towards industry best practice. Clifford Chance (P. 33) // URL: <https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2023/06/custody-of-cryptoassets.pdf> (дата обращения: 24.10.2024).

³⁶ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

³⁷ СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

³⁸ Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 7–29.

³⁹ Вакулина Г. А. О видах цифровых прав // Хозяйство и право. 2023. № 6. С. 6.

⁴⁰ Химченко А. И. Цифровые финансовые активы: вопросы защиты прав и доверия инвесторов // Юрист. 2024. № 7. С. 22.

правовых режимов. В этом случае рынок ЦФА станет лишь одним из элементов рынка ценных бумаг и в отсутствие преимуществ перед иными финансовыми инструментами рискует

потерять актуальность и превратиться лишь в одну из форм традиционных ценных бумаг, целесообразность существования которой смогут оценить только инвесторы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамова Е. Н.* Цифровой финансовый актив как цифровая ценная бумага // Гражданское право. — 2024. — № 1. — С. 10–13.
2. *Вакулина Г. А.* О видах цифровых прав // Хозяйство и право. — 2023. — № 6. — С. 3–12.
3. *Винья П., Кейси М.* Эпоха криптовалют. Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок / пер. с англ. А. Шмидта. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. — 432 с.
4. *Габов А. В.* Ценные бумаги: вопросы теории и правового регулирования рынка. — М. : Статут, 2011. — 648 с.
5. *Гончарова М. В., Гончаров А. И., Споловихин О. Ю.* Экономические интересы и риски участников операций с цифровыми финансовыми активами // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. — 2023. — Т. 25. — № 2. — С. 105–119.
6. *Доронина Н. Г., Семилютин Н. Г.* Международное частное право и инвестиции : монография. — М. : ИЗиСП, Контракт, 2012. — 336 с.
7. *Егорова М. А., Белицкая А. В.* Публичное регулирование криптовалютных отношений в контексте риска национальной безопасности // Юрист. — 2021. — № 1. — С. 2–10.
8. *Захаркина А. В.* Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2022. — № 3. — С. 504–526.
9. *Каминка А. И.* Основы предпринимательского права. — Петроград : Типография юридического книжного склада «Право», 1917. — 328 с.
10. *Карелина С. А., Фролов И. В.* Правовое регулирование обращения криптовалюты и технологий блокчейн в России: проблемы правоприменения в экономической деятельности и сфере несостоятельности (банкротства) // Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2019. — С. 118–121.
11. *Крылов О. М.* Деньги как безналичные денежные средства: вопросы правового регулирования в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. — 2019. — № 4 (58). — С. 153–158.
12. *Оборот цифровых активов в России / К. Бормашева, Л. Новоселова, Р. Янковский [и др.]* // Закон. — 2020. — № 12. — С. 17–28.
13. *Санникова Л. В., Харитонова Ю. С.* Цифровые активы: правовой анализ : монография. — М. : 4 Принт, 2020. — 307 с.
14. *Суханов Е. А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. — 2021. — № 6. — С. 7–29.
15. *Турбанов А. В.* Сущность денежного суррогата // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 3. — С. 56–72.
16. *Химченко А. И.* Цифровые финансовые активы: вопросы защиты прав и доверия инвесторов // Юрист. — 2024. — № 7. — С. 21–27.
17. *Faust D. I.* Asset Protection Trusts: Some Practical Guidelines // Trusts in Prime Jurisdictions / ed. by A. Kaplan. — 3rd ed. — Globe Business Publishing Ltd, 2010. — P. 450–453.
18. *Lee R.* Conceptualizing the Chinese Trust // International & Comparative Law Quarterly. — 2009. — Vol. 58. — No. 3. — P. 655–669.
19. *Tasca P.* Token-based business models // Disrupting Finance. — Palgrave Pivot, Cham, 2019. — P. 135–148.

Материал поступил в редакцию 31 октября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abramova E. N. Tsifrovoy finansovyy aktiv kak tsifrovaya tsennaya bumaga // *Grazhdanskoe pravo*. — 2024. — № 1. — S. 10–13.
2. Vakulina G. A. O vidakh tsifrovyykh prav // *Khozyaystvo i pravo*. — 2023. — № 6. — S. 3–12.
3. Vinya P., Keysi M. Epokha kriptovalyut. Kak bitkoin i blokcheyn menyayut mirovoy ekonomicheskoy poriyadok / per. s angl. A. Shmidta. — M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2018. — 432 s.
4. Gabov A. V. Tsennye bumagi: voprosy teorii i pravovogo regulirovaniya rynka. — M.: Statut, 2011. — 648 s.
5. Goncharova M. V., Goncharov A. I., Spolovikhin O. Yu. Ekonomicheskie interesy i riski uchastnikov operatsiy s tsifrovymi finansovymi aktivami // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*. — 2023. — T. 25. — № 2. — S. 105–119.
6. Doronina N. G., Semilyutina N. G. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo i investitsii: monografiya. — M.: IZiSP, Kontrakt, 2012. — 336 s.
7. Egorova M. A., Belitskaya A. V. Publichnoe regulirovanie kriptovalyutnykh otnosheniy v kontekste riska natsionalnoy bezopasnosti // *Yurist*. — 2021. — № 1. — S. 2–10.
8. Zakharkina A. V. Osnovy tsivilisticheskoy teorii tsifrovyykh finansovyykh aktivov // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. — 2022. — № 3. — S. 504–526.
9. Kaminka A. I. Osnovy predprinimatelskogo prava. — Petrograd: Tipografiya yuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», 1917. — 328 s.
10. Karelina S. A., Frolov I. V. Pravovoe regulirovanie obrashcheniya kriptovalyuty i tekhnologiy blokcheyn v Rossii: problemy pravoprimeneniya v ekonomicheskoy deyatel'nosti i sfere nesostoyatel'nosti (bankrotstva) // *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskikh otnosheniy v sovremennykh usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki: monografiya / otv. red. V. A. Vaypan, M. A. Egorova*. — M.: Yustitsinform, 2019. — S. 118–121.
11. Krylov O. M. Dengi kak beznalichnye denezhnye sredstva: voprosy pravovogo regulirovaniya v Rossiyskoy Federatsii // *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. — 2019. — № 4 (58). — S. 153–158.
12. Oborot tsifrovyykh aktivov v Rossii / K. Bormasheva, L. Novoselova, R. Yankovskiy [i dr.] // *Zakon*. — 2020. — № 12. — S. 17–28.
13. Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. Tsifrovye aktivy: pravovoy analiz: monografiya. — M.: 4 Print, 2020. — 307 s.
14. Sukhanov E. A. O grazhdansko-pravovoy prirode «tsifrovogo imushchestva» // *Vestnik grazhdanskogo prava*. — 2021. — № 6. — S. 7–29.
15. Turbanov A. V. Sushchnost denezhnogo surrogata // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2024. — № 3. — S. 56–72.
16. Khimchenko A. I. Tsifrovye finansovye aktivy: voprosy zashchity prav i doveriya investorov // *Yurist*. — 2024. — № 7. — S. 21–27.
17. Faust D. I. Asset Protection Trusts: Some Practical Guidelines // *Trusts in Prime Jurisdictions* / ed. by A. Kaplan. — 3rd ed. — Globe Business Publishing Ltd, 2010. — P. 450–453.
18. Lee R. Conceptualizing the Chinese Trust // *International & Comparative Law Quarterly*. — 2009. — Vol. 58. — No. 3. — P. 655–669.
19. Tasca P. Token-based business models // *Disrupting Finance*. — Palgrave Pivot, Cham, 2019. — P. 135–148.

Процессуальный порядок принятия решения в уголовном судопроизводстве (от общего к частному)

Аннотация. Общие положения процессуального порядка принятия решений устанавливают следующее. Уголовно-процессуальный порядок содержит процессуальные действия и решения. Процессуальные действия преимущественно представляют линейную схему производства по уголовному делу. Процессуальные решения образуют момент разветвления производства по уголовному делу (изменения направления). Порядок производства процессуальных действий образуется фиксацией фактов, обнаруживаемых при этом. Порядок принятия процессуальных решений состоит в выборе одной из множества альтернатив. Совершаемое действие допускает возврат к его началу (ретроспективность). Принятое решение (с момента его доступности причастным лицам) влечет обязанность исполнения (перспективно). Отмена решения (возврат в начало) — признак процессуального хаоса, нарушения порядка. Процессуальный режим решений и действий различен. Сутью назначения судебной экспертизы в предварительном расследовании является процессуальное решение (совокупность решений). Оно заключается в осознании процессуальной ситуации, связанной с невозможностью собирания доказательств посредством процессуальных действий, доступных следователю; в выработке альтернатив процессуальной деятельности (вариантов изменения ее направления) и их оценке; в формулировании цели и задач использования специальных знаний для собирания доказательств посредством реализации этих специальных знаний их носителями; в определении последствий для каждой альтернативы; в рациональном выборе одной из альтернатив.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; порядок; хаос; процессуальный порядок; предварительное расследование; судебное производство; процессуальное решение; принятие решения; теория принятия решений; выбор; альтернатива; последствие выбора; судебная экспертиза; назначение судебной экспертизы.

Для цитирования: Зашляпин Л. А. Процессуальный порядок принятия решения в уголовном судопроизводстве (от общего к частному) // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 136–144. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.136-144.

Procedural Order for Decision Making in Criminal Proceedings (General to Specific)

Leonid A. Zashlyapin, Lecturer, Department of Criminal Procedure Law, North-West Branch, Lebedev Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation
simple.teacher@outlook.com

Abstract. The general provisions of the procedural order for decision-making establish the following. The criminal procedure contains procedural actions and decisions. Procedural actions mainly represent a linear scheme of criminal proceedings. Procedural decisions form the moment of branching of criminal proceedings (change of direction). The order of production of procedural actions is formed by recording the facts discovered during this process. The procedure for making procedural decisions consists of choosing one of many alternatives. The action being performed allows for a return to its beginning (retrospectivity). The decision taken (from the moment it becomes available to the parties involved) entails the obligation to implement it (prospectively). Reversal of a decision (return to the beginning) is a sign of procedural chaos, a violation of order. The procedural regime of decisions and actions is different. The essence of the appointment of a forensic examination in a preliminary investigation is a procedural decision (a set of decisions). It consists of understanding the procedural situation associated with the impossibility of collecting evidence through procedural actions available to the investigator; in developing alternatives to procedural activity (options for changing its direction) and evaluating them; in formulating the goal and objectives of using specialized knowledge to collect evidence through the implementation of this specialized knowledge by its bearers; in determining the consequences for each alternative; in a rational choice of one of the alternatives.

Keywords: criminal procedure; criminal proceedings; order; chaos; procedural order; preliminary investigation; judicial proceedings; procedural decision; decision-making; decision-making theory; choice; alternative; consequence of choice; forensic examination; appointment of a forensic examination.

Cite as: Zashlyapin LA. Procedural Order for Decision Making in Criminal Proceedings (General to Specific). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):136-144. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.136-144.

Введение

Автор статьи в начале своей профессиональной карьеры не избежал процессуальных ошибок в принятии решений как на стороне обвинения, так и на стороне защиты. Это определило субъективный исследовательский интерес. Рефлексирование по поводу ошибок привело к выводу о том, что их истоки были связаны с дефектами порядка принятия решений, неверной оценкой процессуальных факторов, влияющих на принятие решений, повлекших неверный выбор альтернатив и соответствующие негативные последствия для движения уголовных дел.

Последующее углубление в теорию принятия решений сформировало гипотезу о том, что принятие решений в уголовном судопроизводстве является видом принятия любых социальных решений правосубъектного лица и может характеризоваться в таком же общесоциальном

аспекте. Нельзя отрицать существования общего порядка, следуя которому, например, преподаватель выбирает интерактивную методику проведения семинара или консервативную методику работы со студентами; направляет свою научную статью для публикации в журнал университета во Владивостоке или в Калининграде. Все указанные решения (порядок их принятия), как и решений, принимаемых в уголовном процессе, гипотетически должны иметь общую процедурную структуру.

Актуальность исследования проблем принятия процессуальных решений по указанным субъективным причинам видится несомненной. Объективно сама сущность уголовного судопроизводства сводится к принятию решения о виновности или невиновности лица, привлеченного в качестве обвиняемого. Это решение — центр уголовного судопроизводства, присутствует во всем его содержании.

Элементом новизны статьи является помещение правил о принятии процессуальных решений в контекст процессуального порядка. Особое внимание мы обратим на проблему принятия следователем решения о назначении судебной экспертизы, что будет придавать исследованию конкретный ракурс восприятия порядка принятия процессуальных решений и учитывать особенности принятия решений в этой сфере.

Объектная область исследования образована нормативными положениями Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. (далее — УПК 1923 г.), Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее — УПК 1960 г.), УПК РФ о регламентации в них порядка принятия решений, доктринальными позициями ученых-процессуалистов в этой же объектной области, работами по общей теории принятия решений.

Основными методами, примененными в ходе исследования, являются использование аксиом теории уголовного судопроизводства, выработанных научной школой кафедры уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)¹, аналогия между общей теорией принятий решений и доктринальными позициями уголовно-процессуального права о принятии решений и в некоторой части анализ лингвистических конструкций регулятивных норм, входящих в объектную область.

Степень разработанности темы достаточно высока, связана с трудами авторитетных ученых-процессуалистов П. А. Лупинской, Л. А. Воско-

битовой² и др. Концепт понимания процессуального порядка заимствован из нашей прошлойодней статьи в журнале «Актуальные проблемы российского права»³.

Нормативные основы и доктринальные толкования

Теория принятия решений является междисциплинарным научным направлением, что подтверждается в специальных исследованиях и никем не ставится под сомнение⁴. В качестве общепринятых в ней выделяют следующие элементы:

- 1) осознание локальной цели, которая вызывает необходимость принятия решения;
- 2) формирование каталога альтернатив для принятия решения;
- 3) определение критериев оценки альтернатив;
- 4) оценка последствий реализации альтернатив;
- 5) рациональный выбор альтернативы, наиболее выгодной для лица, принимающего решение⁵.

Предполагается, что указанная структура принятия решений присуща и уголовно-процессуальной деятельности.

В юриспруденции подобная позиция не отвергается. Так, Л. А. Воскобитова, анализируя труды П. С. Лупинской, отмечает, что в них допускается аналогия между решениями в уголовном процессе и иными решениями, реализуе-

¹ См.: Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. М. : Норма : Инфра-М, 2019. С. 50.

² См.: Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика : монография. 3-е изд., стер. М. : Норма : Инфра-М, 2023 ; Воскобитова Л. А. Объемное понимание правовой основы дела в теории и современной правоприменительной практике уголовного судопроизводства // Полина Абрамовна Лупинская : Вклад в развитие российского уголовного судопроизводства (к 100-летию со дня рождения) : сборник воспоминаний и научных статей / отв. ред. Л. А. Воскобитова. М. : Норма : Инфра-М, 2023.

³ Зашляпин Л. А. Процессуальный порядок: понятие // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 5. С. 137–143.

⁴ См.: Авраменко В. М. Философско-методологические аспекты теории принятия решений : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1992. С. 3.

⁵ См.: Козелецкий Ю. Психологическая теория решений / под ред. Б. В. Бирюкова. М. : Прогресс, 1979. С. 22–23, 67 ; Авраменко В. М. Указ. соч. С. 12.

мыми в социальной сфере (сфере управления)⁶. М. А. Белова, анализируя европейское законодательство и правоприменительную практику, фиксирует использование в них конструктов теории принятия решений, языка этой теории, основных научных позиций⁷.

В доктрине принятия процессуальных решений в уголовном судопроизводстве, а для нас — ее адаптации к порядку принятия таких решений, роль общесоциальной теории принятия решений совершенно закономерна. Примечательно, что ее активное развитие связано с серединой XX в., когда П. А. Лупинская начала свою научную деятельность. В то время, однако, правосознание ученых-процессуалистов определялось нормативными идеями УПК 1923 г. Это касалось и темы принятия решений.

Нормативный материал УПК 1923 г., входящий в объектную область нашего исследования, представляется малообъемным. При этом в нем неоднократно использовалась конструкция «решение, вынесенное судом (здесь и далее в цитатах курсив наш. — Л. З.)». Это касалось диспозиции норм п. 9 ст. 23, п. 10 ст. 23 УПК 1923 г. В них давались определения понятий «приговор», «определение». Из этого вытекало, что основным субъектом принятия решений советский законодатель начала XX в. рассматривал суд. Использованная законодателем лингвистическая конструкция страдательного причастия, указывающая на основной признак всякого решения (его связь с субъектом, принявшим решение), подтверждает это. Помимо приведенных в законе, имелись упоминания и иных решений, но они тоже связывались с судом (ст. 12, 429 УПК 1923 г.). Все иные решения (решения иных участников) оставались без особого регулирования.

Фактически анализируемый кодекс оставлял исключительно широкий простор для произвольного определения порядка (формы) принятия процессуальных решений. Так, часть 2 ст. 3 УПК 1923 г. запрещала суду «останавливать решение дела» в случае обнаружения неурегу-

лированности каких-либо отношений — порядок принятия решения можно было определять произвольно. При этом статья 10 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. допускала аналогию даже относительно составов преступлений. Столь широкая основа для произвольного усмотрения исключала наличие формального порядка принятия решений, но стимулировала научные исследования в этом направлении.

УПК 1960 г. регулировал процессуальный порядок принятия решений как минимум в двух случаях. Во-первых, статья 130 прямо именовалась «Порядок разрешения отвода следователя». Нормы данной статьи соответствовали наименованию. В ее содержании присутствовали элементы заявленного порядка. Во-вторых, название ст. 306 УПК 1960 г. «Порядок совещания судей» также ориентировало правоприменителей на понимание порядка принятия процессуального решения (постановления приговора). Соответственно, в содержании статьи присутствовал порядок принятия такого решения.

Формально-логическое понимание решения в последнем советском законе следовало традиции, установленной предыдущим кодексом. Правила УПК 1960 г. содержали доминирующую конструкцию «решение, вынесенное судом» при определении понятий «приговор» и «определение», но включали и более широко понимаемое «решение, принятое судьей (*следователем, лицом, осуществлявшим дознание*)» в нормативном определении постановления (пп. 10–12 ст. 34 УПК 1960 г.). Прогрессивным было еще и то, что в содержании процессуального порядка принятия решений появились невластные субъекты. УПК 1960 г. допускал вынесение решения коллективом трудящихся или организацией, взявшими лицо на поруки, об отказе от такого поручительства (ч. 5 ст. 9).

Одновременно в законе укрепилось положение о принятии решения (необходимости наличия соответствующего порядка) как выборе из возможных альтернатив. Использование в

⁶ Воскобитова Л. А. Указ. соч. С. 247.

⁷ Белова М. А. Теории принятия юридического решения в современной правовой доктрине Германии // Государство и право. 2020. № 10. С. 146–150.

диспозиции ч. 5 ст. 9 УПК 1960 г. конструкции констатирующего характера «организация или коллектив трудящихся... *выносят решение*» указывает на то, что у коллектива трудящихся (советской организации) одновременно было право и обязанность. В связи с этим субъект принятия решения имел альтернативный выбор: вынести решение об отказе от поручительства, не выносить такое решение. Таким регулированием законодатель привносил идею о разветвлении в момент принятия решения линейного алгоритма движения уголовного дела. Очевидно, что подобный выбор (изменение направления движения дела), предусматриваясь для невластного участника правоотношений, должен был быть основой полномочий и властного участника уголовного процесса.

Оба периода развития уголовно-процессуального законодательства допускали, таким образом, процессуальные решения различных участников уголовного судопроизводства.

Современное понимание общего порядка принятия процессуальных решений, а также процессуального порядка принятия решения о назначении судебной экспертизы сводится к следующему.

Термин «решение» в действующем уголовно-процессуальном законе упоминается более 700 раз, прежде всего в разделах о судебном производстве. Примечательно и количество релевантных дефиниций, значительно превышающее количество дефиниций в УПК 1923 г. и УПК 1960 г. К ним относятся понятие вердикта, сконструированное по модели альтернативности (п. 5 ст. 5 УПК РФ); понятие приговора, содержащее альтернативу для двух субпорядков, в первую очередь связанную с разрешением вопросов о невиновности или виновности подсудимого, а во вторую очередь — с назначением виновному лицу наказания или освобождения этого лица от наказания (п. 28 ст. 5 УПК РФ). К каталогу таких же понятий относятся правила п. 53.1 ст. 5, п. 53.2 ст. 5, п. 53.3 ст. 5 УПК РФ.

Существенным шагом вперед в развитии юридической техники является современное разделение понятий процессуального решения и процессуального акта, который оформляет это решение. Проявляется это в том, что в УПК РФ

присутствует понятие момента принятия решения (ч. 7 ст. 106, ч. 2 ст. 107 и, возможно, ст. 121). Этот момент является своеобразной процессуальной точкой бифуркации, когда линейное развитие процесса изменяет свое направление (процессуально упорядочивается), означая произведенный выбор.

Основой нашего подхода является правило ч. 1 ст. 1 УПК РФ о том, что уголовное судопроизводство представляет собой процессуальный порядок, а многочисленное упоминание термина «решение» в уголовно-процессуальном законе позволяет предполагать, что уголовно-процессуальный порядок включает в свое содержание, помимо процессуальных действий, и процессуальные решения.

Регулирование процессуального порядка принятия решений в УПК РФ прямо упоминается лишь трижды. Это относится к наименованию и содержанию главы 40, регулирующей порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением; к наименованию и содержанию главы 40.1 о порядке принятия судебного решения на основе соглашения о сотрудничестве; нормам ст. 399, регулирующим порядок рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора, что можно понимать как порядок принятия решения по ходатайству реабилитированного (осужденного) и т.д. Из этого не следует отсутствие регламентации порядка принятия решений, в том числе о назначении следователем судебной экспертизы. Насыщенность закона термином «решение» и предполагаемое обязательное включение порядка принятия решений в процессуальный порядок производства по уголовному делу указывает на то, что нормы института о порядке принятия процессуальных решений законодатель распределил в содержании всего закона. Это позволяет перейти от общего понимания процессуального порядка принятия решений к конкретному.

Нормативная база принятия решения о назначении судебной экспертизы может рассматриваться как проблемная.

В первую очередь необходимо упомянуть пункт 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, предусматривающий полномочия следователя принимать *решения* о

производстве иных процессуальных действий, помимо следственных. Правило, прямо предписывающее (дозволяющее) следователю принимать процессуальные решения, в его полномочиях отсутствует. Указанное обстоятельство является недостатком уголовно-процессуальной формы. Предположение об отсутствии у следователя полномочия для принятия решения о назначении судебной экспертизы парадоксально. Поскольку требование производства документальных проверок, аудита и т.д. относится к иным процессуальным действиям, то и решение следователя о назначении судебной экспертизы можно расширительно толковать как решение о производстве иных процессуальных действий.

Во вторую очередь нужно отметить часть 1 ст. 195 УПК РФ, из которой следует, что решение о назначении судебной экспертизы следователь принимает ранее вынесения постановления о назначении экспертизы. Конструкция закона «*признав необходимым* назначение экспертизы» фиксирует совершённый выбор (признание необходимости), означающий принятие решения. Порядок принятия решения, таким образом, сводится к этому правилу, приведенному законодателем в краткой диспозиции. Все остальное, предусмотренное в ст. 195 УПК РФ, в основном представляет собой доведение решения следователя до иных участников судопроизводства или лиц, которые будут участвовать в производстве экспертизы. Указанное обстоятельство различает момент принятия решения (момент выбора) и момент оформления этого решения (момент вынесения процессуального акта).

Приведенное понимание соответствует порядку принятия решения в судебных стадиях. Провозглашение приговора в его резолютивной части (ч. 1 ст. 310 УПК РФ) является примером процессуальных решений судьи по всем вопросам, указанным в ст. 299 УПК РФ, и последующего описания этих решений в приговоре (процессуальном акте). Момент выбора (при-

нятия решения) и момент выполнения процессуального акта здесь также различаются.

При этом в УПК РФ имеются элементы, которые должны входить в содержание порядка принятия процессуального решения о назначении судебной экспертизы, а именно: решение о возбуждении перед судом ходатайства о помещении преследуемых лиц в медицинскую организацию для производства экспертизы (п. 3 ст. 29); решение о поручении производства экспертизы конкретному специалисту (п. 2 ч. 1 ст. 195); решение об экспертном задании (перечне вопросов), формулируемом для эксперта (п. 3 ч. 1 ст. 195), и иное, упоминаемое в п. 4 ч. 1 ст. 195, ч. 1, 4 и 5 ст. 199, ч. 1 ст. 200 УПК РФ. Все элементы допускают альтернативный выбор в момент принятия решений.

В теории уголовного процесса порядок назначения судебной экспертизы интерпретируется следующим образом. Л. В. Гайворонская в разделе учебника «Уголовно-процессуальное право Российской Федерации» определяет судебную экспертизу как «самостоятельное процессуальное исследование» или даже «неотложное следственное действие»⁸. Такой подход, вероятно, предопределен проблемами нормативного регулирования, хотя автор и упоминает возможность принятия процессуального решения в рассматриваемом случае в контексте «*признав необходимым* назначение судебной экспертизы, *следователь выносит об этом постановление*» или процессуальное решение эксперта в контексте «эксперт *вправе возвратить* без исполнения постановление о назначении экспертизы»⁹. В обеих ситуациях допускается выбор. Следователь может назначить экспертизу или не назначать ее, эксперт может возвратить следователю материалы из-за их недостаточности или провести экспертное исследование по имеющимся материалам.

Примечательно, что в том же источнике Л. А. Воскобитова, раскрывая полномочия следователя, утверждает, что «следователь наделяется правом... назначать экспертизу». Автор-

⁸ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2024. С. 550, 553.

⁹ Лупинская П. А. Указ. соч. С. 550, 560.

ское позиционирование через субъективное право следователя указывает на возможность его выбора между назначением и отказом от назначения судебной экспертизы.

К. Б. Калиновский в параграфе «Производство судебной экспертизы», что соответствует наименованию гл. 27 УПК РФ и идентично наименованию параграфа, подготовленного Л. В. Гайворонской, не излагает свою позицию о назначении судебной экспертизы в качестве процессуального решения. Однако он отмечает, что использование специальных знаний в форме экспертизы «требует особого *порядка* назначения» экспертизы¹⁰, не рассматривает порядок принятия решения о назначении судебной экспертизы, а анализирует порядок вынесения постановления о назначении экспертизы и процедурные правила, следующие за этим¹¹. Позиции Л. В. Гайворонской и К. Б. Калиновского совпадают, что закономерно для учебной юридической литературы и объективно предопределено текстом закона (лингвистическими конструкциями, использованными в гл. 27 УПК РФ).

Примечательно, что А. В. Смирнов, раскрывая полномочия следователя, не указывает право (полномочие) следователя назначать судебную экспертизу, а подчеркивает его «полномочия по *направлению* хода расследования»¹². Идея о влиянии следователя на направление производства по уголовному делу весьма важна, так как всякое решение (выбор) означает и выбор направления (изменение линейного порядка производства по уголовному делу), своеобразное разветвление процессуального алгоритма. Но затем А. В. Смирнов приводит анализ действующего закона, из которого следует, что решениями, влияющими на направление уголовного дела, являются передача дела

другому субъекту предварительного расследования, в другой следственный орган или в другую стадию производства¹³. Получается, что, хотя порой при назначении судебной экспертизы существенная часть материалов уголовного дела передается эксперту, который отчасти приобретает условные признаки *dominus litis*, законодатель не считает это решением об определении направления предварительного расследования.

Как следует из поддерживаемой нами позиции П. А. Лупинской, процессуальное решение обладает важнейшим признаком — выбором из нескольких альтернатив. Термин «выбор» упоминается П. А. Лупинской множество раз, задавая очевидное его понимание в качестве ядра процессуального решения¹⁴. В науке же судебная экспертиза, несмотря на выбор как признак процессуального решения, иногда рассматривается даже как следственное мероприятие¹⁵.

Отсутствие общепринятых подходов подразумевает дискуссионность приводимого далее вывода.

Вывод

Уголовно-процессуальный порядок содержит процессуальные действия и процессуальные решения. Если процессуальные действия преимущественно представляют собой линейную схему производства по уголовному делу, то процессуальные решения образуют момент разветвления производства по уголовному делу (изменения направления). Порядок производства процессуальных действий образуется фиксацией обнаруживаемых при этом фактов. Поряд-

¹⁰ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 8-е изд., перераб. М., 2023. С. 489.

¹¹ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Указ. соч. С. 491.

¹² Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Указ. соч. С. 140.

¹³ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Указ. соч. С. 140.

¹⁴ См.: Лупинская П. А. Указ. соч. С. 101, 176–177, 187.

¹⁵ См.: Самойлов А. В., Ивашова О. С. Тактика назначения судебной экспертизы // Перспективы развития институтов права и государства / отв. ред. А. А. Горохов. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2018. С. 109.

док принятия процессуальных решений состоит в выборе одной из множества альтернатив. Совершаемое действие допускает возврат к его началу (ретроспективность). Принятое решение (с момента его доступности причастным лицам) влечет обязанность исполнения (перспективно). Отмена решения (возврат в начало) — признак процессуального хаоса, нарушения порядка. Процессуальный режим действий и решений различен.

Рациональный процессуальный порядок принятия решений в своей основе содержит структурные элементы, выделяемые общей теорией принятия решений. Он предполагает выбор из нескольких процессуальных альтернатив. Без выбора нет решения. Для следователя процессуальные альтернативы, их последствия, критерии оценки альтернатив лишь отчасти предусматриваются в уголовно-процессуальном законе. В силу особой формы всего уголовного судопроизводства часть интеллектуальной деятельности следователя, образующей решение (момент выбора), не регулируется законом. Парадокс в том, что именно эта часть в случае допущения ошибки при принятии процессуаль-

ного решения будет наиболее интересна для оценивающих ее субъектов.

Процессуальное решение (момент выбора) имеет определенный порядок (последовательность взаимосвязанных процедур, ориентированных перспективно), при его соблюдении происходит принятие рационального решения, при дефекте порядка — выбор ошибочного направления деятельности.

Сутью назначения судебной экспертизы следователем является процессуальное решение. Оно заключается в осознании процессуальной ситуации, связанной с невозможностью собирания доказательств посредством следственных и иных процессуальных действий, доступных следователю; в выработке альтернатив уголовно-процессуальной деятельности (вариантов изменения ее направления) и их оценке; в формулировании цели и задач использования специальных знаний для собирания доказательств посредством реализации этих специальных знаний их носителями; в определении последствий каждой альтернативы; в рациональном выборе одной из альтернатив.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авраменко В. М. Философско-методологические аспекты теории принятия решений : автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 1992. — 20 с.
2. Белова М. А. Теории принятия юридического решения в современной правовой доктрине Германии // Государство и право. — 2020. — № 10. — С. 146–150.
3. Воскобитова Л. А. Объемное понимание правовой основы дела в теории и современной правоприменительной практике уголовного судопроизводства // Полина Абрамовна Лупинская : Вклад в развитие российского уголовного судопроизводства (к 100-летию со дня рождения) : сборник воспоминаний и научных статей / отв. ред. Л. А. Воскобитова. — М. : Норма : Инфра-М, 2023. — 320 с.
4. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. — М. : Норма : Инфра-М, 2019. — 384 с.
5. Зашляпин Л. А. Процессуальный порядок: понятие // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5. — С. 137–143.
6. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений / под ред. Б. В. Бирюкова. — М. : Прогресс, 1979. — 504 с.
7. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика : монография. — 3-е изд., стер. — М. : Норма : Инфра-М, 2023. — 240 с.
8. Самойлов А. В., Ивашова О. С. Тактика назначения судебной экспертизы // Перспективы развития институтов права и государства : сборник научных трудов Международной научной конференции,

- Курск, 11 мая 2018 г. / отв. ред. А. А. Горохов. — Курск : Юго-Западный государственный университет, 2018. — С. 109–113.
9. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. — 8-е изд., перераб. — М., 2023. — 784 с.
10. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2024. — 1008 с.

Материал поступил в редакцию 6 августа 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avramenko V. M. Filosofsko-metodologicheskie aspekty teorii prinyatiya resheniy: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. — M., 1992. — 20 s.
2. Belova M. A. Teorii prinyatiya yuridicheskogo resheniya v sovremennoy pravovoy doktrine Germanii // Gosudarstvo i pravo. — 2020. — № 10. — S. 146–150.
3. Voskobitova L. A. Obemnoe ponimanie pravovoy osnovy dela v teorii i sovremennoy pravoprimeritelnoy praktike ugovnogo sudoproizvodstva // Polina Abramovna Lupinskaya: Vklad v razvitie rossiyskogo ugovnogo sudoproizvodstva (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya): sbornik vospominaniy i nauchnykh statey / отв. ред. Л. А. Voskobitova. — М.: Norma: Infra-M, 2023. — 320 s.
4. Dokazyvanie i prinyatie resheniy v sostyazatelnom ugovnom sudoproizvodstve: monografiya / отв. ред. Л. Н. Maslennikova. — М.: Norma: Infra-M, 2019. — 384 s.
5. Zashlyapin L. A. Protsessualnyy poryadok: ponyatie // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2024. — Т. 19. — № 5. — S. 137–143.
6. Kozeletskiy Yu. Psikhologicheskaya teoriya resheniy / pod red. B. V. Biryukova. — М.: Progress, 1979. — 504 s.
7. Lupinskaya P. A. Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatelstvo, praktika: monografiya. — 3-е изд., ster. — М.: Norma: Infra-M, 2023. — 240 s.
8. Samoylov A. V., Ivashova O. S. Taktika naznacheniya sudebnoy ekspertizy // Perspektivy razvitiya institutov prava i gosudarstva: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Kursk, 11 maya 2018 g. / отв. ред. А. А. Gorokhov. — Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2018. — S. 109–113.
9. Smirnov A. V., Kalinovskiy K. B. Ugolovnyy protsess: uchebnyy / pod obshch. ред. А. В. Smirnova. — 8-е изд., перераб. — М., 2023. — 784 s.
10. Ugolovno-protsessualnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnyy / отв. ред. P. A. Lupinskaya, L. A. Voskobitova. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Norma: Infra-M, 2024. — 1008 s.

Участие нотариуса в обороте долей обществ с ограниченной ответственностью в аспекте принципов каузальности и абстракции: проблемы теории и практики

Аннотация. Вопрос разделения сделок, связанных с отчуждением долей ООО, на обязательственные и распорядительные и необходимость привлечения нотариуса для их удостоверения остро обсуждается современными цивилистами. Существуют две основные концепции: французская, не признающая разделения сделок, и противоположная ей немецкая. В статье обосновывается положительная сторона заимствования немецкого принципа абстракции применительно к корпоративным отношениям. Автором отмечается алеаторность интерпретации отечественными цивилистами принципа абстракции с позиции искоренения обязательной нотариальной формы корпоративных сделок. Указывается, что именно нотариат выступает бесспорным гарантом стабильности и легитимации экономического оборота в системе как каузальности, так и абстракции. В статье, основанной на анализе французского и немецкого законодательства в сфере корпоративных отношений, сделан практико-ориентированный вывод о смешении в отечественном порядке принципов каузальности и абстрактности.

Ключевые слова: нотариальная охрана; каузальность; абстрактность; принцип разделения; нотариус; сделки; корпоративные права; корпоративные конфликты; обязательственные сделки; распорядительные сделки; конвалидация сделок.

Для цитирования: Цветкова Е. С. Участие нотариуса в обороте долей обществ с ограниченной ответственностью в аспекте принципов каузальности и абстракции: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 145–155. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.145-155.

© Цветкова Е. С., 2025

* Цветкова Екатерина Сергеевна, нотариус города Москвы, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
luckykatya@mail.ru

Participation of a Notary in the Transactions with Limited Liability Companies Shares in the Aspect of the Principles of Causality and Abstraction: Problems of Theory and Practice

Ekaterina S. Tsvetkova, Notary of the City of Moscow, Postgraduate Student, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
luckykatya@mail.ru

Abstract. The issue of dividing transactions related to the alienation of shares of an LLC into obligatory and administrative ones and the need to involve a notary to certify them is hotly debated by contemporary civilists. There are two main concepts: the French one, which does not recognize the division of transactions, and the opposite German one. The paper substantiates the positive side of borrowing the German principle of abstraction in relation to corporate relations. The author notes the aleatory nature of the interpretation by domestic civilists of the principle of abstraction from the position of eradicating the mandatory notarial form of corporate transactions. It is indicated that it is the notary that acts as the undisputed guarantor of stability and legitimization of economic transactions in the system of both causality and abstraction. The paper, based on an analysis of French and German legislation in the field of corporate relations, draws a practice-oriented conclusion about the mixing of the principles of causality and abstractness in the domestic legal order.

Keywords: notarial protection; causality; abstractness; separation principle; notary; transactions; corporate rights; corporate conflicts; obligatory transactions; disposal transactions; convalidation of transactions.

Cite as: Tsvetkova ES. Participation of a Notary in the Transactions with Limited Liability Companies Shares in the Aspect of the Principles of Causality and Abstraction: Problems of Theory and Practice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):145-155. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.145-155.

Общие положения о каузальности и абстрактности сделок

Применительно к институту разделения сделок сформировались две основные концепции — французская, согласно которой волеизъявление сторон сделки является безусловным основанием для перехода права собственности, и немецкая, разделяющая все сделки на обязательственные и распорядительные. Б. Н. Фрезе выделял также третью концепцию, именуемую греческой, в соответствии с которой право собственности на вещь переходило к покупателю в момент ее оплаты¹. Отголоски архаичной греческой модели заметны в статьях ГК РФ о встречном исполнении обязательств (ст. 328) и об оплате товара, переданного в кредит (ст. 488). В статье греческая модель не будет анализироваться ввиду ее практической несостоятельности применительно к современным экономическим реалиям.

Французский принцип каузальности наиболее отчетливо прослеживается в ст. 1138 и 1583 Гражданского кодекса Франции. Договор купли-продажи и переход прав по нему рассматриваются в качестве единого целого ввиду того, что волеизъявление сторон создает одно обязательство, переносящее право собственности на предмет сделки. Из этого следует, что заключение договора сторонами по французскому праву свидетельствует о согласовании ими всех существенных условий и, соответственно, бесспорности последующего перехода права от продавца к покупателю.

Немецкая концепция исходит из принципа разделения сделок и абстракции: обязательственная сделка может быть юридически не связанной с распорядительной и, таким образом, недействительность договора купли-продажи не влияет на переход права собственности.

В силу § 433 Германского гражданского уложения по договору купли-продажи, являюще-

¹ Фрезе Б. Н. Очерки греко-египетского права. Ярославль, 1912. Ч. 1. С. 143.

муся обязательственной сделкой, продавец вещи обязуется передать вещь покупателю и предоставить ему право собственности на нее. Данная вещь должна быть свободной от недостатков и обременения правом.

Сущность распорядительной сделки раскрывается в § 929 Германского гражданского уложения. Для перехода права собственности на движимую вещь необходимо, чтобы собственник передал вещь приобретателю и они оба были согласны, что право должно перейти. Если приобретатель уже владеет вещью, достаточно соглашения о переходе права собственности.

Немецкий принцип разделения и абстракции ставит своей главной целью защиту добросовестного приобретателя в цепочке сделок и сохранение юридической силы распорядительной сделки при наличии юридических пороков в обязательственной сделке. Однако при недействительности обязательственной сделки вещь всё же может быть истребована от приобретателя.

Отметим, что французская каузальная система, наряду с немецкой абстракцией, обеспечивает защиту добросовестных приобретателей на основе отличных механизмов. В силу ст. 1304 Гражданского кодекса Франции недействительность договора может быть признана исключительно в судебном порядке. В нашем понимании такой подход предоставляет больший объем правовых гарантий для сторон сделки, чем существующая в немецком законодательстве презумпция признания договоров недействительными на основании одностороннего заявления пострадавшей стороны (§ 143, 349 Германского гражданского уложения).

Смешение принципов каузальности и абстракции

Основным отличием немецкого принципа абстракции и разделения от каузальной системы Франции является возможность последующей

реализации имущества приобретателем, которому известно о пороках обязательственного договора купли-продажи. Вместе с тем и в немецком, и во французском законодательстве наблюдается смешение принципов каузальности и абстракции.

Параграф 449 Германского гражданского уложения позволяет отчуждателю сохранить право собственности на движимую вещь до полной ее оплаты. При включении в договор соответствующей оговорки происходит юридическая взаимосвязь обязательственной и распорядительной сделок.

Параграф 158 Германского гражданского уложения содержит положения о сделках, совершаемых под отлагательным и отменительным условием. Аргументировано, что при наличии соответствующего условия о взаимосвязанности обязательственной и распорядительной сделок принцип разделения и абстракции не подлежит применению. Во Франции элементы принципа абстракции можно встретить в ст. L313-23 и следующих, в частности в ст. L313-27 (абз. 3), Свода законов о кредитно-денежном регулировании и финансовом контроле Франции².

Отечественный правовой порядок является каузальным, что объясняет сходство правового регулирования сделочных отношений в России и во Франции. Однако применительно к корпоративным отношениям часто возникает необходимость заимствования принципа разделения, что особо актуально при реализации опционных конструкций и договоров с отложенным исполнением обязательств. Данная проблема неоднократно освещалась как в доктрине, так и в материалах судебной практики.

В 2014 г. ВАС РФ попытался разграничить обязательственные и распорядительные сделки с долями в уставном капитале ООО. Иными словами, была предпринята попытка заимствования немецкой парадигмы абстракции. Пленум ВАС РФ отметил, что нотариальному удостоверению подлежат исключительно рас-

² Беценбергер Т., Николас-Магвин М. Ф. Имеет ли смысл принцип абстрактности? Сопоставительный анализ с точки зрения немецкого и французского права // Lex russica. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imeet-li-smysl-printsip-abstraktnosti-sopostavitelnyy-analiz-s-tochki-zreniya-nemetskogo-i-frantsuzskogo-prava> (дата обращения: 09.05.2024).

порядительные сделки с долями ООО, в которых участник передает, а приобретатель принимает долю или часть доли в уставном капитале ООО. При этом гражданско-правовой договор об отчуждении имущества, по мнению Пленума, не подлежал обязательному нотариальному удостоверению потому, что представлял собой обязательственную сделку³. В проекте постановления Пленума ВАС РФ отдельно указывалось на необязательность нотариального удостоверения договора, содержащего условия перехода права на долю или встречного предоставления.

Безусловное сходство каузальной системы с системой разделения сделок и абстракции проявляется в их телеологических направленностях, заключающихся в стабилизации гражданского оборота и защите добросовестных приобретателей от последующей виндикации. Изучение данного вопроса обусловлено тем, что суды к корпоративным долям и акциям всё чаще применяют такой институт вещного права, как виндикация.

Проблема разделения сделок на обязательственные и распорядительные в российском правовом порядке

Отечественные цивилисты ведут активные дебаты о необходимости заимствования немецкого принципа разделения и абстракции. Среди адептов этой идеи — Л. Ю. Василевская⁴, А. В. Егоров, А. Г. Карапетов, С. В. Сарбаш, Р. С. Бевзенко, В. В. Бердников. Противоположных взглядов придерживаются Е. А. Суханов, Е. А. Остапова и К. И. Скловский.

А. В. Егоров под распорядительными сделками понимает те сделки, которые непосредственно влияют на субъективное право: передают его, обременяют и прекращают. Автор относит к таким сделкам, в частности, соглашение о передаче собственности на вещь, в том числе бездокументарные ценные бумаги, исключительное право, цессию, отказ от договора и права собственности, обременение в виде залога, прощение долга, зачет, соглашение о расторжении договора⁵.

Е. С. Кашуба утверждает, что обязательственные и распорядительные сделки имеют различные основания недействительности и в отношении них не действует принцип свободы договора. Автор отмечает, что к распорядительным сделкам часто неприменимы общие институты обязательственного права⁶.

С. В. Сарбаш к распорядительным сделкам относит исполнение обязательств по договору купли-продажи вещи, в рамках которого происходит обмен благами между продавцом и покупателем, суть которого состоит в получении денег одной стороной и, соответственно, вещи другой⁷.

Е. А. Суханов называет проблему выделения распорядительных сделок надуманной и не требующей детального изучения. Автор пишет, что для отечественного законодательства более насущно применение положений о гражданских сделках к корпоративным сделкам, в частности к учредительным договорам⁸.

Актуальность разделения сделок отчетливо прослеживается в рамках исполнения обязательств в период банкротства одной из сторон. Если основное обязательство возникло при

³ Проект постановления Пленума ВАС РФ «О сделках с долями обществ с ограниченной ответственностью» // URL: http://static.consultant.ru/obj/file/doc/vas_130514-2.pdf (дата обращения: 26.07.2024).

⁴ Василевская Л. Ю. Вещные сделки по германскому праву: методология гражданско-правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 18.

⁵ Егоров А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 51–107.

⁶ Кашуба Е. С. О восприятии распорядительных сделок в российской судебной практике // Право и экономика. 2023. № 7. С. 44–52.

⁷ Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. М. : Статут, 2005. С. 32.

⁸ Суханов Е. А. О видах сделок в германском и в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. № 2.

отсутствии признаков банкротства сторон и не имело признаков недействительности сделки, а исполнение обязательства подпало под какой-либо из вышеприведенных критериев, возникает необходимость разграничения данных юридических действий. В этой связи Н. Е. Кантор делает практико-ориентированный вывод о необходимости введения подтверждения в разумный срок арбитражным управляющим исполнения договора, заключенного до возбуждения дела о банкротстве⁹.

Наряду со всем вышеизложенным, хочется отметить, что обязательное внедрение разделения сделок в отечественный оборот увеличит временные затраты с момента возникновения обязательства до фактической передачи вещи. Таким образом, заимствование немецкого принципа абстракции применительно к отечественному порядку видится оправданным лишь отчасти. Мы согласимся с позицией Е. А. Суханова о том, что перенос в отечественный правовой порядок идеи разделения сделок на обязательственные и распорядительные расширит основания оспаривания фактов заключения и исполнения сделок¹⁰.

Не вызывает сомнения, что каузальная система вырабатывает свои актуальные механизмы охраны прав добросовестных сторон сделок. При этом явное преимущество по сравнению с немецким принципом абстракции заключается в установлении исключительно судебного порядка признания сделок недействительными.

Вопросы необходимости нотариального удостоверения обязательственных корпоративных сделок в аспекте каузальности

Примечательно, что в отечественной доктрине сделки с долями ООО подразделяются на распо-

рядительные и обязательственные преимущественно в контексте необходимости их нотариального удостоверения. Однако с точки зрения рецепции немецкой парадигмы абстракции такой подход представляется неверным ввиду того, что в германском законодательстве нотариальному удостоверению подлежат все виды сделок с долями ООО. При нотариальном удостоверении распорядительной сделки и наличии порока воли в обязательственной происходит конвалидация последней¹¹.

Р. С. Бевзенко аргументирует необходимость инкорпорирования немецкого принципа абстракции применительно к долям ООО с целью урегулирования этапа отношений сторон, предшествующих обращению к нотариусу. Анализируя Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», автор относит договор, устанавливающий обязательство совершить сделку, направленную на отчуждение доли, к обязательственной сделке. К распорядительным сделкам он относит сделку, направленную на отчуждение доли и государственную регистрацию в ЕГРЮЛ перехода права на долю, аргументируя это тем, что в рамках данных действий собственник изменяет юридическую судьбу имущества¹².

Р. С. Бевзенко указывает на возможность заключения договоров, устанавливающих обязательство совершить сделку, направленную на отчуждение доли ООО, в простой письменной форме, а также критикует деятельность нотариусов, являющуюся, по его мнению, консервативной и препятствующей реализации принципа свободы договора в сложных корпоративных соглашениях.

Однако применение немецкого принципа абстракции к отечественным корпоративным отношениям представляется не вполне оправданным. В частности, немецкая доктрина о

⁹ Кантор Н. Е. Об исполнении и расторжении договоров, заключенных должником до возбуждения дела о банкротстве // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 75–88.

¹⁰ Суханов Е. А. Указ. соч.

¹¹ Müller K. J. The GmbH. A guide to the German limited liability company. München : Verlag C. H. Beck ; Kluwer Law International, 2006. P. 97.

¹² Бевзенко Р. С. Отчуждение долей в ООО: купля-продажа, сделка по передаче доли, государственная регистрация // Закон. 2023. № 2. С. 31–43.

вещных правах не соответствует понятию доли участника корпоративных отношений, которая в отечественном правовом порядке является не вещью, а совокупностью существующих в неразрывном единстве предоставляемых ее обладателю корпоративных прав и обязанностей. Исходя из данного суждения, Б. М. Гонгало делает важный практический вывод: к корпоративным долям неприменимы нормы законодательства о собственности, в том числе о моменте перехода права собственности на долю¹³. Изложенная позиция нашла отражение в постановлении Президиума ВАС РФ от 11.10.2011 № 5950/11 по делу № А40-66193/10-83-605.

Обратим внимание на непоследовательность и противоречивость суждений Р. С. Бевзенко о роли нотариата в его разных работах. Так, в одной из статей цивилист указывает, что в Германии привлечение нотариуса для удостоверения обязательственных и распорядительных сделок значительно снижает количество пораженных юридическим пороком распорядительных волеизъявлений¹⁴. В другой статье автор предлагает искоренить в отечественном правовом порядке нотариальную форму удостоверения обязательственных сделок в отношении долей ООО вследствие ее консервативности, при этом продолжая отстаивать идею заимствования немецкого принципа абстракции¹⁵.

Отдельного внимания заслуживает позиция А. Г. Карапетова о форме соглашения об отступном, которая идет вразрез с разъяснениями, содержащимися в п. 8 постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6. Пленум отметил, что в случае предоставления в качестве отступного доли в уставном капитале ООО такое соглаше-

ние подлежит обязательному нотариальному удостоверению с учетом требований п. 2 ст. 163 ГК РФ и п. 11 ст. 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». При этом в отношении первоначального договора, во исполнение которого предоставляется отступное, может быть предусмотрено иное требование к форме, но ввиду того, что имущество, составляющее предмет отступного, подпадает под более строгие требования по форме, соглашение об отступном подлежит обязательному нотариальному удостоверению.

А. Г. Карапетов, тоже основываясь на своей позиции на немецком принципе абстракции, вырабатывает иной подход к форме соглашения об отступном, предметом которого выступают доли в уставном капитале ООО. Автор пишет, что указанная позиция Пленума ВС РФ должна применяться исключительно к соглашениям, направленным на отчуждение доли в ООО в качестве отступного. При этом он отмечает, что соглашение об отступном, предоставляющее должнику право будущего погашения долга путем переоформления доли в ООО на своего кредитора, не подлежит нотариальному удостоверению¹⁶.

Согласимся с Г. Г. Черемных и В. А. Бочковенко, отмечающими явное превосходство нотариально удостоверенных сделок над сделками в простой письменной форме¹⁷. Нацеленные на заимствование немецкой идеи цивилисты категорически отказываются обращать внимание на то, что привлечение нотариуса в корпоративной сфере в немецком праве является фундаментальным и бесспорным. Именно нотариат выступает тем авторитетным публично-правовым

¹³ Проблемы развития частного права : сборник статей к юбилею Владимира Саурсеевича Ема / С. С. Алексеев, А. В. Асосков, В. Ю. Бузанов [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. М. : Статут, 2011 (автор — Б. М. Гонгало).

¹⁴ Бевзенко Р. С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 127–169 ; № 12. С. 68–115.

¹⁵ Бевзенко Р. С. Отчуждение долей в ООО.

¹⁶ Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. О. Батищев, А. А. Громов, А. Г. Карапетов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022.

¹⁷ Черемных Г. Г., Бочковенко В. А. О дальнейшем совершенствовании законодательства о нотариате и нотариальной деятельности // Нотариальный вестник. 2023. № 2. С. 35–46.

институтом, телеологическая основа которого заключается в установлении законности и бесспорности удостоверяемых актов и в разгрузке судебной системы от бесконечных споров, связанных с негативными последствиями простой письменной формы.

Судебные споры финансово затратны, могут длиться продолжительное время. Вовлечение корпорации в судебную процедуру может негативно отразиться на ее экономической деятельности и деловой репутации и, как следствие, на стабильности экономического сектора в целом. Престиж нотариата обеспечивается высокой квалификацией его представителей. Считаем, что современный хозяйственный оборот нуждается в наделении нотариусов функциями медиаторов. Эффективность реализации данной идеи может быть достигнута путем установления государственного контроля за повышением квалификации нотариусов в сфере альтернативного урегулирования судебных споров.

Нотариальная форма сделки не ограничивается предоставлением ее сторонам информации об объеме их прав и обязанностей, о правовых последствиях ее совершения, а также проверкой нотариусом факта соблюдения преимущественного права покупки. Достижение действительности сделки происходит путем комплексного и взаимосвязанного соблюдения нотариусом общих правил совершения нотариальных действий и специальных требований, устанавливаемых законодателем для определенного вида сделок. В этой связи согласимся с позицией президента ФНП К. А. Корсика о том, что не следует допускать в результате ситуативного толкования норм права неоправданной легитимации экспансии перечня сделок, совер-

шение которых возможно в простой письменной форме¹⁸.

Конвалидация гражданско-правовой сделки заключается в придании законной силы сделке, имеющей признаки недействительности¹⁹. В отечественном законодательстве принцип конвалидации распространяется и на сделки, требующие обязательного нотариального удостоверения. Так, в силу п. 1 ст. 165 ГК РФ при полном или частичном исполнении одной из сторон сделки обязательного нотариального удостоверения и при уклонении второй стороны от придания сделке нотариальной формы сделка может быть признана судом действительной. Данная норма ГК РФ предоставляет adeptам принципа разделения сделки почву для дискуссии о возможности искоренения нотариальной формы сделок.

Авторитетные цивилисты А. Г. Карапетов²⁰, Л. А. Новоселова²¹, Я. В. Карнаков²², будучи сторонниками немецкого принципа разделения сделок, предпринимают попытки имплементации иностранных норм в отечественный правовой порядок. Однако в контексте стабилизации гражданского оборота отказ от нотариального удостоверения обязательственных сделок с долями ООО видится неоправданным. Так, А. Г. Карапетов отмечает, что сам договор купли-продажи доли в уставном капитале ООО не подлежит нотариальному удостоверению, а в силу ст. 11 и 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» нотариальному удостоверению подлежат лишь сделки по переводу долей на покупателя.

Распорядительные сделки в немецком праве являются более примитивными по сравнению с обязательственными, которые по общему пра-

¹⁸ Корсик К. А. Расширительное толкование нормы об обязательной нотариальной форме сделок с жилой недвижимостью // Нотариальный вестник. 2023. № 3. С. 2–4.

¹⁹ Тужилова-Орданская Е. М., Лукьяненко В. Е. Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». 2019. Вып. 45. С. 519–539.

²⁰ Карапетов А. Г. Распорядительная сделка и ее абстрактность: «за» и «против» // URL: https://zakon.ru/blog/2013/9/26/rasporядitel'naya_sdelka_i_ee_abstraktnost_zh_i_protiv (дата обращения: 26.07.2024).

²¹ Новоселова Л. В. Договор купли-продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. 2011. № 9. С. 17–30.

²² Карнаков Я. В. О недостатках и противоречиях нового режима оборота долей в уставном капитале ООО // Вестник ВАС РФ. 2012. № 6. С. 16–57.

вину содержат положения об обязательствах и гарантиях. Поэтому идеи ряда отечественных цивилистов об искоренении обязательной нотариальной формы «обязательственных» сделок с долями ООО с целью стимуляции их оборота видятся автору неконструктивными.

Ввиду того что в отечественной судебной практике учащаются случаи применения института виндикации к акциям, долям ООО (например, определения ВАС РФ от 16.09.2009 № ВАС-11458/09, от 02.09.2009 № ВАС-11373/09, от 11.01.2009 № 16143/08, ФАС Западно-Сибирского округа от 14.05.2009 № Ф04-2099/2009(4192-А27-11), постановление Президиума ВАС РФ от 17.11.2009 № 11458/09), для добросовестного приобретателя становится очевидной необходимость исключения порока воли отчуждателя доли при совершении сделки. Простая письменная форма не может в полной мере обеспечить тот уровень проверочных действий, который используется нотариусами на этапе подготовки проектов сделок и согласования их условий со сторонами.

Отметим, что нотариат является внесудебным органом охраны прав и законных интересов обращающихся за совершением нотариальных действий лиц. Нотариальная охрана позволяет сократить число оспариваний юридических пороков сделки, исключает факт фальсификации подписи и в значительной степени минимизирует число рейдерских захватов бизнеса. Автор рассматривает нотариат в качестве института превентивного правосудия.

Простая письменная форма несет в себе риски и сложности для добросовестной стороны сделки. На участников сделок возлагается обязанность производить финансовые затраты на юридическое сопровождение с целью проведения всестороннего анализа сделок и их возможного последующего оспаривания. В отличие от фиксированных размеров федерального и регионального тарифа юридические услуги не обладают пределами тарификации. В случае привлечения юристов для анализа проектов сделок, совершаемых в простой письменной

форме, весь риск ответственности за ненадлежащую правовую оценку ложится на заказчика. При нотариальной форме сделки нотариус несет полную материальную ответственность при наличии пороков в ее содержании вследствие недолжной осмотрительности.

Логично предположить, что большинство порочных сделок с долями ООО в последующем будут переданы на рассмотрение судов. Стороны порочной сделки в отечественной каузальной системе будут вовлечены в длительные, финансово затратные судебные тяжбы. При этом в отличие от сделок в нотариальной форме, имеющей преюдициальное значение, сделки в простой письменной форме проходят более сложную процедуру доказывания. Данный тезис подтверждается статьей 69 АПК РФ.

Обсуждение искоренения нотариальной формы передачи долей адептами немецкой сделочной парадигмы противоречит фундаментальным основам немецкого корпоративного права. Так, в силу ст. 15 немецкого Закона об ООО все сделки по передаче долей, включая уступку, подлежат нотариальному удостоверению.

В соответствии с немецким законодательством обязательственный договор отчуждения долей в уставном капитале ООО подлежит нотариальному удостоверению. Несоблюдение нотариальной формы обязательственного договора влечет его недействительность в силу § 125 Германского гражданского уложения, соответственно, распорядительная сделка не может состояться²³. При этом немецкое законодательство не делает исключений для формы отчуждения долей в уставном капитале ООО. Нотариальному удостоверению также подлежат опционные соглашения и их последующие акцепты.

Отечественная правовая система продолжительное время формировалась под влиянием немецкой юридической парадигмы, основанной на рецепции римского права. Этим объясняется сходство принципов правового регулирования и структуры публично-правовых институтов. Видится вполне оправданным детальное изу-

²³ URL: <https://gmbhg.kommentar.de/Abschnitt-2/Uebertragung-von-Geschaeftsanteilen> (дата обращения: 09.05.2024) (авторы комментария — Dr. S. von Göler, Th. von Göler).

чение и анализ германских механизмов охраны корпоративных прав. Применительно к отечественному нотариату, относящемуся к романо-германскому правовому типу, рецепция норм и правил германского законодательства с позиции охраны прав и стабилизации гражданского оборота показала значительную эффективность. Вместе с тем в рамках обычной экономической деятельности существующая каузальная система позволяет в достаточной степени обеспечить стабильный оборот долей в хозяйственных обществах и защиту прав добросовестных контрагентов.

Выводы

Эффективность применения немецкого принципа абстракции в отечественных отношениях имеет ограниченный характер. Разделение сделок видится актуальным в случае несостоятельности контрагента по возникшему обязательству в момент его исполнения.

Безусловное заимствование принципа разделения осложнит гражданский оборот ввиду того, что расширит основания оспаривания фактов заключения и исполнения сделок.

Каузальная и абстракционная системы в равной мере обеспечивают охрану добросовестных приобретателей на основе различных правовых механизмов. Несмотря на дифференциацию подходов к заключению сделок, обе модели демонстрируют свою эффективность. Вместе с тем отмечается смешение принципов каузальности и абстрактности с учетом специфики экономической деятельности в рассматриваемых правопорядках.

Нотариальная форма сделки позволяет сократить число оспариваний юридических пороков, исключает факт фальсификации подписи и в значительной степени минимизирует число рейдерских захватов бизнеса. Ввиду этого искоренение обязательной нотариальной формы обязательственных корпоративных сделок является неэффективной мерой, противоречащей основам каузальной и абстракционной систем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бевзенко Р. С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2019. — № 11. — С. 127–169 ; № 12. — С. 68–115.
2. Бевзенко Р. С. Отчуждение долей в ООО: купля-продажа, сделка по передаче доли, государственная регистрация // Закон. — 2023. — № 2. — С. 31–43.
3. Василевская Л. Ю. Вещные сделки по германскому праву: методология гражданско-правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2004. — 47 с.
4. Егоров А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. — 2019. — № 6. — С. 51–107.
5. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. О. Батищев, А. А. Громов, А. Г. Карапетов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2022. — 1496 с.
6. Карапетов А. Г. Распорядительная сделка и ее абстрактность: «за» и «против» // URL: https://zakon.ru/blog/2013/9/26/rasporyaditelnaya_sdelka_i_ee_abstraktnost_za_i_protiv.
7. Карнаков Я. В. О недостатках и противоречиях нового режима оборота долей в уставном капитале ООО // Вестник ВАС РФ. — 2012. — № 6. — С. 16–57.
8. Кашуба Е. С. О восприятии распорядительных сделок в российской судебной практике // Право и экономика. — 2023. — № 7. — С. 44–52.
9. Корсик К. А. Расширительное толкование нормы об обязательной нотариальной форме сделок с жилой недвижимостью // Нотариальный вестник. — 2023. — № 3. — С. 2–4.
10. Новоселова Л. В. Договор купли-продажи доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Хозяйство и право. — 2011. — № 9. — С. 17–30.

11. Проблемы развития частного права : сборник статей к юбилею Владимира Саурсеевича Ема / С. С. Алексеев, А. В. Асосков, В. Ю. Бузанов [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. — М. : Статут, 2011. — 559 с.
12. Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. — М. : Статут, 2005. — 636 с.
13. Суханов Е. А. О видах сделок в германском и в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. — 2006. — № 2.
14. Тужилова-Орданская Е. М., Лукьяненко В. Е. Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». — 2019. — Вып. 45. — С. 519–539.
15. Фрезе Б. Н. Очерки греко-египетского права. Ч. 1. — Ярославль, 1912. — 239 с.
16. Черемных Г. Г., Бочковенко В. А. О дальнейшем совершенствовании законодательства о нотариате и нотариальной деятельности // Нотариальный вестник. — 2023. — № 2. — С. 35–46.
17. Шишмарева Т. П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. — М. : Статут, 2018. — 239 с.
18. Müller K. J. The GmbH : A guide to the German limited liability company. — München : Beck ; Kluwer Law International, 2006.

Материал поступил в редакцию 26 июля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bevzenko R. S. Kommentariy k st. 8.1 Grazhdanskogo kodeksa RF // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2019. — № 11. — S. 127–169; № 12. — S. 68–115.
2. Bevzenko R. S. Otchuzhdenie doley v OOO: kuplya-prodazha, sdelka po peredache doli, gosudarstvennaya registratsiya // Zakon. — 2023. — № 2. — S. 31–43.
3. Vasilevskaya L. Yu. Veshchnye sdelki po germanskomu pravu: metodologiya grazhdansko-pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2004. — 47 s.
4. Egorov A. V. Rasporyaditelnye sdelki: vyyti iz sumraka // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2019. — № 6. — S. 51–107.
5. Ispolnenie i prekrashchenie obyazatelstva: kommentariy k statyam 307–328 i 407–419 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / A. O. Batishchev, A. A. Gromov, A. G. Karapetov [i dr.]; отв. ред. А. Г. Карпетов. — М.: М-Logos, 2022. — 1496 с.
6. Karapetov A. G. Rasporyaditelnaya sdelka i ee abstraktnost: «za» i «protiv» // URL: https://zakon.ru/blog/2013/9/26/rasporyaditelnaya_sdelka_i_ee_abstraktnost_zh_i_protiv.
7. Karnakov Ya. V. O nedostatkakh i protivorechiyakh novogo rezhima oborota doley v ustavnom kapitale OOO // Vestnik VAS RF. — 2012. — № 6. — S. 16–57.
8. Kashuba E. S. O vospriyatii rasporyaditelnykh sdelok v rossiyskoy sudebnoy praktike // Pravo i ekonomika. — 2023. — № 7. — S. 44–52.
9. Korsik K. A. Rasshiritelnoe tolkovanie normy ob obyazatelnoy notarialnoy forme sdelok s zhiloy nedvizhimostyu // Notarialnyy vestnik. — 2023. — № 3. — S. 2–4.
10. Novoselova L. V. Dogovor kupli-prodazhi doli v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu // Khozyaystvo i pravo. — 2011. — № 9. — S. 17–30.
11. Problemy razvitiya chastnogo prava: sbornik statey k yubileyu Vladimira Saurseevicha Ema / S. S. Alekseev, A. V. Asoskov, V. Yu. Buzanov [i dr.]; отв. ред. Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. — М.: Статут, 2011. — 559 с.
12. Sarbash S. V. Ispolnenie dogovornogo obyazatelstva. — М.: Статут, 2005. — 636 с.
13. Sukhanov E. A. O vidakh sdelok v germanskom i v rossiyskom grazhdanskom prave // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2006. — № 2.

14. Tuzhilova-Ordanskaya E. M., Lukyanenko V. E. Konvalidatsiya nedeystvitelnykh сделок v rossiyskom prave // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2019. — Vyp. 45. — S. 519–539.
15. Freze B. N. Ocherki greko-egipetskogo prava. Ch. 1. — Yaroslavl, 1912. — 239 s.
16. Cheremnykh G. G., Bochkovenko V. A. O dalneyshem sovershenstvovanii zakonodatelstva o notariate i notarialnoy deyatel'nosti // Notarialnyy vestnik. — 2023. — № 2. — S. 35–46.
17. Shishmareva T. P. Nedeystvitelnost' сделок i deystviy v protsedurakh nesostoyatel'nosti v Rossii i Germanii. — M.: Statut, 2018. — 239 s.
18. Müller K. J. The GmbH: A guide to the German limited liability company. — München: Beck; Kluwer Law International, 2006.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.156-167

О. В. Фонотова*

Феномен транснационализации в международном коммерческом праве

Аннотация. Транснационализация характеризуется существованием правовых норм и правил, являющихся универсальными, то есть общими по содержанию для большинства правовых порядков. На основе исторического обзора, анализа действующих нормативных актов в сфере регулирования трансграничных коммерческих отношений и статистики рассмотрения споров в судах и в международном коммерческом арбитраже показано, что транснационализация является ключевой характеристикой современного международного коммерческого права. Транснациональными являются нормы и правила, составляющие международное коммерческое право. Такое состояние правовых норм и правил в международном коммерческом праве в течение последних 30 лет преимущественно обеспечивается за счет деятельности международных организаций. Транснациональные по содержанию нормы и правила в основном включены в документы, не имеющие обязательной юридической силы. Вместе с тем такой нормативный материал оказывает заметное правовое воздействие одновременно в нескольких юрисдикциях и в разных правовых ситуациях.

Ключевые слова: транснациональное коммерческое право; транснационализация; негосударственное регулирование; *lex mercatoria*; Принципы УНИДРУА; Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г.; международные коммерческие контракты; торговля; Институт УНИДРУА; Международная торговая палата; ЮНСИТРАЛ; Гагская конференция по международному частному праву.

Для цитирования: Фонотова О. В. Феномен транснационализации в международном коммерческом праве // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 156–167. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.156-167.

The Phenomenon of Transnationalization in International Commercial Law

Olga V. Fonotova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, HSE University, Moscow, Russian Federation
olga.fonotova@gmail.com

Abstract. Transnationalization is characterized by the existence of legal norms and rules that are universal, that is, common in content to most legal orders. Based on a historical review, analysis of current regulations in the area of regulation of cross-border commercial relations and statistics on the consideration of disputes in courts and in international commercial arbitration, it is shown that transnationalization is a key characteristic of modern

© Фонотова О. В., 2025

* Фонотова Ольга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента правового регулирования бизнеса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
olga.fonotova@gmail.com

international commercial law. Transnational are the norms and rules that constitute international commercial law. This state of legal norms and rules in international commercial law over the past 30 years has been ensured primarily through the activities of international organizations. Transnational norms and rules are mainly included in documents that do not have binding legal force. At the same time, such standards have a noticeable legal impact simultaneously in several jurisdictions and in different legal situations.

Keywords: transnational commercial law; transnationalization; non-governmental regulation; lex mercatoria; UNIDROIT Principles; 1980 UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods; international commercial contracts; trade; UNIDROIT; International Chamber of Commerce; UNCITRAL; Hague Conference on Private International Law.

Cite as: Fonotova OV. The Phenomenon of Transnationalization in International Commercial Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):156-167. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.156-167.

Международное коммерческое право считается столь же древним, как и сама международная торговля¹, его становление и развитие тесно связано с торговым обычаем. В Европе распространение международных торговых обычаев было переплетено с развитием морского права: обычаи торгового мореплавания распространялись органично, по мере расширения морских путей и закрепления экономических контактов между европейскими и иностранными купцами. Формирование обычаев шло в основном путем заимствования многократно апробированной коммерческой практики. Средневековое обычное право (или, как его еще именуют, lex mercatoria²) было правом всех государств в целом и, следовательно, не являлось правом какого-то одного государства³.

В период между XI и XV вв. для обеспечения большей определенности на побережье Средиземного моря и в смежных морских бассейнах было создано несколько влиятельных сборников торговых обычаев, в основном морских⁴. Таким образом, торговое (коммерческое) право исторически формировалось вне национальных правовых систем и даже при отсутствии таковых, поэтому для данного правового комплекса характерны преимущественно негосударственный порядок возникновения регулирующих норм и особые, вненациональные формы их выражения и закрепления.

Средневековое торговое право создавалось спонтанно, не отличалось системностью⁵ и в целом было фрагментированным⁶. Это объясняется тем, что правила ведения торговли

¹ Bewes W. A. Romance of the Law Merchant. Being an Introduction to the Study of International and Commercial Law with some account of the Commerce and Fairs of the Middle Ages. London : Sweet & Maxwell, 1923. P. 50.

² Концепция lex mercatoria обстоятельно исследована в отечественной доктрине. См., например: Карсакова Н. А. Теория lex mercatoria в юридической доктрине и практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

³ Michaels R. The True Lex Mercatoria: Law Beyond the State // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2008. Vol. 14. No. 2. P. 454.

⁴ Наиболее известными сборниками тех времен являются Амальфитанские таблицы XI в. и чрезвычайно влиятельный Закон Олерона (Олеронские свитки, или Олеронские правила) XII в., легший в основу многих более поздних торговых кодификаций и сводов. Подробнее об истории международного коммерческого права см., например: Комнатная Ю. А., Чистюхина М. В. Территориальное действие международных коммерческих обычаев (lex mercatoria) — Свитков Олерона (XI–XIII вв.) — и их влияние на национальное право средневековых европейских государств: систематический обзор // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 5. С. 814–822. URL: <https://doi.org/10.30853/mns210175>.

⁵ Transnational Commercial Law: Text, Cases and Materials. 2nd ed. / R. Goode, H. Kronke, E. McKendrick (eds.). Oxford : Oxford University Press, 2015. P. 15.

⁶ Подробный критический анализ доктрины lex mercatoria на основе исторических фактов содержится в работе: Hatzimihail N. The Many Lives — And Faces — of Lex Mercatoria: An Essay on the Genealogy of International Business Law // Law and Contemporary Problems. 2008. Vol. 71. No. 3. P. 169–190.

эволюционировали параллельно в нескольких центрах (городах) на фоне европейской урбанизации, роста и специализации купеческого сословия, создания в городах купеческих и консульских судов. В таких условиях торговые операции в отдельных сферах торговли становились более организованными, их содержание и оформление постепенно обретали единообразный характер. Вместе с тем единообразие не было всеобщим, регулирование торговых сделок отличалось от одного города к другому, решения локальных купеческих судов не были согласованы между собой. Иными словами, в средневековый период не было условий для действительно международного унифицированного (или даже гармонизированного) правового регулирования коммерческих сделок.

Однако международная торговля могла процветать, только если коммерческие сделки опирались на правила и практику, которые пользовались всеобщим признанием. Понятные и для всех приемлемые правила осуществления торговых операций помогали коммерсантам быстро достигать договоренностей, оперативно разрешать споры, сглаживали разногласия. Такие нормы позволяли иностранцам общаться на одном языке. По этой причине со временем устные обычаи стали получать закрепление в письменных сводах деловой практики. Примечательно, что основные правила нередко перетекали из одного свода в другой, повторялись в разных источниках, заимствовались — соответственно масштабированию и распространению коммерческой практики. Тем не менее истинной универсальности в содержании нормативных установлений коммерческое право в средневековый период обеспечить не могло ввиду разрозненности центров нормотворчества, несогласованности действий судов и в целом отсутствия общей организованной направленности

усилий торгового сообщества на формирование унифицированного правового контура для коммерческих сделок. Проще говоря, коммерсанты преимущественно занимались торговлей, а не написанием ее правил.

Поскольку международное коммерческое право зародилось как вненациональное, признание его норм обеспечивалось за счет двух факторов: во-первых, изначальным источником таких норм традиционно выступали сами купцы, которые их применяли в повседневном обороте (то есть нормативный материал черпался из частных договоренностей), и, во-вторых, содержание норм и правил международного коммерческого права было основано на многократно повторяющейся, масштабируемой, наиболее приемлемой практике и потому оно всегда стремилось к унифицированному состоянию.

Первая особенность — создание правил поведения в деятельности коммерсантов — является известной исторически обусловленной характеристикой международного коммерческого права, которая достаточно хорошо изучена в доктрине⁷. Данный путь привел к формированию обычаев и обычного правового регулирования. Особенности возникновения торгового обычая как особой формы источников права подробно описывает английский ученый Рой Гуд⁸. В отечественной доктрине феномен обычая исследован в трудах профессоров И. С. Зыкина⁹ и В. А. Белова¹⁰. Таким образом, обычай не нуждается в дополнительном представлении. Здесь следует лишь отметить, что обычное право характеризуется спонтанностью формирования, оно несистемно и переменчиво. Кроме того, на практике установить содержание неписаной обычной нормы весьма затруднительно. На этом основании утверждения о том, что международное коммерческое право эволюционирует в русле обычно-правовых установлений,

⁷ См., например: *Ломакина Е. В.* Негосударственное регулирование международных коммерческих отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2015.

⁸ *Goode R.* Usage and its Reception in Transnational Commercial Law // *New Developments in International Commercial and Consumer Law* / J. S. Ziegel, S. Lerner (eds.). Oxford : Hart Publishing, 1998. P. 3–36.

⁹ *Зыкин И. С.* Обычаи и обыкновения в международной торговле. М. : Международные отношения, 1983.

¹⁰ *Белов В. А.* Торговые обычаи как источники международного торгового права: содержание и применение // *Правоведение*. 2013. № 1. С. 52–101.

создаваемых самим торговым сообществом, звучат спорно.

По нашему мнению, важнее обратить внимание на второй фактор, обусловивший развитие международного коммерческого права, который предопределяет его современное состояние и указывает перспективы его совершенствования. Предлагается осветить всё более возрастающую в торговом праве целенаправленную деятельность международных организаций по созданию единообразных по содержанию правил поведения, сопровождаемую их систематизацией и толкованием. Такое движение не является непосредственным продолжением разрозненных практик коммерсантов, оно было специально организовано в рамках упорядоченной нормотворческой активности нескольких международных организаций, а потому отличалось системным подходом и сопровождалось подготовкой письменных источников, не только и не столько обобщивших имеющуюся коммерческую практику (обычные нормы), но указавших наиболее перспективные решения правовых ситуаций¹¹ и пояснивших особенности их практической реализации.

Данный аспект международного коммерческого права остается слабо исследованным в отечественной литературе на фоне преобладания дискуссий, в основном выстроенных вокруг феномена обычая¹². Исключения составляют современные труды Н. Г. Вилковой, выявившей частноправовой метод унификации норм в современном международном коммерческом

договорном праве¹³, С. В. Бахина, отметившего зарождение особой формы негосударственного регулирования, создаваемого международными организациями¹⁴, Д. П. Стригуновой, которая исследовала системное взаимодействие традиционных источников права и вненациональных правовых регуляторов коммерческих отношений¹⁵, М. В. Мажориной, фокус внимания которой приходится на изучение множественности подсистем, регулирующих трансграничные частные отношения, включая частные правовые режимы, создаваемые отдельными социальными группами¹⁶. Вместе с тем магистральная идея международного коммерческого права как общеизвестного и общепринятого права, предлагающего единообразную и притом наиболее желательную правовую регламентацию коммерческих отношений, которая служит общим основанием его эволюции, не была самостоятельно исследована в российской доктрине. Данная генеральная линия выделяет международное коммерческое право среди других областей права, обособляет эту сферу по отношению к национальному частному праву, включая международное частное право, и потому вызывает особый интерес у исследователей коммерческого права.

Указанный уникальный феномен называется в науке коммерческого права транснационализацией¹⁷. «Транснациональный», согласно этимологии слова, буквально означает «распространяющийся или выходящий за пределы национальных границ»¹⁸. В правовом контек-

¹¹ Transnational Commercial Law: Texts, Cases and Materials. P. 463.

¹² См., например: Дьяконова А. А. Обычай международной торговли как источник негосударственного регулирования внешнеэкономических сделок : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

¹³ Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте. М. : Статут, 2004. Ч. 1.

¹⁴ Бахин С. В. Субправо (международные своды унифицированного контрактного права). СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002.

¹⁵ Стригунова Д. П. Эмерджентность системы правовых регуляторов международных коммерческих договоров в праве России, стран ЕАЭС и ЕС : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.

¹⁶ См., например: Мажорина М. В. Право сообщества (lex communitas) как современный этап развития lex mercatoria // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 6 (151). С. 105–114.

¹⁷ Calliess G.-P., Hoffmann H. B., Lobschat J. M. Explaining the Transnationalization of Commercial Law // State Transformations in OECD Countries. Transformations of the State / H. Rothgang, S. Schneider (eds.). London : Palgrave Macmillan, 2015. P. 127–142.

¹⁸ URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/transnational> (дата обращения: 14.08.2024).

сте данное определение относится к тому, что действует, реализуется, влияет или подвергается влиянию сразу в нескольких юрисдикциях (правовых системах). Транснациональная сущность нормативного материала выражается в сходном содержании норм и правил, применяемых для регулирования международных коммерческих отношений, при этом не имеет значения, в каком источнике содержатся такие нормы, а также кто выступает их автором¹⁹.

С этим связано сформировавшееся позднее понимание транснационального коммерческого права как права, которое не является особенностью или продуктом какой-либо одной правовой системы, но представляет собой конвергенцию норм, взятых из нескольких правовых систем, или даже, по мнению некоторых сторонников обособления транснационального коммерческого права, собрание норм, которые полностью вненациональны и обретают силу благодаря межнациональному использованию и соблюдению их торговым сообществом²⁰. Таким образом, именно нормы и правила (но не охватываемые ими факты, отношения или лица) имеют транснациональный характер в данной правовой области.

Стремление к транснационализации сопровождало коммерческое право в международном деловом обороте на протяжении всей его истории. Однако наиболее выразительно и объемно данное его свойство проявилось на рубеже XX–XXI вв. Этому способствовала активность образованных в XX в. международных организаций. Влияние и роль гильдий купцов естественным образом снизились с усилением суверенных государств и укреплением национальных правовых систем в XIX в. По окончании Первой мировой войны уже не существовало международных структур, которые могли успешно решать вопросы трансграничного бизнеса, были ослаблены сообщества коммерсантов, которые не могли эффективно устанавливать общие правила для коммерческих операций. В этих условиях нормотворческие усилия переместились от

непосредственно участников оборота к институционально оформленным международным образованиям. Данный качественный сдвиг в нормотворческих практиках и формирование влиятельных центров формулирования коммерческих норм и правил предопределило образ современного транснационального коммерческого права.

Особая миссия выпала Международной торговой палате (МТП), созданной в 1919 г.²¹, — данная неправительственная организация стала проводником интересов глобального бизнеса. Следует отметить, что документы, созданные рабочими группами МТП, уже нельзя безоговорочно отнести к обычаям, к праву, идентичному *lex mercatoria* средневекового образца. Разработка таких документов строго регламентирована, ведется целенаправленно, в основном с участием ученых и юристов, а представители бизнеса привлекаются в качестве консультантов. В этом деятельность МТП отчасти сходна с традиционным правотворчеством, осуществляемым на национальном и международном уровне. Аналогичный подход к нормотворчеству прослеживается в работе других международных организаций по подготовке транснациональных норм и правил коммерческого права.

К числу важнейших для коммерческой сферы документов, опубликованных МТП, относятся Правила по использованию национальных и международных торговых терминов (ICC Rules for the Use of Domestic and International Trade Terms, INCOTERMS, Инкотермс), ныне действующие в девятой редакции, выпущенной в 2020 г. (публикация МТП № 723Е). Не менее популярны Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов (Uniform Customs and Practice for Documentary Credits, UCP 600), актуальная редакция которых была принята в 2007 г. (публикация МТП № 600). Большое прикладное значение имеют типовые формы основных видов коммерческих контрактов и типовые договорные положения (оговорки), подготовленные под руководством МТП.

¹⁹ Transnational Commercial Law: Texts, Cases and Materials. P. 4.

²⁰ Goode R. Op. cit. P. 4.

²¹ Сайт МТП. URL: <https://iccwbo.org/> (дата обращения: 14.08.2024).

О значении данных источников говорит то, что Инкотермс называют Библией международной торговли; контракты международной купли-продажи товаров, предполагающие перевозку, основываются на Инкотермс, а Унифицированные правила UCP 600 включены в национальное законодательство многих государств, участвующих в мировой торговле, и строго соблюдаются банками более 100 стран²². Унифицированное содержание, а также широкое признание и применение документов МТП в международном коммерческом обороте свидетельствует об их транснациональности.

К унификации права международной торговли призывали видные ученые прошлого века. Известный правовед Рене Давид горячо отстаивал идеалы унифицированного и гармонизованного международного коммерческого права. Наилучшим способом достижения искомого единообразия ученый считал возвращение к методу средневекового *ius commune*, которое, не умаляя суверенитет государств, способно преодолеть чрезмерную фрагментацию права среди слишком большого числа разрозненных правопорядков²³. Французский правовед выступил одним из основоположников идеи создания в 1926 г. Международного института по унификации частного права (*Institut International pour l'Unification du Droit Privé*, UNIDROIT, УНИДРУА)²⁴.

Самый популярный инструмент, разработанный данной организацией, — Принципы международных коммерческих договоров (*the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts*, Принципы УНИДРУА), ставшие результатом совместного труда ведущих ученых-

юристов из разных стран, сформулировавших общие основы международного коммерческого договорного права. Первая версия документа увидела свет 30 лет назад, в 1994 г., а сейчас он существует в четвертой редакции 2016 г.²⁵ В настоящее время Принципы УНИДРУА рассматриваются как центральный источник, воплотивший транснациональный подход в праве международных коммерческих контрактов²⁶. Как констатирует германский юрист и арбитр Э. Бредерман, Принципы УНИДРУА «стали стандартом, который должны знать современные арбитры»²⁷. Добавим, что положения данного документа должны быть известны не только арбитрам, но и судьям национальных судов, рассматривающих коммерческие споры. Практика российских судов свидетельствует, что с 1994 г. отечественные правоприменители процитировали Принципы УНИДРУА в 455 решениях (интересно, что примерно 30 % из них были вынесены в 2023–2024 гг., а несколько решений относится к судам общей юрисдикции)²⁸, и это очень высокий показатель.

Данный свод правил международного контрактного права продемонстрировал уникальную черту транснационального коммерческого права: его создателями и главными систематизаторами оказались ученые-юристы, сообща действующие при поддержке влиятельной международной организации. Таким образом, взамен спонтанной деятельности сообщества коммерсантов, проявившейся в обычном праве, определяемом как *lex mercatoria*, целенаправленные усилия сообщества правоведов и международных организаций послужили опорой

²² Фрумкин Б. Е. Международная торговая палата: роль в мировом экономическом развитии // Россия и современный мир. 2004. № 2. С. 174–184.

²³ David R. The International Unification of Private Law // The International Encyclopedia of Comparative Law. Vol. 2. Tübingen : J. C. B. Mohr, 1971. Ch. 5. P. 33.

²⁴ Сайт Института УНИДРУА. URL: <https://www.unidroit.org/> (дата обращения: 14.08.2024).

²⁵ Принципы УНИДРУА 2016 г. (текст на русском языке) // URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-Russian-bl.pdf> (дата обращения: 14.08.2024).

²⁶ См.: Transnational Commercial Law: Texts, Cases and Materials. P. 461–479.

²⁷ The Multiple Roles of the UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts in Arbitration // URL: <https://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2023/09/13/the-multiple-roles-of-the-unidroit-principles-of-international-commercial-contracts-in-arbitration/> (дата обращения: 14.08.2024).

²⁸ Статистика приводится согласно СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2024).

для становления международного коммерческого права в его современном виде.

Идейным вдохновителем, определившим контуры деятельности созданной в 1966 г. Комиссии ООН по праву международной торговли (United Nations Commission on International Trade Law, UNCITRAL, ЮНСИТРАЛ)²⁹, был видный английский ученый Клайв Шмиттгофф. Активный сторонник единообразного права для международных коммерческих договоров, он отмечал, что попытка международного частного права локализовать международные правоотношения в рамках национальной правовой системы противоречит объекту и цели международных отношений³⁰. Прислушавшись к призывам К. Шмиттгоффа и иных сторонников унификации, Генеральная Ассамблея ООН определила ЮНСИТРАЛ в качестве агента, с помощью которого ООН могла бы играть более активную роль в сокращении или устранении препятствий, связанных с разобщенностью национальных правовых порядков, и в обеспечении транснационального характера правового регулирования трансграничных коммерческих сделок³¹. Итогом работы ЮНСИТРАЛ по унификации права международной торговли стала Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров, принятая в 1980 г. в г. Вене, Австрия (Венская конвенция 1980 г.)³². Это важнейший документ международно-правовой унификации норм международного коммерческого права, обладающий, в отличие от большинства транснациональных источников, обязательной юридической силой. Сейчас в Венской конвенции 1980 г. участвуют 97 государств³³, представляющих потенциально около 80 % мирового торгового оборота.

Наконец, следует отметить усилия Гагской конференции по международному частному праву³⁴ в сфере укрепления транснационализации коммерческого права. Мандат данной межправительственной организации заключается в работе над постепенной унификацией норм международного частного права. Важными для транснационального коммерческого права являются сформулированные данной организацией Принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах (приняты в г. Гааге, Нидерланды, в 2015 г.) (Гагские принципы 2015 г.). Принципы не имеют обязательной юридической силы, но оказывают решающее влияние на статус транснационального коммерческого права, давая международное одобрение соответствующим рекомендательным транснациональным документам (таким как Принципы УНИДРУА) для их применения в качестве права, регулирующего трансграничные договорные отношения коммерсантов. Важно, что статья 3 Гагских принципов 2015 г. подразумевает выбор вненациональных правовых норм не только в контексте международного коммерческого арбитража, но и при рассмотрении коммерческого спора в государственном суде (конечно, при условии, что такой выбор разрешен согласно национальным коллизионным нормам), расширяя сферу потенциального действия транснациональных регуляторов.

В названиях вышеуказанных документов нашел отражение важный тренд нормотворческой работы: взамен традиционных конвенций в области договорного права в последние 30 лет активно используется инновационный путь разработки юридически необязательных принципов. Этот подход просматривается и в

²⁹ Сайт ЮНСИТАЛ // URL: <https://uncitral.un.org/ru> (дата обращения: 14.08.2024).

³⁰ Schmitthoff C. M. Nature and Evolution of the Transnational Law of Commercial Transactions // The Transnational Law of International Commercial Transactions / N. Horn, C. M. Schmitthoff (eds.). Boston : Kluwer, 1982. P. 21–22.

³¹ Сайт ЮНСИТРАЛ. URL: <https://uncitral.un.org/ru/about> (дата обращения: 14.08.2024).

³² Сайт ЮНСИТРАЛ. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf> (дата обращения: 14.08.2024).

³³ Сайт ЮНСИТРАЛ. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg/status (дата обращения: 14.08.2024).

³⁴ Сайт Гагской конференции по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/home> (дата обращения: 14.08.2024).

современной нормотворческой деятельности международных организаций, и в попытках систематизации коммерческого права, принимаемых учеными³⁵. Таким образом, транснациональное коммерческое право создается преимущественно целенаправленными негосударственными усилиями, что отличает его, с одной стороны, от традиционного обычного торгового права, формируемого в спонтанной коммерческой практике, а с другой стороны, от привычных нормативных правовых актов, поскольку транснациональные нормы сосредоточены в основном в сводах, имеющих рекомендательный характер (исключением для договоров купли-продажи товаров является Венская конвенция 1980 г., как юридически обязательный документ для стран, ратифицировавших ее). В целом тенденция развития неформального, не связывающего государства регулирования трансграничных отношений рассматривается в литературе как важнейшая особенность международного коммерческого права XXI в.³⁶ Именно в негосударственных актах наиболее свободно проявляется и развивается транснациональный феномен коммерческого права.

Важно обратить внимание, что негосударственные источники международного коммерческого права не изолированы друг от друга, а существуют в тесном системном взаимодействии. Так, Принципы УНИДРУА используются для толкования положений Венской конвенции 1980 г. и развивают их³⁷. Гаагские принципы 2015 г. (ст. 3) предоставляют правовое основание для более широкого применения Принципов УНИДРУА, позволяя использовать данный свод норм и правил в качестве права, применимого в трансграничных договорных отношениях. Типовые формы договоров, разрабатываемые МТП, учитывают Принципы УНИДРУА и указывают на них в качестве применимого регулятора для договорных отношений сторон³⁸. Обобщая взаимосвязь транснациональных регуляторов и авторизуя ее, ЮНСИТРАЛ, УНИДРУА и Гаагская конференция по международному частному праву в 2021 г. выпустили трехстороннее Правовое руководство по единообразным документам в области международных коммерческих договоров с уделением особого внимания купле-продаже³⁹. Цель данного справочного издания — предоставить доступ к единообраз-

³⁵ Проекты по систематизации и разработке транснациональных норм коммерческого права в разное время предпринимались лордом Мэстилом (Великобритания), впервые выделившим 20 принципов *lex mercatoria* на основе обобщения арбитражной практики; профессором К. П. Бергером (Германия), создавшим Центр транснационального права, ведущий перечень принципов международного коммерческого права; профессором О. Ландо (Дания), возглавлявшим рабочую группу по подготовке Принципов европейского договорного права. Однако успех данных начинаний в качестве нормативного материала был довольно слабый: по сравнению с Принципами УНИДРУА такие проекты остались в основном научными разработками. Исключением являются Принципы европейского договорного права, оказавшие влияние на развитие частного права в Европейском Союзе и за его пределами. См. об этом: Ахаимова Е. А. Реализация Принципов европейского договорного права в зарубежном законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

³⁶ См.: *Berger K. P. The Principles of European Contract Law and Concept of the «Creeping Codification» of Law // European Review of Private Law. 2001. Iss. 1. P. 21–34.*

³⁷ См.: Преамбула Принципов УНИДРУА 2016 г.

Согласно базе данных Unilex, Принципы УНИДРУА были использованы в 58 значимых арбитражных и судебных спорах для толкования Венской конвенции 1980 г.

³⁸ См., например: *Вилкова Н. Г. Типовые контракты в XXI в.: настоящее и будущее // Арбитраж и регулирование международного коммерческого оборота: российские, иностранные и трансграничные подходы. Liber Amicorum в честь 70-летия А. С. Комарова / сост. и науч. ред.: Н. Г. Маркалова, А. И. Муранов. М. : Статут, 2019. С. 170.*

³⁹ *Legal Guide to Uniform Legal Instruments in the Area of International Commercial Contracts (with a focus on sales) // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/20-04609_ebook-russian_0.pdf (дата обращения: 14.08.2024).*

ным правовым документам в области права международной купли-продажи, подготовленным каждой организацией, в первую очередь, хотя и не исключительно, к Венской конвенции 1980 г., Принципам УНИДРУА 2016 г. и Гагским принципам 2015 г. В Руководстве предпринята попытка прояснить взаимосвязь между ними, способствовать единообразию, определенности и ясности в этой области права и закреплению предсказуемой и гибкой правовой среды для трансграничных коммерческих сделок, основанных на свободе договора.

Транснационализация недостижима без участия международных коммерческих арбитражей и национальных судов, признающих такие альтернативные регуляторы⁴⁰ в качестве приемлемых и подходящих для правового регулирования коммерческих отношений в большей или меньшей степени. Особенно примечателен правоприменительный опыт, связанный с использованием транснациональных актов, в частности Принципов УНИДРУА. Германский ученый Ральф Михаэльс выявил девять различных способов фактического применения данного документа в течение первых 20 лет его существования. В течение последних 10 лет произошло усиление и укрепление позиций данного источника в международной и национальной практике (о чем свидетельствует, например, ранее приведенная статистика по обращению к Принципам УНИДРУА в решениях российских судов).

Наиболее интересен механизм применения Принципов УНИДРУА для толкования и восполнения положений других транснациональных источников, а также для толкования и восполнения норм национального права, в чем проявляется феномен транснационализации. Международной судебно-арбитражной практике из-

вестно по крайней мере 73 зарегистрированных случая применения Принципов УНИДРУА для толкования Венской конвенции 1980 г. и других унифицированных источников международного коммерческого права⁴¹. В 258 спорах Принципы УНИДРУА были использованы для толкования и дополнения содержания национального права. Как минимум 113 раз арбитражи и суды сослались на Принципы УНИДРУА для подтверждения того, что принятое на основе внутреннего права решение соответствует международной интерпретации, международным стандартам, то есть согласуется с транснациональным подходом. Р. Михаэльс видит в таких примерах обращения к Принципам УНИДРУА проявление роли рассматриваемого документа как базового, «вспомогательного права»⁴². Судебно-арбитражная статистика выводит Принципы УНИДРУА далеко за рамки простого негосударственного регулятора, включаемого в договор в качестве договорного положения. Сосредоточенный в документе мощный нормативный заряд материализует в данном международном нормативном акте общее глобальное договорное право, чем закладывает правовую основу международного коммерческого права.

Стоит подчеркнуть, что Российская Федерация принимает самое активное участие в транснационализации коммерческого права. Доля зафиксированной российской судебной практики и решений, вынесенных Международным коммерческим арбитражным судом при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, в общей статистике весьма значительна: Российская Федерация уверенно занимает первое место в мире по количеству зарегистрированных судебных и арбитражных решений, связанных с применением Принципов УНИДРУА (например, база Unilex приводит 51 российское

⁴⁰ Термин «альтернативный правовой регулятор» введен в научный оборот и обоснован Д. П. Стригуновой и Л. А. Чеговадзе. См., например: Чеговадзе Л. А., Стригунова Д. П. Юридическая природа альтернативного правового регулирования международных коммерческих договоров // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 149–152.

⁴¹ Судебно-арбитражная статистика здесь и далее приводится согласно базе данных Unilex, ведение которой администрирует Институт УНИДРУА: URL: https://www.unilex.info/principles/cases/article/102#article_102 (дата обращения: 14.08.2024).

⁴² Michaels R. UNIDROIT Principles as Global Background Law // Uniform Law Review. 2014. Vol. 19. P. 643–668.

судебное решение, что превышает показатели других стран). Вместе с тем российский опыт применения транснациональных регуляторов, как было показано, гораздо обширнее. Таким образом, Россия вносит большой вклад в транснационализацию коммерческого права, что дает богатую почву для развития данного направления в отечественной юридической науке.

Итак, в последние три десятилетия произошло обособление и закрепление особого — транснационального — подхода в коммерческом праве, обеспечивающем международный торговый оборот. Сущность транснационального подхода в международном коммерческом праве заключается в существовании общих для правовых систем в целом или для значительного числа правовых систем норм и правил, предназначенных для регулирования международных коммерческих контрактов. Транснациональный характер регулирования в коммерческом праве достигается за счет разработки единообразных (унифицированных) международных правил осуществления коммерческих сделок с тем, чтобы преодолеть различия между национальными правовыми системами.

Транснационализация коммерческого права обеспечивается международными организациями: МТП, УНИДРУА, ЮНСИТРАЛ, Гаагской конференцией по международному частному праву. Нормотворческие усилия данных центров создания норм и правил международ-

ного коммерческого права скоординированы между собой, а разрабатываемые ими регуляторы и иные акты гармонично дополняют друг друга. Исторический опыт показал, что одних лишь усилий коммерсантов недостаточно для достижения единообразия в правовом регулировании, и на смену преобладавшей в прошлом активности делового сообщества пришла целенаправленная упорядоченная деятельность международных организаций. Именно в рамках данных учреждений ведется работа по усовершенствованию нормативной базы международного коммерческого права.

Усиление эффекта транснационализации в коммерческом праве во многом связано с появлением Принципов УНИДРУА, ставших системообразующим элементом массива правовых регуляторов трансграничных договорных коммерческих отношений. Решающую роль в создании воплотившейся в Принципах УНИДРУА транснациональной правовой основы коммерческого права сыграла исследовательская работа ученых-юристов из разных стран. Наконец, немаловажной является работа центров международного коммерческого арбитража и национальных судов, при поддержке которых транснациональные нормы обретают практическое применение. Таким образом, имеется достаточно оснований для проведения дальнейших научных исследований в области международного коммерческого права в транснациональном контексте.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белов В. А. Торговые обычаи как источники международного торгового права: содержание и применение // Правоведение. — 2013. — № 1. — С. 52–101.
2. Зыкин И. С. Обычаи и обыкновения в международной торговле. — М. : Международные отношения, 1983. — 158 с.
3. Комнатная Ю. А., Чистюхина М. В. Территориальное действие международных коммерческих обычаев (lex mercatoria) — Свитков Олерона (XI–XIII вв.) — и их влияние на национальное право средневековых европейских государств: систематический обзор // Манускрипт. — 2021. — Т. 14. — Вып. 5. — С. 814–822.
4. Фрумкин Б. Е. Международная торговая палата: роль в мировом экономическом развитии // Россия и современный мир. — 2004. — № 2. — С. 174–184.
5. Чеговадзе Л. А., Стригунова Д. П. Юридическая природа альтернативного правового регулирования международных коммерческих договоров // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 1. — С. 149–152.

6. *Berger K. P.* The Principles of European Contract Law and Concept of the «Creeping Codification» of Law // *European Review of Private Law*. — 2001. — Vol. 9. — No. 1. — P. 21–34.
7. *Bewes W. A.* Romance of the Law Merchant. Being an Introduction to the Study of International and Commercial Law with some account of the Commerce and Fairs of the Middle Ages. — London : Sweet & Maxwell, 1923. — 148 p.
8. *Calliess G.-P., Hoffmann H. B., Lobschat J. M.* Explaining the Transnationalization of Commercial Law // *State Transformations in OECD Countries. Transformations of the State* / H. Rothgang, S. Schneider (eds.). — London : Palgrave Macmillan, 2015. — P. 127–142.
9. *David R.* The International Unification of Private Law // *The International Encyclopedia of Comparative Law*. — Vol. 2. — Ch. 5. — Tübingen: J. C. B. Mohr, 1971. — 218 p.
10. *Goode R.* Usage and its Reception in Transnational Commercial Law // *New Developments in International Commercial and Consumer Law* / J. S. Ziegel, S. Lerner (eds.). — Oxford : Hart Publishing, 1998. — P. 3–36.
11. *Michaels R.* The True Lex Mercatoria: Law Beyond the State // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. — 2008. — Vol. 14. — No. 2. — P. 447–468.
12. *Schmitthoff C. M.* Nature and Evolution of the Transnational Law of Commercial Transactions // *The Transnational Law of International Commercial Transactions* / N. Horn, C. M. Schmitthoff (eds.). — Boston : Kluwer, 1982. — 468 p.
13. *Transnational Commercial Law: Texts, Cases and Materials. 2nd ed.* / R. Goode, H. Kronke, E. McKendrick (eds.). — Oxford : Oxford University Press, 2015. — 705 p.

Материал поступил в редакцию 11 августа 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belov V. A. Torgovye обычаи как источники международного торгового права: содержание и применение // *Pravovedenie*. — 2013. — № 1. — S. 52–101.
2. Zykin I. S. Obychai i obyknoveniya v mezhdunarodnoy torgovle. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1983. — 158 s.
3. Komnatnaya Yu. A., Chistyukhina M. V. Territorialnoe deystvie mezhdunarodnykh kommercheskikh obychev (lex mercatoria) — Svitkov Olerona (XI–XIII vv.) — i ikh vliyanie na natsionalnoe pravo srednevekovykh evropeyskikh gosudarstv: sistematicheskiy obzor // *Manuskript*. — 2021. — T. 14. — Vyp. 5. — S. 814–822.
4. Frumkin B. E. Mezhdunarodnaya trgovaya palata: rol v mirovom ekonomicheskom razvitii // *Rossiya i sovremennyy mir*. — 2004. — № 2. — S. 174–184.
5. Chegovadze L. A., Strigunova D. P. Yuridicheskaya priroda alternativnogo pravovogo regulirovaniya mezhdunarodnykh kommercheskikh dogovorov // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. — 2018. — № 1. — S. 149–152.
6. *Berger K. P.* The Principles of European Contract Law and Concept of the «Creeping Codification» of Law // *European Review of Private Law*. — 2001. — Vol. 9. — No. 1. — P. 21–34.
7. *Bewes W. A.* Romance of the Law Merchant. Being an Introduction to the Study of International and Commercial Law with some account of the Commerce and Fairs of the Middle Ages. — London: Sweet & Maxwell, 1923. — 148 p.
8. *Calliess G.-P., Hoffmann H. B., Lobschat J. M.* Explaining the Transnationalization of Commercial Law // *State Transformations in OECD Countries. Transformations of the State* / H. Rothgang, S. Schneider (eds.). — London: Palgrave Macmillan, 2015. — P. 127–142.
9. *David R.* The International Unification of Private Law // *The International Encyclopedia of Comparative Law*. — Vol. 2. — Ch. 5. — Tübingen: J. C. B. Mohr, 1971. — 218 p.

10. Goode R. Usage and its Reception in Transnational Commercial Law // New Developments in International Commercial and Consumer Law / J. S. Ziegel, S. Lerner (eds.). — Oxford: Hart Publishing, 1998. — P. 3–36.
11. Michaels R. The True Lex Mercatoria: Law Beyond the State // Indiana Journal of Global Legal Studies. — 2008. — Vol. 14. — No. 2. — P. 447–468.
12. Schmitthoff C. M. Nature and Evolution of the Transnational Law of Commercial Transactions // The Transnational Law of International Commercial Transactions / N. Horn, C. M. Schmitthoff (eds.). — Boston: Kluwer, 1982. — 468 p.
13. Transnational Commercial Law: Texts, Cases and Materials. 2nd ed. / R. Goode, H. Kronke, E. McKendrick (eds.). — Oxford: Oxford University Press, 2015. — 705 p.

Сетевая форма реализации образовательных программ: основные понятия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся понятийного аппарата, опосредующего применение сетевой формы реализации образовательных программ, урегулированной в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В частности, анализируются подходы к определению понятия сетевой формы реализации образовательных программ и предлагается новое определение данной формы. Предложен механизм кодирования основных элементов сетевой формы. Представлены результаты анализа используемого при регулировании сетевой формы понятия «ресурс», в том числе отражены его существенные признаки и дано определение. Другое рассматриваемое в статье понятие — «сетевой эффект» — отражает востребованность сетевой формы для участников. Данный эффект предполагает возникновение новых, эмерджентных свойств предоставляемого образования, которые было бы невозможно сформировать, если бы участники сетевой формы реализовывали образовательные программы самостоятельно, а также предполагает полезные последствия для каждого участника сетевой формы. Причем полезные последствия могут первоначально возникнуть у одного участника, но они в последующем распространяются по всем другим участникам в непосредственном или трансформируемом виде.

Ключевые слова: сеть; сетевая форма; образовательные программы; ресурс; кодирование; объект права; сетевой эффект; полезность; договор; операции.

Для цитирования: Чеха В. В. Сетевая форма реализации образовательных программ: основные понятия // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 168–177. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.168-177.

Network Form of Implementation of Educational Programs: Basic Concepts

Vadim V. Chekha, Dr. Sci. (Law), Chief Expert, Department for the Development of Educational Activities, Znanie Russian Society, Moscow, Russian Federation
tschecha77@list.ru

Abstract. The paper examines some issues related to the conceptual framework that mediates the application of the network form of implementation of educational programs, regulated by the Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ «On Education in the Russian Federation». In particular, approaches to defining the concept of a network form of implementation of educational programs are analyzed and a new definition of this form is proposed. A mechanism for encoding the main elements of the network form is proposed. The paper presents the results of

© Чеха В. В., 2025

* Чеха Вадим Витальевич, доктор юридических наук, главный эксперт Управления по развитию просветительской деятельности Российского общества «Знание»
Николаямская ул., д. 11, г. Москва, Российская Федерация, 109240
tschecha77@list.ru

an analysis of the concept of «resource» used in regulating the network form, including its essential features and a definition. Another concept considered in the paper, the «network effect», reflects the demand for the network form for participants. This effect implies the emergence of new emergent properties of the education provided, which would be impossible to form if the participants in the network form implemented educational programs independently, and implies beneficial consequences for each participant in the network form. Moreover, beneficial consequences may initially arise in one participant, but they subsequently spread to all other participants in a direct or transformed form.

Keywords: network; network form; educational programs; resource; coding; object of law; network effect; utility; contract; operations.

Cite as: Chekha VV. Network Form of Implementation of Educational Programs: Basic Concepts. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):168-177. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.168-177.

1. Общие положения

Сетевая форма реализации образовательных программ (далее также — сетевая форма) приобретает всё более широкое распространение. Многие образовательные организации рассматривают ее как перспективный механизм, обеспечивающий разработку и реализацию своих образовательных программ. Данный механизм позволяет повышать эффективность использования ресурсов, совершенствовать внутренние и внешние коммуникации образовательных организаций и создавать новые возможности для роста показателей качества образования.

На этом фоне особое значение приобретают вопросы, касающиеся понятийного аппарата, опосредующего применение сетевой формы. Формирование совокупности понятий позволит более явно отразить взаимосвязи между элементами сетевой формы, а также сформировать общие характеристики отношений, регулируемых соответствующими нормами. К числу понятий, которые проанализированы и определены в настоящей статье, прежде всего относятся понятие сетевой формы, а также понятия «ресурс» и «сетевой эффект».

Предложенные в статье дефиниции могут быть использованы органами управления образованием для разработки методических рекомендаций, разъяснений, писем и инструкций в целях обеспечения применения норм законодательства, регулирующих сетевую форму. Такого рода определения могут быть также отражены в законодательстве.

Необходимо отметить, что сетевая форма реализации образовательных программ урегулирована в ст. 15 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹. В соответствии с данной статьей был принят приказ Минобрнауки России № 882, Минпросвещения России № 391 от 05.08.2020 «Об организации и осуществлении образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ»². Этим приказом была утверждена Примерная форма договора о сетевой форме реализации образовательных программ. Таким образом, к сегодняшнему дню сформировалась система правового регулирования сетевой формы.

При этом появилось некоторое количество научных работ, посвященных правовому регулированию сетевой формы³. Тем не менее пока

¹ СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 11.09.2020.

³ См., например: Мошкова Д. М., Лозовский Д. Л. К вопросу о правовом регулировании сетевых форм реализации образовательных программ // Юридический мир. 2014. № 1. С. 20–22; Малеина М. Н. Договор о сетевой форме реализации образовательных программ // Lex russica. 2016. № 7. С. 177–183; Матвеев В. Ю. Правовая природа договора о сетевой форме реализации образовательных программ // Юрист. 2018. № 4. С. 18–24; Шевелева Н. А., Лаврикова М. Ю., Васильев И. А. Сетевая форма обучения: состояние правового регулирования и перспективы развития // Закон. 2016. № 5. С. 161–170.

не сформировалась необходимая база научно-практических исследований, касающихся применения данной формы реализации образовательных программ.

2. Понятие «сетевая форма»

Понятие «сеть» принадлежит к числу распространенных. В толковом словаре Ожегова⁴ содержится несколько значений данного понятия:

- приспособление, изделие из закрепленных на равных промежутках, перекрещивающихся нитей, веревок, проволоки (рыболовная сеть, тральная сеть, сеть для ловли птиц и др.);
- множество переплетенных, скрещенных черт, линий (сеть дождя, сеть морщин и т.д.);
- система коммуникаций, расположенных на каком-либо пространстве (железнодорожная сеть, электрическая сеть, газовая сеть, телефонная сеть и др.);

- совокупность расположенных где-либо однородных учреждений, организаций (торговая сеть, курортная сеть, школьная сеть и т.д.).

Таким образом, основой любой сети является совокупность точек и связей между ними.

Согласно ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» признаками сетевой формы реализации образовательных программ являются следующие:

- основой данной формы является разработка и реализация образовательной программы и (или) отдельных учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практики, иных компонентов (далее — образовательная программа);
- разработка и реализация образовательной программы осуществляются посредством совместной деятельности нескольких участников на основании договора;
- использование при освоении обучающимся образовательной программы ресурсов нескольких организаций;

- разнообразие участников, к числу которых могут относиться как образовательные, так и другие организации различных видов и типов;

- механизмом взаимодействия участников является договор, в котором указываются основные характеристики образовательной программы, реализуемой с использованием такой формы.

При этом Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» не содержит определение понятия «сетевая форма реализации образовательных программ».

В письме Минобрнауки России от 21.04.2015 № ВК-1013/06 «О направлении методических рекомендаций по реализации дополнительных профессиональных программ»⁵ сетевая форма реализации дополнительных профессиональных программ (ДПП) раскрывается как «организационное решение, обеспечивающее использование ресурсов одновременно нескольких образовательных и иных организаций». Однако данное определение не учитывает того факта, что основой для использования сетевой формы является договор и именно это является существенным свойством данной формы. Об организационном решении возможно говорить на первом этапе — при определении самой возможности для той или иной организации участвовать в сетевой форме.

В литературе сетевая форма реализации образовательных программ определяется как «организация обучения с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе иностранных, а также при необходимости и ресурсов иных организаций»⁶. Однако в данном определении, равно как и в приведенном выше, отсутствует упоминание договора, а также образовательной программы, которая является сердцевинной сетевой формы.

С учетом изложенного полагаем целесообразным определить сетевую форму реализации образовательных программ как способ органи-

⁴ URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%81%D0%B5%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 16.02.2024).

⁵ Администратор образования. 2015. № 12.

⁶ Козырин А. Н., Трошкина Т. Н. Образовательное право России : учебник : в 2 кн. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. Кн. 1. С. 522.

зации и осуществления образовательной деятельности, для которого характерна совместная реализация образовательных программ и (или) отдельных учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), практики, иных компонентов двумя и более участниками, вкладывающими для этого свои ресурсы на основании договора.

3. Код сетевой формы

Сетевая форма реализации образовательных программ может быть изображена в виде кода. Подобное кодирование позволяет представить информацию о сетевой форме в более удобном для восприятия и практического использования виде.

Такой подход коррелирует с понятием кода, закрепленным в Правилах разработки, ведения, изменения и применения общероссийских классификаторов технико-экономической и социальной информации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 07.06.2019 № 733 «Об общероссийских классификаторах технико-экономической и социальной информации»⁷. Согласно п. 2 данных Правил код — это уникальная последовательность символов, определенная в соответствии с методом кодирования, использование которой позволяет однозначно определить объекты, включенные в общероссийский классификатор.

Некоторыми авторами коды характеризуются как «регуляторы процессов самоорганизации сложных систем и эволюционные предпосылки формирования семакодов (языка), лежащих в основе самоорганизации социума»⁸. Принципиально важным в этом видится восприятие кода как регулятора, который может быть использован для обеспечения самоорганизации участников отношений.

С учетом сказанного полагаем возможным сформировать особое знаковое пространство — код сетевой формы. Для формирования кода

введем простую знаковую систему, включающую следующие знаки:

А — образовательная организация;

Б — не образовательная организация;

+ — договорные отношения о сетевой форме реализации образовательных программ;

ОП — образовательная программа в начальной стадии реализации;

= — суммированный сетевой эффект;

... — неопределенное множество субъектов.

Исходя из этого самый простой вариант кода сетевой формы выглядит так:

$A + A = ОП$ или $A + Б = ОП$.

Более усложненные коды могут выглядеть так:

$A + A + Б = ОП$ или $A + Б + Б = ОП$;

$A + A + Б + ... = ОП$ или $A + Б + Б + ... = ОП$.

В литературе можно встретить определение кода как «связывания структур и операций в новую операцию», в рамках которого связывание абстрагирует, отвлекает от конкретной структуры (операции)⁹. В данном случае буквы и знаки представляют собой структуры и операции, связываемые в рамках договора о сетевой форме. Итог такого связывания — новая структура, обозначаемая буквами ОП.

Практическое использование кода сетевой формы требует введения в него дополнительных элементов, отображающих статус базовой организации и статус организации-участника.

В таком случае элементами кода будут следующие знаки:

А(б) — образовательная организация, имеющая статус базовой (может быть только в единственном числе);

А(у) — образовательная организация — участник (может быть неопределенное количество);

Б(у) — не образовательная организация — участник (может быть неопределенное количество).

Самые простые коды выглядят так:

$A(б) + A(у) = ОП$;

$A(б) + Б(у) = ОП$.

⁷ СЗ РФ. 2019. № 24. Ст. 3093.

⁸ Малинова И. П. Синергетика: кодовая теория самоорганизации сложных систем // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 18.

⁹ Куртов М. Генезис графического пользовательского интерфейса. К теологии кода. СПб., 2014. С. 28.

Более сложные коды могут иметь самый разнообразный вид:

$A(b) + A(y) + B(y) = ОП;$

$A(b) + A(y) + A(y) + ... = ОП;$

$A(b) + B(y) + B(y) + ... = ОП;$

$A(b) + A(y) + B(y) + B(y) + ... = ОП.$

Общим для всех кодов, вне зависимости от конфигурации составляющих, является, во-первых, наличие субъекта $A(b)$, который и обеспечивает в той или иной степени образовательную деятельность, включая зачисление обучающихся, во-вторых, наличие ОП как новой структуры, созданной в результате самоорганизации отношений участников сетевой формы, внешним выражением которой является договор. Образовательная программа и элементы ее содержания выступают производными от специфики состава и конфигурации составляющих кода.

4. Понятие «ресурс»

С экономической точки зрения сетевая форма реализации образовательных программ представляет собой обмен ресурсами между участниками¹⁰. Понятие «ресурс» было использовано в ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Ресурс определяется как «запасы, источники чего-либо» и как «средство, к которому обращаются в необходимых случаях»¹¹. В сфере экономики «ресурс» как фундаментальное понятие экономической теории означает «источники, средства обеспечения производства, которые делятся на природные (сырьевые, геофизические), трудовые (человеческий капитал), капитальные (физический капитал), оборотные средства (материалы), информационные, финансовые (денежный капитал) и другие»¹².

Термин «ресурсы» используется в различных нормативных правовых актах, как правило, в контексте регламентации их использования. Речь, в частности, идет о терминах: «природные ресурсы», «природные лечебные ресурсы», «водные ресурсы», «водные биологические ресурсы», «энергетические ресурсы», «охотничьи ресурсы», «инвестиционные ресурсы», «трудовые ресурсы», «информационные ресурсы» и т.д.

Очевидно, что ресурс применительно к сетевой форме реализации образовательных программ включает в себя объекты гражданских прав¹³. Однако, по нашему мнению, это понятие нельзя рассматривать как тождественное понятие «объект гражданских прав»¹⁴.

Подтверждением данного тезиса является Примерная форма договора о сетевой фор-

¹⁰ В качестве характерного примера возможно указать письмо Министерства образования и науки РФ от 21.09.2016 № 08-1975 «О методических рекомендациях». В нем под ресурсом, который предлагается использовать в качестве вклада в реализацию образовательных программ в сетевой форме, понимаются экспозиции исторического парка «Россия — моя история». Данные экспозиции возможно применять на уроках истории и во внеурочной деятельности в общеобразовательных организациях. Экспозиции охватывают такие темы, как: «Романовы», «Рюриковичи», «От великих потрясений к Великой Победе» (1914–1945 гг.).

¹¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская АН, Российский фонд культуры. 2-е изд. М. : Азъ, 1994. С. 667.

¹² Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд. М. : Инфра-М, 2007. С. 356.

¹³ Согласно ст. 128 Гражданского кодекса РФ (СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301) к таковым относятся: вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

¹⁴ Это, однако, не отменяет того факта, что в некоторых нормативных правовых актах термин «ресурс» рассматривается как синонимичный термину «имущество». Так, в ч. 6 ст. 105.5 Налогового кодекса РФ (СЗ РФ.

ме реализации образовательных программ, пункт 2.2 которой содержит открытый перечень ресурсов: имущество, помещения, оборудование, материально-технические и *иные* ресурсы. Полагаем, что речь идет не только об объектах гражданских прав, но и о неких полезных эффектах, которые крайне трудно зафиксировать, оценить и охарактеризовать в каких-либо количественных выражениях. Тем не менее данные сетевые эффекты, по сути, являются следствием вложения ресурсов участниками сетевой формы.

Так, участие образовательной организации в сетевой форме может выражаться в том, что эта организация создала условия для направления своего преподавателя в другую образовательную организацию — участника сетевой формы с заключением с ним трудового договора о работе по совместительству. Такого рода совместительство привело к повышению качества образования, создало условия для улучшения методического обеспечения реализации образовательных программ в другой организации-участнике.

В литературе применительно к взаимодействию в рамках сети, предполагающему передачу ресурсов, используются понятия «осязаемые объекты» (имущество, деньги) и «неосязаемые объекты» (информация, убеждения, ценностные нормы и др.)¹⁵. Такого рода неосязаемые объекты также могут потенциально выступать ресурсом в рамках сетевой формы.

С учетом изложенного считаем, что наиболее близким по смыслу к понятию «ресурс» в законодательстве является используемое в ст. 2 Федерального закона от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»¹⁶ понятие «иностранные инвестиции»: оно охватывает в том числе информацию¹⁷. То есть инвестицией могут быть «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления»¹⁸.

Полагаем также, что понятие «ресурс», используемое в ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», стоит ближе не к гуманитарному или социальному, а к биологическому смысловому полю. Так, в биологической науке ресурс рассматривается как всё, что организм потребляет, что необходимо ему для жизнедеятельности¹⁹. Полагаем возможным использовать данный подход и в социальной сфере. Исходя из этого, ресурсом в рамках сетевой формы можно назвать всё, чем можно напрямую или опосредованно воспользоваться для разработки и реализации образовательной программы.

Изложенное позволяет выделить следующие черты ресурса как экономической основы обмена в рамках сетевой формы:

— конкретный ресурс представляет собой сущность, которую можно выделить и идентифицировать относительно иных ресурсов, при

1998. № 31. Ст. 3824) используется термин «активы», под которыми понимаются ресурсы (имущество, в том числе денежные средства, имущественные права, в том числе интеллектуальные права).

¹⁵ Дегтерев Д. А. Сетевой анализ международных отношений // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2015. Вып. 4. С. 119–137.

¹⁶ СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3493.

¹⁷ Иностранная инвестиция — вложение иностранного капитала, осуществляемое иностранным инвестором непосредственно и самостоятельно, в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в виде объектов гражданских прав, принадлежащих иностранному инвестору, если такие объекты гражданских прав не изъяты из оборота или не ограничены в обороте в Российской Федерации в соответствии с федеральными законами, в том числе денег, ценных бумаг (в иностранной валюте и валюте Российской Федерации), иного имущества, имущественных прав, имеющих денежную оценку исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность), а также услуг и информации.

¹⁸ См. определение информации в пп. 1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448).

¹⁹ Бигон М., Харпер Дж., Таунсенд К. Экология. Особи, популяции и сообщества : пер. с англ. : в 2 т. М. : Мир, 1989. Т. 1. С. 112.

этом он может существовать как в материально-вещественной форме, так и вне ее;

— свойства ресурса должны предусматривать возможность описания их в договоре о сетевой форме реализации образовательных программ;

— ресурс должен характеризоваться совместимостью, включающей способность переходить от одного лица к другому. При этом речь не идет только об отчуждаемости в гражданско-правовом смысле. Ресурсом может быть некое неосязаемое решение участника сетевой формы, обладающее потенциальной полезностью для другого участника (участников), предусмотренное в той или иной степени конкретизации договором. Потенциальная полезность трансформируется в сетевой эффект, влияющий в первую очередь на реализацию образовательной программы;

— затраты участника сетевой формы, связанные с вложением ресурса в разработку и реализацию образовательной программы, должны быть ниже, чем потенциальный сетевой эффект, получаемый в результате вложения этого ресурса в реализацию образовательной программы;

— ресурс должен обладать потенциальной полезностью, то есть пригодностью для удовлетворения каких-либо потребностей участников сетевой формы реализации образовательных программ, причем происхождение ресурса не обязательно должно быть связано со сферой образования. Полезность не является статическим свойством²⁰ и в силу этого может видоизменяться по мере реализации договора о сетевой форме;

— ресурс может использоваться в пределах срока действия договора о сетевой форме реализации образовательных программ, однако характеризующийся полезностью сетевой эффект, образовавшийся в результате его использова-

ния, может иметь место и после формального прекращения действия сетевого договора.

Исходя из изложенного, полагаем возможным определить понятие «ресурсы» как объекты и (или) свойства, которые способны приносить участникам характеризующиеся полезностью сетевые эффекты в процессе разработки и реализации ими образовательной программы в сетевой форме на основании договора.

5. Понятие «сетевой эффект»

Понятие «сетевой эффект» не используется в ст. 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и в других нормах. Однако именно сетевой эффект отражает востребованность сетевой формы у участников договора о сетевой форме. Использование данного понятия позволяет реконструировать мотивацию к заключению договора со стороны потенциальных участников.

В экономической литературе отражен классический подход к определению сетевой ценности, в соответствии с которым потребительная стоимость сетей повышается с увеличением числа пользователей, при этом данное увеличение приобретает значение при достижении критической массы, под которой понимается минимальное количество пользователей, начиная с которого система обретает определенный уровень полезности, обеспечивающий долгосрочную эксплуатацию сети²¹. Этот подход коррелирует с имеющимися в литературе подходами к определению сетевых эффектов, в частности определению данного эффекта как влияния количества пользователей услуги на ценность этой услуги, воспринимаемую каждым пользователем индивидуально²². В результате для каждого отдельного пользователя ценность

²⁰ Куприенко Л. С. Философский анализ понятия «полезность» : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1990. С. 12.

²¹ Дятлов С. А. Теоретические подходы к оценке сетевых эффектов // Современные технологии управления. 2017. № 4 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-otsenke-setevykh-effektov> (дата обращения: 05.11.2024).

²² Оверби Х., Одестад Я. А. Цифровая экономика : Как информационно-коммуникационные технологии влияют на рынки, бизнес и инновации. М. : Дело РАНХиГС, 2022. С. 109.

растет естественным образом по мере расширения сети²³.

Однако в отношении сетевой формы в сфере образования данная закономерность не применима, по крайней мере в полном виде. Такого рода особенность обуславливается ограниченностью потенциальных участников сетевой формы. Сетевая форма может состояться при наличии среди участников хотя бы одной образовательной организации, как это следует из описанного выше кода.

Потенциальное количество участников любой социальной сети, объединяющей физических лиц, ограничено численностью человечества. Количество же образовательных организаций ограничено в силу специального статуса в виде лицензии, которую нужно получить, равно как и ограничено количество организаций — участников, имеющих интерес к взаимодействию с образовательными организациями в рамках сетевой формы. Это количество также зависит от статуса образовательной программы — ее типа, уровня и содержания.

Поэтому сетевой эффект в сфере образования не может выражаться только в росте количества участников с проекцией этого роста на увеличение объема различных благ для участников²⁴. Тем более применительно к сетевой форме не может быть установлен какой-либо предел потребительной стоимости сети.

Сетевой эффект в сфере образования может быть обеспечен уже в силу соединения двух

участников в рамках договора и, более того, может увеличиваться по мере реализации договора, например в виде постепенного роста количества потенциальных обучающихся, готовых платить за обучение.

Здесь можно сделать вывод о том, что сетевой эффект в рассматриваемом нами случае заключается в двух аспектах:

— возникновение новых, эмерджентных свойств предоставляемого образования, которые было бы невозможно достигнуть, если бы участники сетевой формы реализовывали образовательные программы самостоятельно;

— полезность для каждого участника сетевой формы. Данная полезность определяется прежде всего на основе субъективной оценки участника. Такой подход к оценке полезности не отрицает использования уровней сравнения полезности на основе непосредственного ощущения предпочтения одного объекта или совокупности объектов по сравнению с другими, позволяющего сказать, что для некоторого лица одна полезность больше, чем другая²⁵.

С учетом вышеизложенного можно предположить, что к такого рода сетевым эффектам следует отнести: повышение качества образования; формирование новых образовательных продуктов; увеличение количества обучающихся и (или) финансовых поступлений за счет расширения объема платных образовательных услуг; генерирование новых знаний; распространение благоприятной информации об участниках дого-

²³ Моазед А., Джонсон Н. Платформа : Практическое применение революционной бизнес-модели : пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2021. С. 106.

²⁴ Безусловно, сам по себе рост количества участников сетевой формы в сфере образования порождает повышение уровня полезности данной формы для всех участников. В идеале первоначальное простейшее объединение двух участников в рамках сетевой формы способно развиваться до уровня всей «популяции» образовательных организаций в населенной точке или на территории, которые присоединяются к этому объединению. Таким образом, потенциальный обучающийся, по сути, будет поступать не в образовательную организацию, а в систему образования, объединяющую все или большинство образовательных организаций в рамках сетевой формы, находящихся на относительно замкнутой территории, обеспечивающей доступность. Этот потенциальный обучающийся в ходе реализации своей образовательной траектории соберет модули — сочетаемые друг с другом части образовательной программы соответствующего профиля, реализуемые во всех или в большинстве образовательных организаций, расположенных на определенной территории. Однако такого рода схема на практике труднореализуема.

²⁵ Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение / пер. с англ. Н. Н. Воробьева. М. : Наука, 1970. С. 42.

вора; повышение уровня дохода, не связанного с предоставлением платных образовательных услуг; решение кадровой проблемы в деятельности участника и т.д.

При этом полезные последствия могут первоначально возникнуть у одного участника, но в последующем они распространятся на всех участников в непосредственном или трансформированном виде. Например, дополнительный приток обучающихся на платной основе к одному участнику впоследствии вызовет такое же увеличение количества обучающихся в другой организации — с момента начала реализации части образовательной программы. В качестве другого примера можно привести улучшение подготовки в образовательной организации — участнике сетевой формы обучающихся, которые в дальнейшем поступят на работу к другому участнику сетевой формы — работодателю, и их приход решит кадровую проблему и увеличит объем дохода у последнего.

Заключение договора о сетевой форме реализации образовательных программ и возможное последующее расширение круга участников сетевой формы реализации образовательных программ также вызывает положительную обратную связь, способствующую распространению информации об успешной реализации образовательной программы, что, в свою очередь, порождает дополнительный интерес к каждому участнику сетевой формы и к их объединению в целом.

С учетом изложенного сетевой эффект можно определить как результат разработки и реализации на основе договора образовательной программы в сетевой форме, обладающий полезностью для участника и (или) участников, выражающийся в формировании новых качественных характеристик предоставляемого образования, которые было бы невозможно достигнуть каждым участником по отдельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бигон М., Харпер Дж., Таунсенд К. Экология. Особи, популяції і соціальства : пер с англ. : в 2 т. Т. 1. — М. : Мир, 1989. — 667 с.
2. Дегтерев Д. А. Сетевой анализ международных отношений // Вестник СПбГУ. Серия 6. — 2015. — Вып. 4. — С. 119–137.
3. Дятлов С. А. Теоретические подходы к оценке сетевых эффектов // Современные технологии управления. — 2017. — № 4 (76).
4. Козырин А. Н., Трошкина Т. Н. Образовательное право России : учебник : в 2 кн. Кн. 1. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 799 с.
5. Куприенко Л. С. Философский анализ понятия полезность : автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Ростов н/Д, 1990. — 24 с.
6. Куртов М. Генезис графического пользовательского интерфейса. К теологии кода. — СПб., 2014. — 88 с.
7. Малеина М. Н. Договор о сетевой форме реализации образовательных программ // Lex russica. — 2016. — № 7 (16). — С. 177–183.
8. Малинова И. П. Синергетика: кодовая теория самоорганизации сложных систем // Российский юридический журнал. — 2016. — № 5. — С. 16–29.
9. Матвеев В. Ю. Правовая природа договора о сетевой форме реализации образовательных программ // Юрист. — 2018. — № 4. — С. 18–24.
10. Моазед А., Джонсон Н. Платформа: Практическое применение революционной бизнес-модели : пер. с англ. — М. : Альпина Паблишер, 2021. — 288 с.
11. Мошкова Д. М., Лозовский Д. Л. К вопросу о правовом регулировании сетевых форм реализации образовательных программ // Юридический мир. — 2014. — № 1. — С. 20–22.
12. Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение / пер. с англ. Н. Н. Воробьева. — М. : Наука, 1970. — 708 с.

13. Оверби Х., Одестад Я. А. Цифровая экономика : Как информационно-коммуникационные технологии влияют на рынки, бизнес и инновации. — М. : Дело РАНХиГС, 2022. — 288 с.
14. Шевелева Н. А., Лаврикова М. Ю., Васильев И. А. Сетевая форма обучения: состояние правового регулирования и перспективы развития // Закон. — 2016. — № 5. — С. 161–170.

Материал поступил в редакцию 11 ноября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bigon M., Kharper Dzh., Taunsend K. Ekologiya. Osobi, populyatsii i soobshchestva: per s angl.: v 2 t. T. 1. — M.: Mir, 1989. — 667 s.
2. Degterev D. A. Setevoy analiz mezhdunarodnykh otnosheniy // Vestnik SPbGU. Seriya 6. — 2015. — Vyp. 4. — S. 119–137.
3. Dyatlov S. A. Teoreticheskie podkhody k otsenke setevykh effektiv // Sovremennye tekhnologii upravleniya. — 2017. — № 4 (76).
4. Kozyrin A. N., Troshkina T. N. Obrazovatelnoe pravo Rossii: uchebnik: v 2 kn. Kn. 1. — M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2019. — 799 s.
5. Kuprienko L. S. Filosofskiy analiz ponyatiya poleznost: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. — Rostov n/D, 1990. — 24 s.
6. Kurtov M. Genezis graficheskogo polzovatelskogo interfeysa. K teologii koda. — SPb., 2014. — 88 s.
7. Maleina M. N. Dogovor o setevoy forme realizatsii obrazovatelnykh programm // Lex russica. — 2016. — № 7 (16). — S. 177–183.
8. Malinova I. P. Sinergetika: kodovaya teoriya samoorganizatsii slozhnykh sistem // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2016. — № 5. — S. 16–29.
9. Matveev V. Yu. Pravovaya priroda dogovora o setevoy forme realizatsii obrazovatelnykh programm // Yurist. — 2018. — № 4. — S. 18–24.
10. Moazed A., Dzhonson N. Platforma: Prakticheskoe primenenie revolyutsionnoy biznes-modeli: per. s angl. — M.: Alpina Publisher, 2021. — 288 s.
11. Moshkova D. M., Lozovskiy D. L. K voprosu o pravovom regulirovanii setevykh form realizatsii obrazovatelnykh programm // Yuridicheskiy mir. — 2014. — № 1. — S. 20–22.
12. Neyman Dzh., Morgenshtern O. Teoriya igr i ekonomicheskoe povedenie / per. s angl. N. N. Vorobeva. — M.: Nauka, 1970. — 708 s.
13. Overbi Kh., Odestad Ya. A. Tsifrovaya ekonomika: Kak informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii vliyayut na rynki, biznes i innovatsii. — M.: Delo RANKhiGS, 2022. — 288 s.
14. Sheveleva N. A., Lavrikova M. Yu., Vasilev I. A. Setevaya forma obucheniya: sostoyanie pravovogo regulirovaniya i perspektivy razvitiya // Zakon. — 2016. — № 5. — S. 161–170.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

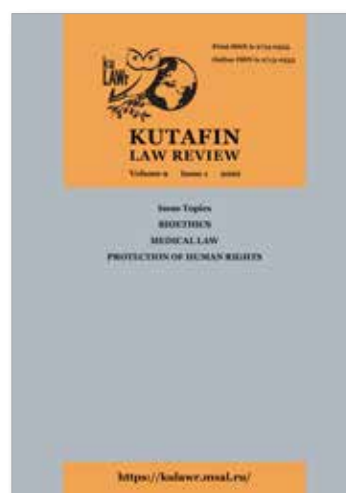
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – **11178**, Lex russica – **11198**,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – **40650**, «Право и цифровая экономика» – **39492**.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 5 (174) май 2025

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002